

ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СѢНОДѢ.

№ 18 | ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ СЪ ПРИБАВЛЕНІЯМИ. | № 18

Высочайшее повелѣніе.

Государь Императоръ, въ 22-й день сего апрѣля, Высочайше соизволилъ утвердить всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Сѣнода о бытіи управляющему Раненбургскою Петропавловскою пустынью, въ Рязанской епархіи, бывшему епископу Тобольскому **Василію** епископомъ Пензенскимъ и Саранскимъ.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, велѣдствіе представленія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Сѣнода, по положенію Комитета Министровъ, въ 7-й день текущаго апрѣля, Всемилоостивѣйше соизволилъ на пожалованіе серебряныхъ медалей, съ надписью „за усердіе“, для ношенія на груди, на Александровской лентѣ, за труды по народному образованію, діаконамъ московскихъ церквей: Богоявленской, въ Елоховѣ, Константину **Воронцову**, Спасской, на Божедомкѣ, Лукѣ **Любимову** и Вознесенской, въ Бронной, Александру **Сперанскому**, состоящему на вакансіи псаломщика діакону Николаевской цер-

кви въ г. Симбирскѣ **Михаилу Тихову**, псаломщикамъ церквей: московской Симоноустолпнической, за Яузю, Петру **Соколову**, села Нижняго, Боровскаго уѣзда, Иоанну **Виноградову** и заштатному Успенской села Борисова, Дмитровскаго уѣзда, Ивану **Скворцову**.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Сѣнодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Сѣнода, въ 15-й день текущаго апрѣля Всемилоостивѣйше соизволилъ на награжденіе кievскаго 2-й гильдіи купца Якова **Бернера**, губернскаго секретаря **Михаила Козловскаго** и гомельскаго мѣщанина **Ивана Кожемякина**, за особыя труды и заслуги ихъ по сооруженію въ г. Кіевѣ храма во имя Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, первыхъ двоихъ орденомъ Св. Станислава 3-й степени, а послѣдняго серебряною медалью, съ надписью „за усердіе“, для ношенія на груди на Аннинской лентѣ.

Высочайшая благодарность.

По случаю чудеснаго событія 17-го октября минувшаго года къ

Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода поступили:

I) отъ архіепископовъ Владимірскаго, Рязанскаго, Харьковскаго и епископовъ Могилевскаго и Саратовскаго полученныхъ ими заявленія съ просьбами повергнуть къ стопамъ Государя Императора выраженія чувствъ безпредѣльной радости и вѣрноподданнической преданности:

1) членовъ Владимірскаго православнаго Братства во имя святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго;

2) священника церкви села Гладкихъ Выселокъ, Мещерскихъ-тожь, Михайловскаго уѣзда, Петра Боброва, попечителя оной Козьмы Сергѣева и прихожанъ той церкви, общественнымъ приговоромъ положившихъ: устроить въ названномъ храмѣ икону съ ликами святыхъ: благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, Маріи Магдалины, святителя Николая Чудотворца и святыхъ, празднуемыхъ 17 октября, съ соотвѣтственною надписью, для ежегоднаго въ этотъ день совершенія предъ означенною иконою благодарственнаго молебствія, и, кромѣ того, вызолотить два придѣльныхъ иконостаса въ той же церкви, на каковой предметъ пожертвовано священникомъ Бобровымъ 100 руб., а прихожанами 900 руб.;

3) протоіерея Троицкой церкви села Старой Рабины, Богодуховскаго уѣзда, и прихожанъ сей церкви, приговоромъ положившихъ построить на общественныя средства на вновь отведенномъ кладби-

щѣ каменную часовню, съ тѣмъ, чтобы въ оной ежегодно 17 октября совершаемо было благодарственное Господу Богу молебствіе;

4) крестьянъ Высочанской, Лиознянской и Серокоротнянской волостей, Оршанскаго уѣзда, постановившихъ приговоры объ ассигнованіи первою волостью 500 руб., второю 300 руб. и третьею 125 руб. на устройство и содержаніе церковно-приходскихъ школъ, въ память чудеснаго событія 17 октября 1888 года;

5) прихожанъ Вознесенской церкви Пичужинской станицы, Царицынскаго уѣзда, казаковъ Астраханскаго казачьяго войска, для увѣковѣченія памяти дней—900-лѣтія крещенія Руси и явленія величайшаго чуда милости Божіей 17 октября 1888 г., устроившихъ въ названной церкви двѣ золоченныя металлическія хоругви, стоимостью въ 300 руб., съ изображеніями на нихъ соотвѣтствующихъ воспоминаемымъ событіямъ святыхъ,

и 6) прихожанъ церкви села Елпанки, Саратовскаго уѣзда, приговоромъ постановившихъ, въ память событія 17 октября, перелить на ихъ издѣвеніе разбитый колоколь въ 80 пудовъ, съ прибавленіемъ къ нему до 20 пудовъ, и сдѣлать на ономъ соотвѣтственную надпись;

II) отъ архіепископовъ Донскаго, Кишиневскаго и Литовскаго и епископовъ Архангельскаго и Симбирскаго сообщенія о томъ, что:

1) общество поселка Ильинскаго, Таганрогскаго округа, въ ознаме-

нованіе событія 17 октября, приобрѣло для приходской Александроневской церкви колоколь въ 104 пуда;

2) прихожане Михайловской церкви мѣстечка Ганчешть, Кишиневского уѣзда, по предложенію мѣстнаго священника Александра Гепецкаго, пожертвовали изъ прибылей ссудо-сберегательнаго товарищества своего 453 р. на приобретение большого колокола въ названную церковь, съ слѣдующею на ономъ надписью: „17 октября 1888 года. Борки. Услышавъ звукъ сего колокола, оѣсни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и воздаждь благодареніе Богу, чудесно спасшему жизнь Царя и Его Семьи — источника твоего благосостоянія и будущности“;

3) прихожане Ильинской церкви въ заштатномъ городѣ Видзахъ, Ковенской губерніи, а также городской голова съ членами управы и гласными Думы, мѣстные раскольники и сельское Николаевское общество раскольниковъ съ волостнымъ старшиною, по предложенію священника названной церкви, возымѣли желаніе приобрести для оной колоколь въ 15 пудовъ, съ соотвѣтствующею событію 17 октября 1888 г. надписью, на каковой предметъ пожертвовали 300 р., въ томъ числѣ Видзскій городской голова Сигизмундъ Волковскій 100 р.;

4) дворянинъ, коллежскій совѣтникъ Андрей Русановъ, для увѣковѣченія памяти о чудесномъ событіи 17 октября, заявилъ о своемъ

намѣреніи построить на собственные средства деревянную церковь во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невского въ Дениславскомъ приходѣ, Онежскаго уѣзда,

и 5) алатырскій купецъ Кирилль Поповъ, въ ознаменованіе того же событія, изъявилъ желаніе на свой счетъ построить въ селѣ Параняхъ, Алатырскаго уѣзда, вмѣсто сгорѣвшей въ прошломъ году, новую церковь, съ тѣмъ, чтобы въ этой церкви ежегодно, въ день 17 октября, предъ литургіею совершаема была панихида по убиеннымъ при крушеніи Императорскаго поѣзда, а послѣ литургіи благодарственное молебствіе за чудесное спасеніе Царской Семьи;

III) священникомъ Успенской церкви слободы Соколова, Змиевскаго уѣзда, доставлены Синодальному Оберъ-Прокурору 130 руб., пожертвованныя прихожанами названной церкви на сооруженіе часовни или храма на мѣстѣ проявленія Промысла Божія 17 октября 1888 года.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ о семъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Побѣдоносцева, Его Императорскому Величеству, въ 15-й день текущаго апрѣля, благоугодно было собственноручно начертать: „Искренно благодаримъ“.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

О возведеніи Воскресенско-Феодоровской женской общины, Владимірской епархіи, въ общежительный женскій монастырь.

Святѣйшій Синодъ опредѣленіемъ

отъ 4—8 апрѣля 1889 года постановилъ: Воскресенско-Оеодоровскую женскую общину, Владимирской епархіи, возвести въ женскій общежительный монастырь, съ наименованіемъ его „Воскресенско-Оеодоровскимъ“, съ такимъ числомъ монашествующихъ, какое обитель по своимъ средствамъ въ состояніи будетъ содержать.

Приказомъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 20-го апрѣля 1889 года № 9, опредѣляется въ службу: сынъ священника Альбинскій—въ Хозяйственное Управление при Святѣйшемъ Синодѣ канцелярскимъ служителемъ (съ 28 марта 1889 года).

Увольняются: въ отпускъ: причисленный къ канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода сверхъ штата, титулярный совѣтникъ Губинъ—вънутрь имперіи, на два мѣсяца.

Отъ службы за болѣзнію: начальникъ архива и бібліотеки Святѣйшаго Синода, статскій совѣтникъ Григоровичъ и секретарь Подольской духовной консисторіи, коллежскій совѣтникъ Либеровскій (по опредѣленіямъ Святѣйшаго Синода: первый 28 марта и второй 5 апрѣля 1889 года).

Исключается изъ списковъ умершей: секретарь Кишиневской духовной консисторіи, коллежскій совѣтникъ Юштинъ.

Отъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ,

Опредѣленіями Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 28 марта—19 апрѣля 1889 г., за №№ 36 и 39, утвержденными г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, постановлено:

1) Составленное директоромъ Казанской учительской семинаріи Н. Ильмин-

скимъ учебное руководство, подъ заглавіемъ: „Церковно-славянская азбука для церковно-приходскихъ школъ и для школъ грамоты. Книжка первая—для учителей (Казань. 1889 г. Цѣна 12 к.) и книжка вторая—для учениковъ (Казань. 1889 г. Цѣна 8 к.)—одобрить къ употребленію въ качествѣ учебнаго руководства для церковно-приходскихъ школъ и для школъ грамоты,

и 2) изданную Виленскимъ Свято-Духовскимъ Братствомъ книжку, подъ заглавіемъ: „Святые Виленскіе мученики Антоній, Іоаннъ и Евстаѳій“ (Вильна. 1883 г.)—одобрить для приобрѣтенія въ бібліотеки церковно-приходскихъ школъ.

Отъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ.

Опредѣленіями Учебнаго Комитета, утвержденными г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, постановлено:

1) Изданіе Льва Поливанова, подъ заглавіемъ: „Сочиненія А. С. Пушкина, съ объясненіями ихъ и сводомъ отзывовъ критики. Для семьи и школы“ (Въ 5-ти томахъ. Томы 1-й, 2-й, 3-й и 4-й. Москва. 1887 г. и т. 5-й. Москва. 1888 г.)—рекомендовать къ приобрѣтенію въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки духовныхъ семинарій и училищъ.

2) Составленную А. Д. Галаховымъ книгу: „Исторія русской словесности. Учебникъ для среднихъ учебныхъ заведеній“ (Изд. 5-е. Спб. 1888 г.)—одобрить для ученическихъ бібліотекъ духовныхъ семинарій и для награды учащихъ въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ.

3) Книгу священника Н. Аничкова: „Уроки христіанскаго Богословія по новозавѣтному ученію. Составлены подъ руководствомъ св. Отцевъ церкви и при неослабно-тщательномъ изученіи богословскихъ лекцій и т. п. источниковъ“ (Изд. 1-е. Тверь. 1888 г.)—допустить къ приобрѣтенію въ биб-

ліотеки духовныхъ семинарій и училищъ.

4) Книгу священника В. Крылова: „Сокращенная практическая славянская грамматика съ систематическими славянскими и русскими примѣрами, изборниками и словарями для упражненій“ (Изданіе учебнаго магазина „Начальная школа“, Е. Н. Тихоміровой. Москва. 1886 г.)—одобрить къ употребленію въ духовныхъ училищахъ въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи церковно-славянскаго языка.

5) Составленную преподавателемъ И. Киприановичемъ книгу: „Синтаксисъ русскаго языка, сличенный съ синтаксисомъ классическихъ и церковно-славянскаго языковъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній“ (2-е изданіе, дополненное и исправленное. Спб. 1887 г.)—одобрить къ употребленію въ духовныхъ училищахъ для преподавателей русскаго и классическихъ языковъ.

6) Изданный Эразмомъ Шпачинскимъ журналъ: „Вѣстникъ опытной физики и элементарной математики“ въ 4-хъ книгахъ (48 номеровъ. №№ 1—24. Кіевъ. 1887 г. и №№ 25—48. Кіевъ. 1888 г.)—одобрить за 1887 и 1888 гг. для библиотекъ духовныхъ семинарій и училищъ,

и 7) Сочиненіе А. П. Лопухина: „Руководство къ Библейской исторіи Ветхаго Завета“ (Спб. 1888 г. Изданіе И. Тузова)—одобрить къ приобрѣтенію въ библиотеки духовныхъ семинарій.

Отзывъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ о 34 брошюрахъ, присланныхъ изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для разсмотрѣнія и сужденія о пригодности ихъ для начальныхъ училищъ.

Почти всѣ эти брошюры были уже на разсмотрѣніи Учебнаго Комитета, и, за немногими исключеніями, признаны непригодными для распространенія въ народѣ и употребленія въ начальныхъ школахъ. Но чтобы полнѣе и опредѣленнѣе выяснить взглядъ Учебнаго Комитета на произведенія этого рода,

признается необходимымъ вновь произнести объ нихъ сужденіе.

Для сего необходимо раздѣлить ихъ на слѣдующіе отдѣлы:

1) Брошюры, въ которыхъ говорится о важности и необходимости чтенія Св. Писанія, каковы слѣдующія: а) *Изборникъ отеческихъ мнѣній о важности Св. Писанія*. Лѣскова. С.-Петербургъ 1881 г. б) *Два слова о св. Библии*. Изданіе Н. Р. С.-Петербургъ 1882 г. в) *Краткое руководство къ чтенію Новаго Завета, т. е. св. Евангелія и Апостола*. Съ приложеніемъ вида рѣки Иордана, двухъ картъ и плана. Изд. Н. А. С.-Петербургъ 1882 г. г) *Чему учить Св. Писаніе?* Изд. 3-е. С.-Петербургъ 1877 г.

2) Брошюры, въ которыхъ содержится или одинъ сводъ изреченій Св. Писанія, или съ нѣкоторыми добавленіями и поясненіями о любви Божіей къ человѣку. Таковы: а) *Богъ есть любовь*. С.-Петербургъ 1877 г. б) *Божественныя слова мира и утѣшенія*. Изд. 2-е. С.-Петербургъ 1882 г. в) *Новая русская азбука*. С.-Петербургъ 1883 г. г) *Краткій библейскій указатель*. М. Е. К. С.-Петербургъ 1883 г.

3) Брошюры, писанныя разными авторами, въ которыхъ объясняется тайна нашего спасенія во Христѣ. Брошюры этого отдѣла многочисленны. Въ однѣхъ изъ нихъ сочинители предполагаютъ читателя къ сознанию необходимости возрожденія во Христѣ, къ покаянію, къ вѣрѣ во Христа и къ принятію Его въ свое сердце и т. д.; таковы слѣдующія: а) *Бесѣда двухъ друзей о возрожденіи*. Изд. 3-е. С.-Петербургъ 1882 г. б) *Голосъ времени*. Изд. 2-е. С.-Петербургъ 1882 г. в) *Два брата*. Разсказъ. Варшава 1880 г. д) *Брачный пиръ*. Варшава 1880 г. ж) *Два богатства и истинная радость или Сила Божія въ дѣлѣ спасенія*. Изд. Н. Р. 1881 г. з) *Въода отъ потери*. Изд. Н. Р. С.-Петербургъ 1880 г. и) *Пора домой и Превыше разума* (стих.). С.-Петербургъ 1882 г. і) *Кумиръ* (истинный разсказъ). Изд. Н. Р. 1880 г. С.-Пе-

тербургъ. к) *Бесѣда у смертнаго одра*. Изд. Н. Р. С.-Петербургъ 1882 г.

л) *Пастухъ и овцы*. Рекомендовано Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для библиотекъ народныхъ училищъ. Изд. 7-е. С.-Петербургъ 1878 г. м) *Пиенница или солома?* Варшава 1880 года. н) *Мытарь и фарисей*. Изд. Н. Р. 1882 года. о) *Застынутые въ расплохъ*. Одесса 1882 г., печатано въ Варшавѣ. п) *Званіе христіанина и его значеніе*. Изд. Н. Р. С.-Петербургъ 1882 года. р) *Большой пастухъ*. С.-Петербургъ 1882 г.— Въ другихъ этого класса брошюрахъ въврующей вводится въ непосредственныя живыя отношенія ко Христу; таковы: а) *Примирился ли ты съ Богомъ?* Изд. Н. Р. С.-Петербургъ 1882 г. б) *Благодаришь ли ты Бога?* С.-Петербургъ. 1882 г. Изд. Н. Р. в) *Прииди ко Иисусу*. Вольный переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе 3-е. С.-Петербургъ 1881 г. г) *Взирай на Иисуса*. Варшава 1880 г.

4) Отрывки изъ писаній учителей Церкви. Сюда относятся: а) *Свойства христіанской вѣры. Изъ твореній Св. Тихона*. (т. VII. гл. 3). Изд. 2-е. С.-Петербургъ 1883 г. б) *Изъ бесѣдъ покойнаго Митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго Михаила*. Т. VII. Отд. XIX: *о томъ, могли ли пророки и жертвы спасти человека? и для чего онъ установленъ и даны были отъ Бога?* Изд. 2-е. С.-Петербургъ.

5) Двѣ брошюры, изъ коихъ одна содержитъ пѣснопѣнія, изложенныя въ стихотворной формѣ, подъ названіемъ: *Радостныя пѣсни Сіона*. С.-Петербургъ 1882 г., а другая—повѣсть изъ быта городской жизни Лондона, подъ названіемъ: *Одиноки въ Лондонѣ*. Изд. 3-е. Варшава 1874 г.

Все обозначенныя здѣсь брошюры, несмотря на ихъ сектантскій характеръ, были отпечатаны съ разрѣшенія цензуры. Цензурное разрѣшеніе свидѣтельствуетъ, что эти книжки при прочтеніи ихъ не возбуждали сомнѣній въ ихъ благонамѣренномъ направленіи.

И дѣйствительно, когда эти брошюры читаются по одиночкѣ и безъ систематическаго порядка, онѣ въ своемъ большинствѣ не представляютъ непосредственно своего сектантскаго направленія; но когда онѣ читаются въ совокупности и извѣстномъ порядкѣ, съ разложеніемъ ихъ по отдѣламъ,—тогда ихъ сектантское направленіе и та основная мысль, какая проводится въ нихъ, обнаруживаются со всею ясностію. При этомъ важно не столько то, о чемъ онѣ трактуютъ, сколько то, о чемъ намѣренно умалчиваютъ. Разсуждая о какой либо спасительной истинѣ съ одной стороны, сочинители намѣренно умалчиваютъ о тѣхъ сторонахъ, которыми опредѣляется или обусловливается эта истина, и такимъ образомъ проводятъ въ сознаніе читателя ту односторонность, которой они держатся, какъ сектанты. Это ясно открывается изъ краткаго обзоренія отдѣловъ, на которые раздѣлены брошюры.

Въ брошюрахъ перваго отдѣла совершенно вѣрно говорится, что для спасенія души необходимо читать слово Божіе, что для сего надо стараться уразумѣвать его, а для уразумѣнія просить благодати свыше; но при этомъ совершенно несправедливо умалчивается о томъ, что въ уразумѣніи и изясненіи слова Божія необходимо держаться руководства Церкви, которое дается въ писаніяхъ святыхъ отцевъ и учителей ея и которое одно только можетъ предохранить читателя отъ самопѣнія, лжеумствованій и заблужденій. Утверждая въ читателѣ мысль о необходимости чтенія слова Божія и въ то же время умалчивая о церковномъ руководствѣ, брошюры развиваютъ въ читателѣ ту *односторонность*, какую страдаетъ протестантизмъ, т. е. предоставляютъ читателю самому толковать Священное Писаніе, обнадеживая его мнимымъ просвѣщеніемъ свыше.

Въ брошюрахъ втораго отдѣла совершенно вѣрно приводятся слова Свя-

ценнаго Писанія о любви Божіей къ человѣку, о спасеніи человѣка страданіями и смертію Иисуса Христа и о необходимости вѣровать въ Него. Но когда при этомъ не указываютъ словъ Священнаго Писанія о необходимости со стороны человѣка свободныхъ усилій къ усвоенію и возгрѣванію даровъ спасительной благодати,— всѣ эти брошюры будутъ утверждать въ душѣ читателя ту односторонность и неправильную мысль, что для спасенія будто-бы достаточно только вѣровать во Христа, а остальное есть дѣло благодати, какъ утверждаютъ протестанты.

Въ брошюрахъ третьяго класса проводится та же односторонность подобнымъ же образомъ. Что каждому христианину необходимо вѣрою входитъ въ живое и прямое отношеніе ко Христу, что эти отношенія, начинаясь здѣсь, вполне раскроются и будутъ источникомъ нашего блаженства въ будущей жизни—это совершенно вѣрно. Но при этомъ слѣдовало бы сказать, что такія отношенія устанавливаются, раскрываются и утверждаются не сами собою, а непременно въ Церкви, для сего именно установленной, и притомъ непременно при помощи благодатныхъ средствъ, подаваемыхъ въ таинствахъ, и подъ руководствомъ богоустановленнаго священноначалія. Брошюры же, раскрывая первое, т. е. о прямыхъ отношеніяхъ ко Христу Спасителю, ни слова не говорятъ ни о Церкви, какъ воспитательницѣ и руководительницѣ вѣрующихъ, ни о таинствахъ, какъ благодатныхъ средствахъ, ни о священноначаліи, какъ о богоустановленномъ посредничествѣ. Великѣе такое умалчиваніе, въ душѣ читателя утверждается односторонняя мысль о спасеніи во Христа безъ всякаго посредства и руководства,—мысль сектантская и пагубная.

Въ брошюрахъ четвертаго отдѣла та же односторонность проводится чрезъ писанія святыхъ отцовъ и учителей Церкви, въ православіи которыхъ не

можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ отрывкѣ изъ писаній св. Тихона: „О свойствахъ истинной вѣры во Христа“ излагается совершенно православное ученіе о вѣрѣ; но взятое отрывочно, внѣ связи съ ученіемъ того же святителя о Церкви, священноначаліи и таинствахъ,—оно является одностороннимъ въ томъ смыслѣ, что какъ будто и св. Тихонъ внушалъ мысль о непосредственныхъ отношеніяхъ вѣрующей души ко Христу внѣ богоустановленной Церкви,—чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Въ отрывкѣ же изъ бесѣдъ митрополита Михаила, взятомъ внѣ связи съ его мыслями вообще о спасеніи человѣка, развивается другая односторонность, именно, что человѣкъ оправдывается *не дѣлами закона*, а только вѣрою во Христа, которая подается намъ силою Божіей. Такимъ образомъ эти два отрывка направлены къ проведенію одной и той же протестантской мысли, что въ дѣлѣ нашего спасенія нужна только вѣра, а добродѣтельная жизнь не имѣетъ значенія.

Общую мысль всѣхъ этихъ брошюръ можно кратко выразить такъ: имѣй библию и читай ее, вѣруй во Иисуса и взирай на Него—это главное и существенное для спасенія,—а все остальное неважно.

Когда такимъ образомъ выяснилась общая мысль или направленіе книжекъ,—яснѣе выступаетъ значеніе тѣхъ фразъ, въ которыхъ проводятся ложныя сектантскія ученія. Такъ въ книжкѣ „Званіе христианина и его значеніе“ сочинитель спрашиваетъ: „неужели ты допустишь, что Господь, создавшій міръ безъ помощи человѣка, имѣетъ надобность въ содѣйствіи человѣка для совершенія спасенія его?“ (стр. 5). Такимъ оборотомъ рѣчи отрицается участие нашей свободной воли въ дѣлѣ нашего личнаго спасенія. Въ „Бесѣдѣ двухъ друзей о возрожденіи“ сочинитель, говоря о крещеніи, выражается о немъ такъ неопредѣленно, что какъ будто совсѣмъ отвергаетъ значеніе внѣшней

формы этого таинства; онъ говоритъ, что „не внѣшнее омовеніе водою въ крещеніи спасаетъ насъ,... не чрезъ это внѣшнее омовеніе въ крещеніи дѣлаемъ мы истинными христіанами“ (стр. 11) и т. д. Выражался такъ о таинственномъ троекратномъ погруженіи въ воду въ крещеніи, авторъ низводитъ оное къ простому обряду, для чего не вполне приводитъ слова Св. Ап. Петра (1 Петр. 3, 21) и совершенно забываетъ слова Ап. Павла о таинственномъ знаменованіи крещенія (Римл. 6, 4). Въ „Бесѣдѣ у смертнаго одра“ сочинитель выражается о покаяніи, какъ только о личномъ (субъективномъ) чувствѣ вѣрующаго, въ отвѣтъ на которое непосредственно нисходитъ всепрощающая благодать Божія, — причемъ нигдѣ, ни однимъ словомъ не упоминается о посредничествѣ священника и о необходимости со стороны его разрѣшенія кающемуся. „Бѣдный грѣшникъ, принеси твое виновное сердце ко Христу; у ногъ Его сложи все бремя грѣховъ твоихъ, и Онъ дастъ тебѣ покой. Не скрывай предъ Нимъ ничего, несглаживай, не утаивай ни одного изъ грѣховъ твоихъ, принеси ихъ съ сокрушеннымъ сердцемъ, и Господь проститъ ихъ, изгладитъ, забудетъ ихъ. Если исповѣдуемъ грѣхи наши, то Онъ, будучи вѣренъ и праведенъ, проститъ намъ грѣхи наши и очиститъ насъ отъ всякой неправды“ (1 Иоан., 1, 9). (Гол. времени, стр. 5—6). Общее представленіе о возрожденіи и обновленіи сочинители выражаютъ слѣдующимъ образомъ: „для возрожденія слѣдуетъ человѣку, не полагаясь нисколько на силы свои, обратиться къ милосердію Бога и усердно просить помощи Его и благодатнаго дѣйствія Святаго Духа. Но чтобы молитва наша была пріятна Царю Небесному, надобно прежде примириться съ Богомъ, а чтобы примириться съ Богомъ, надобно получить отпущеніе грѣховъ; для полученія сего отпущенія необходимо вѣровать во Иисуса Христа, заслужившаго намъ прощеніе грѣховъ. А такъ какъ

усвоеніе нами заслугъ Христа Спасителя и внутренняя въ насъ переменна или возрожденіе совершается Святымъ Духомъ, то мы должны смиренно и усердно молить Бога о ниспосланіи сего Духа Освятителя на насъ грѣшниковъ. И такъ, первую обязанностію нашею должно быть примиреніе съ Богомъ, приближеніе къ Нему и запечатлѣніе мира съ нашимъ Праведнымъ Судіей у подножія Креста Спасителя, Который пролилъ Кровь Свою для спасенія нашего. Безконечныя заслуги Спасителя, усвоенныя нами, заровняютъ бездну, отдѣляющую насъ отъ Святаго Святыхъ, и содѣлаютъ возможнымъ общеніе между душею нашею и Богомъ; тогда и Св. Духъ снизойдетъ на насъ и приобщитъ насъ къ жизни вѣчной“ („Бес. о возрод.“ стр. 11—12). Въ такомъ представленіи о благодатномъ возрожденіи проповѣдуется полнѣйшій субъективизмъ протестантства! „Вѣра во Христа“, учатъ сочинители брошюры, „необходимая для нашего спасенія, есть даръ отъ неизмѣняющагося Бога“, — вотъ основное начало брошюры („Приди ко Иисусу“, стр. 43).

Въ связи съ этимъ началомъ проводится и другая протестантская мысль, — мысль о добрыхъ дѣлахъ, какъ не имѣющихъ значенія въ дѣлѣ спасенія. Въ представленіи о семъ предметѣ сочинители, какъ видно, имѣютъ предъ собою латинское ученіе о добрыхъ дѣлахъ, какъ заслугахъ предъ Богомъ, и потому постоянно преслѣдуютъ въ читателѣ мысль о значеніи добрыхъ дѣлъ. „Нигдѣ не говорится въ Свящ. Писаніи“, рассуждаютъ они, „что чело- вѣкъ, взвѣсивъ свои добрыя дѣла и Законъ Божій и нашедъ, что послѣдній перевѣшиваетъ первыя, можетъ придать къ своимъ добрымъ дѣламъ столько заслугъ Иисуса Христа, чтобы между закономъ и дѣлами возстановилось равновѣсіе; ибо если бы это было возможно, въ такомъ случаѣ чело- вѣкъ скорѣе себя самого, нежели Иисуса Христа, почелъ бы своимъ спасителемъ“ („Ист. радость“ стр. 2). Ожидающій

своего спасенія отъ своихъ заслугъ думаетъ спастись способомъ, противнымъ тому, какой указанъ намъ въ Библии“ (Тамъ же, 3). Борясь съ такими ложными представленіями латинства, сочинители повторяютъ тѣ крайности, въ которыя ударились протестантскіе богословы, опровергая латинство. Такъ, они учатъ, что *дѣла* (добрыя), *предшествовавшія рожденію свѣше, бесполезны* („Примирился ли ты съ Богомъ“, стр. 7),—тогда какъ мы имѣемъ слова Писанія, въ которыхъ ясно признается значеніе и за добрыми дѣлами, совершенными до возрожденія: *во всякомъ азѣмъ бояйся Бога и дѣлай правду, приятель Ему есть*. (Дѣян. 10, 35). Православному читателю, на котораго расчитаны эти брошюры, совершенно чужды латинскія представленія о добрыхъ дѣлахъ, какъ заслугахъ,—но когда сочинители постоянно обращаются къ нему съ вопросами: „не полагается ли онъ на свои добрыя дѣла, на свою молитву, на свое благочестіе? не думаетъ ли оправдаться самъ собою? не смотритъ ли на свои грѣхи сквозь уменьшительныя стекла холодной законности?“ и под., то этимъ самымъ вносится въ его сознаніе совершенно чуждая намъ борьба, производится смута въ его представленіяхъ о праведной жизни и тѣмъ отнимается у него тотъ душевный покой, который является послѣдствіемъ благочестивой жизни.

Вредное дѣйствіе книжекъ этимъ не ограничивается. Книжки такого направленія готовятъ въ народной массѣ почву для устной и живой пропаганды и подають поводъ и случай для дальнѣйшаго сѣянія сектантскихъ заблужденій и односторонностей. Если чтеніе само по себѣ оставляетъ въ душѣ читателя вредныя послѣдствія,—то что сказать о томъ, когда эти книжки будутъ читать и толковать массѣ слушателей проповѣдники новыхъ ученій, которыхъ въ наше время явилось очень много? Весьма естественно, что въ книжкахъ будутъ указаны и въ сек-

тантскомъ смыслѣ разъяснены всѣ тѣ мѣста, гдѣ есть къ тому хотя малѣйшіе поводы,—причемъ, понятно, будутъ ссылаться на цензурное разрѣшеніе, какъ на свидѣтельство того, что и высшая власть духовная держится тѣхъ же мыслей. На этомъ основаніи признается необходимымъ изъять изъ употребленія брошюры первыхъ четырехъ отдѣловъ, какъ брошюры сектантскаго направленія. Исключеніе можно сдѣлать только для одной брошюры: „*Краткій библейскій указатель*“. *Цензоръ архим. Тихонъ (М. Е. К.). С.-Петербургъ, 1883 г.*,—какъ такой брошюры, въ которой Учебный Комитетъ не усматривалъ чего либо сектантскаго. Но и для ея приобрѣтенія должно быть постановлено въ непремѣнное условіе снятіе съ нея мистической красной печати—альфа и омега.

Къ непозволительнымъ книжкамъ должны быть отнесены и брошюры, показанныя подъ цифрою 5:

а) Брошюра — „Радостныя пѣсни Сіона“—чисто сектантскаго направленія. Пѣснопѣнія, содержащіяся въ ней, лишены поэтическаго и религіознаго чувства и составлены безъ соблюденія правилъ стихосложенія. Такія пѣснопѣнія могутъ пѣть только крайніе мистики, утратившіе чувство поэтической красоты и ясность религіознаго сознанія.

б) Брошюрка „Одиноки въ Лондонѣ“ не содержитъ ничего сектантскаго, но отзывается ложною чувствительностью и идеализмомъ, чуждымъ дѣйствительности. Какъ нездоровая пища не можетъ не отзываться разстройствомъ въ организмъ, такъ и чтеніе подобныхъ брошюръ не можетъ не отзываться вредно на нашихъ читателей, внося въ нихъ ложную чувствительность и фальшивый взглядъ на жизнь. Поэтому слѣдуетъ запретить и эти книжки.

Остается неразсмотрѣнною одна брошюрка, именно: „Святость подвига спасанія утопающихъ“. Изд. 4-е. Составилъ Дмитрій Иларіоновичъ Сѣтниковъ, крестьянинъ Вятской губерніи.

С.-Петербургъ 1877 г. Но она не подходит подъ категорію вышепересмотрѣнныхъ книгъ и объ ней Учебнымъ Комитетомъ данъ одобрителный отзывъ. Впрочемъ и ея приобрѣтеніе и храненіе въ бібліотекахъ должно быть также обусловлено снятіемъ мистической красной печати новѣйшаго сектантства“.

Въ виду вышеизложеннаго, Учебный Комитетъ признаетъ поименованныя брошюры непригодными для народныхъ училищъ, за исключеніемъ двухъ: „Краткій библейскій указатель“ и „Святость подвига спасанія утопающихъ“. Эти двѣ послѣднія брошюры могутъ быть допущены къ употребленію въ народныхъ училищахъ лишь въ новомъ изданіи, безъ извѣстной красной печати на оборточномъ или заглавномъ листѣ.

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1886 г. *).

Общее число обучавшихся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ со времени преобразования ихъ въ 1867 и 1869 гг. Со времени преобразования духовныхъ семинарій и училищъ въ 1867 году и академій въ 1869 году, до 1886 года включительно, общее число обучавшихся въ этихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ простиралось до 838,556 чело-

*) Продолженіе. См. № 17 „Церковн. Вѣдом.“ 1889 года.

вѣкъ *); въ томъ числѣ обучалось, съ 1867 года, въ училищахъ 554,659, въ семинаріяхъ 271,133; въ академіяхъ, съ 1869 года, 12,854. Такимъ образомъ среднимъ числомъ приходится на годъ: обучавшихся въ училищахъ 27,729, въ семинаріяхъ 13,557 и въ академіяхъ 714.

Изъ числа обучавшихся въ академіяхъ приходится—на С.-Петербургскую 4,046, Московскую 3,616, Кіевскую 2,906 и Казанскую 2,286 челоѣкъ.

Изъ числа обучавшихся въ семинаріяхъ самое большое число приходится на Московскую епархію: въ двухъ тамошнихъ семинаріяхъ—Московской и Виленской—въ теченіи 26 лѣтъ обучалось 14,094 челоѣка. Затѣмъ, многолюднѣйшими семинаріями, въ которыхъ число воспитанниковъ за 20 лѣтъ простиралось свыше 7000, оказываются: Тверская (12,407), Рязанская (11,286), Владимірская (10,972), Воронежская (9,858), Тамбовская (9,460), Орловская (9,467), Волынская (8,260), Кіевская (8,129), Вятская (7,578), Вологодская (7,392), Тульская (7,347) и Ярославская (7,242); малолюднѣйшими семинаріями, въ которыхъ число воспитанниковъ за 20 лѣтъ не достигало 3,000, оказываются: Олонецкая (2,903), Полоцкая (2,960), Ставропольская, бывшая Кавказская (2,815), Тобольская (2,674), Уфимская (2,471), Литовская (2,331), Иркутская (2,202), Донская (2,200), Томская (2,076), Рижская (1,850) и Астраханская (1,612). — Семинаріи Таврическая, Варшавская, Оренбургская и Якутская открыты послѣ 1867 г.

*) Число это нѣсколько меньше дѣйствительнаго, такъ какъ изъ нѣкоторыхъ епархій свѣдѣнія доставлены не за всѣ разсматриваемые годы; изъ Камчатской же епархій свѣдѣній не получено болѣе чѣмъ за половину этого періода.

(Продолженіе будетъ).

П Р И В А В Л Е Н І Я

к ъ

Ц Е Р К О В Н Ы М Ъ В Ъ Д О М О С Т Я М Ъ ,

И З Д А В А Е М Ы М Ъ

П Р И С В Я Т Ъ Й Ш Е М Ъ П Р А В И Т Е Л Ъ С Т В У Ю Щ Е М Ъ С У Н О Д Ъ .

№ 18

Е Ж Е Н Е Д Ъ Л Ы Н О Е И З Д А Н І Е .

№ 18

П О У Ч Е Н І Е

в ъ п р а з д н е с т в о п я т и д е с я т и л ѣ т і я в о з с о -
 е д и н е н і я з а п а д н о - р у с с к и х у н і а т о в ъ с ъ
 п р а в о с л а в н о ю ц е р к о в і ю .

*О миръ всего міра, благостоя-
 нии святыхъ Божиихъ церквей и
 соединеніи всѣхъ, Господу помо-
 лимся!*

Таково одно изъ первыхъ моленій нашей православной церкви, слышимыхъ нами, христіане православные, на Божественной литургіи. Откуда дошло оно въ наслѣдіе нашей церкви? Отъ церкви апостольской, какъ гласитъ преданіе, изъ литургіи св. апостола Іакова, и благоговѣнно воспринято въ литургіи свв. вселенскихъ учителей и святителей Василия Великаго и Іоанна Златоустаго, донныѣ совершаемыя въ православной церкви.

Кто изъ насъ, братіе, въ лучшія, благодатныя минуты духовнаго настроенія, не ощущалъ сладости того истинно-христіанскаго духа, какимъ одушевлено сіе святое и величественное моленіе! Не есть ли уже самое это моленіе громкимъ и ежедневнымъ свидѣтельствомъ объ истинно-христіанскомъ духѣ, живущемъ въ православной церкви? Ибо не въ ней ли одной и сохранилось въ своемъ подлинномъ, свято-апостольскомъ и свято-отеческомъ образѣ это моленіе, не слышимое въ литургіяхъ, совершаемыхъ внѣ ея?

Нынѣ, празднуя торжество возсоединенія бывшихъ западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковію, можемъ, во умиленіи сердець, исповѣдать: *сбытся во ушлю* нашу (Іоан. 4, 21) святое литургійное моленіе! Сбылось оно въ данной намъ мѣрѣ, сбылось въ той средѣ русскихъ людей, въ которой совершилось празднуемое событіе, но сбылось во всѣхъ трехъ прошеніяхъ, содержащихся въ семь моленій.

1) *О миръ всего міра* молится наша церковь. И вотъ даровалъ ей Господь Богъ, въ ближайшей средѣ земнаго поприща ея, увидѣть исполненіе сего моленія на торжествѣ „возсоединенія“. Ибо это возсоединеніе было вѣнцомъ міра и успокоенія въ нашей западно-русской странѣ, водворившихся послѣ многовѣковой розни и борьбы. Слезами и кровію орошалось поприще этой борьбы въ долгія времена уніи, бывшей впрочемъ только орудіемъ другихъ сѣятелей розни и неприязни въ этой странѣ... Но съ сего священнаго мѣста не подобаетъ печалить сердца ваши пространными сказаніями о всѣхъ неправдахъ и заблужденіяхъ людскихъ тѣхъ печальныхъ временъ. Полнѣе отдадимся радости и чувству благодаренія Господу Богу, что тѣ времена прошли безвозвратно, и однимъ изъ достопамятнѣйшихъ знаменій сего есть и будетъ торжество

возсоединенія бывшихъ униатовъ, совершившееся именно благодаря миру и безопасности, успокоенію и свободѣ, засвѣтившимся для населенія западно-русской страны съ присоединеніемъ ея къ природному составу всея Великія Россіи, подъ державою русскихъ, православныхъ, боговѣнчаныхъ Царей.

2) *О благостояніи церквей* молится наша церковь. Возсоединеніе униатовъ не ознаменовалось ли послѣдовавшимъ за тѣмъ возстановленіемъ благостоянія церкви Божіей въ нашемъ Западно-русскомъ краѣ? Довольно указать здѣсь на одно или два болѣе видимыя знаменія сего. Кто изъ насъ старѣйшихъ не видѣлъ, а изъ младшихъ не слышалъ, какіе храмы оставило намъ время униі? Не погрѣшимъ, если означимъ состояніе ихъ словами: убожество, ветхость, опущенность, мѣстами даже запустѣніе и развалины, часто — плѣненіе, т. е. пребываніе въ чужихъ рукахъ, а вообще приниженіе предъ высившимися инославными храмами, забранными нерѣдко именно изъ лучшихъ православныхъ нѣкогда храмовъ! А теперь, кто изъ насъ, по чистой правдѣ, не скажетъ, что наши храмы или церкви, послѣ униі, особенно же въ послѣднія десятилѣтія, возросли въ числѣ, бывъ одни возвращены изъ чужихъ рукъ, ихъ не строившихъ или строившихъ руками русскаго народа, другіе возстановлены изъ развалинъ, обновлены отъ запущенія, обветшанія, третьи заново построены, а всѣ вообще стали благолѣпнѣе? А какъ все это случилось? Волею и щедротами благочестивѣйшихъ Царей, Царицъ и другихъ Особъ Царствующаго Дома, попеченіемъ самихъ возсоединенныхъ архипастырей и ихъ преемниковъ, попеченіемъ высшаго священноначалія или Святѣйшаго Синода Всероссийской церкви, много разъ помогавшаго возсоединеннымъ епархіямъ, усердіемъ возсоединенныхъ священни-

ковъ и прихожанъ, увидѣвшихъ себя въ лучшей долѣ, въ большей силѣ, наконецъ многократною помощію благочестивыхъ соотечественниковъ нашихъ изъ Великой Россіи, оказываемою по чувству единовѣрія и братскаго участія къ возсоединеннымъ, какъ чадамъ единой отечественной церкви. Не возвысилось ли благолѣпіе и самаго Богослуженія въ нашихъ храмахъ? Подумайте о томъ сами, взявъ пока на мысль одно: не чаще ли и чаще слышите вы въ своихъ, даже сельскихъ, церквахъ чтеніе и пѣніе вашихъ дѣтей, наученныхъ въ *русскихъ* школахъ, чего почти не видано и не слыхано было въ униі, или что было тогда величайшею рѣдкостью?

3) *О соединеніи всѣхъ* молится церковь. Святая молитва! Вѣнецъ всего моленія! Ибо соединеніемъ, союзомъ вѣры и любви и держатся и украшаются и миръ міра, и благостояніе и церкви и общества... Но чѣмъ же и было празднуемое свѣтлое событіе, если не *именно возсоединеніемъ* западно-русскихъ людей съ православною церковію, отъ которой они были отторгнуты чрезъ унию съ римскою церковію? Да, братіе! То возсоединеніе и было и есть истиннымъ соединеніемъ, истиннымъ единеніемъ, какимъ не была униа. Размыслите.

Слово Божіе гласитъ: *единъ Господь, едина вѣра* (Еф. 4, 5). Вотъ первыя основы истиннаго единенія! И онъ есть въ нашей и всей православной церкви. *Единъ Господь*, а потому Онъ Христосъ Господь есть и единый *Глава Церкви* (Еф. 5, 23), *краугольный камень* ея (Еф. 2, 21), единый *верховный Пастыреначальникъ* (1 Петр. 5, 4) ея, какъ то ясно учитъ слово Божіе, всегда учила, со всѣми св. учителями и отцами, вселенская церковь, отъ которой отдѣлилась въ семь учении римская церковь, восхотѣвшая создать

свое новое ученіе, будто есть другой еще глава, господинъ и верховный владыка всей церкви, римскій папа, будто бы намѣстникъ Христовъ надъ всѣмъ свѣтомъ христіанскимъ, который и долженъ покоряться и вѣрять ему во всемъ, какъ непогрѣшиму, что все противно не только Слову Божію, ученію вселенской церкви, но и разуму человѣческому! О! благу часть избрали наши отцы, когда, оставивъ римскую унію и ея папское главенство, воссоединились съ православною церковію, вѣрующею только въ единого Главу, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа!

Единая вѣра. Гдѣ можетъ быть и есть такая единая, истинная вѣра? По ученію Слова Божія, св. отцевъ и св. вселенскихъ соборовъ—это вѣра единой, святой, соборной и апостольской церкви, исповѣдуемой въ Символѣ Вѣры и нашею православною церковію, вѣрною хранительницею вѣроученія Вселенской церкви, отъ которой и въ этомъ отдѣлилась римская церковь, не убоясь посягнуть на самый Символъ Вѣры и внести всѣмъ извѣстную прибавку въ ученіе о Святомъ Духѣ, вопреки словамъ Самого Господа, благоговѣнно и подлинно поставленнымъ въ семь ученіи сѣмвола (Іоан. 15, 26). Какъ будто римскіе папы съ своими богословами могли уразумѣть таинство Святой Троицы лучше, чѣмъ научилъ о немъ Самъ Господь, чѣмъ приняла и содержала всегда вселенская церковь, составившая сѣмволъ на своихъ св. соборахъ! Не будемъ упоминать о другихъ ученіяхъ и преданіяхъ единой и вселенской церкви, нарушенныхъ или переименованныхъ римскою. Возблагодаримъ Бога, что теперь обрѣтаемся въ единеніи вѣры съ единою, святою, соборною и апостольскою церковію, вѣрною послѣдовательницею которой есть наша православная церковь,

посему именно и называемая *православною* т. е. *право, истинно вѣрующею!*

Еще: истинное единеніе должно свидѣтельствоваться духомъ любви соединенныхъ. Была ли унія такимъ единеніемъ? Но уже сказано, что насиліемъ, а не любовію она насаждена была и потомъ насаждалась среди нашихъ предковъ. А какъ стала уніатская церковь, то скоро и оказалось, что она не столько сестра для римско-латинской и союзной съ нею польско-латинской церкви, сколько рабыня, прислужница, словомъ, что то низшее. Польское латинство въ этомъ краѣ, забирая къ себѣ то отъ православія, то отъ унии всѣхъ знатныхъ, богатыхъ, всѣхъ пановъ, а унии, и то не всегда, оставляя насильно загнанный въ нее простой народъ, считало себя выше ея, хвалясь своею славою, силою и богатствомъ, часто взятымъ именно отъ унии. Это ли была любовь? *Любовь, учить Слово Божіе, не завидитъ, не превозносится, не ищетъ своихъ си* (1 Кор. 13, 4—5). Но тутъ же вспомнимъ, братіе, и другія слова того же Слова Божія и любви: *любовь не раздражается, не мыслитъ зла* (—5). Не будемъ раздражаться и злопамятствовать о быломъ! Возблагодаримъ Бога, что оно прошло!

Съ тѣмъ же чувствомъ благодарности помянемъ лучше то, подъ какимъ наитіемъ любви совершилось празднуемое нынѣ воссоединеніе. То любовь Господа Бога, восхотѣвшаго Своєю благодатію привести нашихъ отцовъ въ лоно св. православной церкви, матери нашихъ предковъ отъ дѣтъ св. Владимира. То была любовь внявшихъ Божію благодатному внушенію тогдашнихъ уніатскихъ архипастырей, которые, во главѣ со старшимъ изъ нихъ, приснопамятнымъ святителемъ Іосифомъ, сами воссоединясь, подвигли сво-

ею мудростію и кротостію къ воссоединенію прочее духовенство, а чрезъ него и народъ. То была любовь благочестивѣйшаго Государа Императора Николая I, который милостиво принялъ въ свое державное покровительство благое дѣло воссоединявшихся, сказавъ при семъ: *Благодарю Бога и принимаю.* То была любовь древле-православныхъ архипастырей русскихъ, которые, во главѣ съ вышнимъ священноначаліемъ нашимъ, Святѣйшимъ Синодомъ, братски и отчески приняли, привѣтствовали и благословили воссоединенныхъ, какъ равноправныхъ чадъ единой матери, церкви всероссійской. То была любовь и всѣхъ истинно православныхъ и любящихъ свою св. вѣру русскихъ людей единой общерусской отчизны, радовавшихся о святомъ дѣлѣ воссоединенія и, какъ уже сказано, много разъ приспѣвавшихъ на помощь воссоединеннымъ въ устроеніи и украшеніи храмовъ и въ другихъ нуждахъ.

Да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ всѣхъ мудрыхъ и благихъ совершителей и споспѣшниковъ святаго дѣла! Да поминаются они въ нашихъ сердцахъ и молитвахъ предъ Богомъ!

Боже мира и любви, Отче Небесный, пославый Единороднаго Сына Твоего для спасенія нашего въ Его Христовой церкви, юже стяжалъ Онъ честною кровію Своею и ея же Онъ есть единый Глава, обѣтовавшій пребывать съ нею до скончанія вѣка, въ ней же пребываетъ и Духъ Святый, наставляющій ея на всякую истину! Невозможная у человѣкъ у Тебе возможна суть. Преклони къ миру, къ соединенію сердца и тѣхъ сыновъ единой русской отчизны въ семъ краѣ, благодушные предки которыхъ, вмѣстѣ съ нашими предками, были отдревле и сынами единой матери, св. церкви

православной, молились въ однихъ и тѣхъ же храмахъ, вмѣстѣ причащались Тѣла и Крови Христовой! Намъ же, воззваннымъ въ сію истинную церковь, даруй преуспѣвать въ познаніи и исповѣданіи ея св. истины, истины вѣры христіанской, съ Востока возсіявшей и всему міру! Даруй намъ являть истину нашей вѣры въ жизни и дѣлахъ нашихъ, преуспѣвать въ христіанской любви, благочестіи, братолюбіи, правдолюбіи, трудолюбіи, воздержаніи и всякомъ благонаравіи! Да славится въ добрыхъ дѣлахъ нашихъ всесвятое имя Твое, Отче Небесный, Сыне Божій и Душе Святый, отъ Отца исходяй и въ Сынѣ почивай, Троице Святая, слава Тебѣ! Аминь.

ВОССОЕДИНЕНІЕ

западно-русскихъ униатовъ съ православною церковію.

Въ прошломъ году совершилось всероссійское, церковное празднество 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ святой православно-христіанской вѣрѣ. Празднество это соединяло мысли и сердца наши въ воспоминаніяхъ о великихъ благодѣяніяхъ сей вѣры, явленныхъ Всевышнимъ русскому народу въ его многовѣковой жизни.

Нынѣшнее празднество 50-лѣтія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ съ православною церковію есть празднество вѣры ближайшимъ образомъ для русскихъ православныхъ людей западнаго края, гдѣ совершилось празднуемое отрадное и достопамятное событіе. Но оно отраднo и назидательно и для всѣхъ русскихъ православныхъ людей, какъ членовъ единой великой русской семьи, какъ чадъ единой русской православно-христіанской церкви. Почтимъ это свѣтлое празднество размышленіями о значеніи празднуемаго событія, которое уяснится для насъ, когда припомнимъ: какъ готовилась

и началась унія? Какъ тяжки были времена уніи и для православныхъ западной Россіи и для самихъ уніатовъ? Какъ наконецъ совершилось празднуемое нынѣ воссоединеніе западно-русскихъ уніатовъ?

I. Подготовка и начало уніи.

Извѣстно вамъ, дорогіе соотечественники, что предкамъ нашимъ при св. Владимірѣ даровалъ Господь Богъ принять св. вѣру отъ православно-христіанскаго Востока, бывшаго колыбелию всего христіанства и пребывшаго вѣрнымъ ученію и преданіямъ единой, святой, соборной или вселенской и апостольской церкви. Въ теченіи многихъ вѣковъ въ единеніи съ этою церковію, въ единеніи съ православно-христіанскимъ Востокомъ находилась и западная церковь, старшинство въ которой принадлежало церкви римской. Но съ горестію слѣдуетъ сказать, что въ вѣкъ св. Владиміра это единеніе уже нарушилось и близилось къ конечному разрыву. Римскіе папы, епископы старѣйшей на западѣ римской церкви, возмечтали поставить себя превыше вселенской церкви и мало по малу создали неизвѣстное дотолѣ въ ней ученіе о папствѣ, т. е. о главенствѣ или верховной власти римскаго папы надъ всею христіанскою церковію, всѣми христіанскими народами и странами. Такъ возмечтавъ, они уже не убоились вводить въ церковное вѣроученіе и другія самовольныя измышленія свои или своихъ приспѣшниковъ, несогласныя съ ученіемъ Слова Божія, ученіемъ и преданіемъ вселенской церкви, завѣщаннымъ св. отцами на 7 вселенскихъ соборахъ, бывшихъ въ церкви со времени царя св. Константина Великаго. Когда восточные святители сочли своимъ долгомъ братски обличить въ томъ римскихъ папъ и ихъ приспѣшниковъ, то они, гордые тогдашнею своею мірскою силою, порвали единеніе вѣры съ православнымъ Востокомъ.

Такъ послѣдовало печальное раздѣ-

леніе дотолѣ единой христіанской церкви на *Восточную* и *Западную*.

Первая осталась, какъ и была, *православною* и навсегда сохранила это священное названіе. Последняя, называющая себя—католическою, на самомъ дѣлѣ стала *римско-католическою*, *папистическою* и *латинскою*, потому что учить вѣрить и покоряться въ дѣлѣ вѣры только Риму и римскимъ папамъ, будто единымъ намѣстникамъ Христовымъ на всей землѣ, и требуетъ даже совершать и службы Божіи на такомъ-же языкѣ, на которомъ совершаютъ ихъ и римскіе папы.

Отдѣлившись отъ православно-христіанской церкви, римскіе папы и паписты не замедлили домогаться, чтобы то лестію, то силою покорить себѣ и восточную церковь, а также и всѣ христіанскія страны, которыя приняли отъ нея св. вѣру и пребывали въ единеніи вѣры и любви съ нею. Въ древней Руси видимъ цѣлый рядъ попытокъ папъ и ихъ приспѣшниковъ—папистовъ увлечь насъ на свою сторону или-же силою навязать намъ папское ученіе и папскую власть, вооружая на насъ то Польшу, то венгровъ, то нѣмцевъ, которые всѣ тогда были въ папской вѣрѣ и папской волѣ. Долго эти попытки оказывались неудачными: ибо наши предки—князья, святители и всѣ русскіе христіане—сердечно возлюбя свою святую вѣру, хотѣли быть и были неизмѣнно ей вѣрными, а папское господство считали не только не нужнымъ для себя, но вреднымъ и богопротивнымъ.

Но какъ въ жизни человѣка, такъ и въ жизни народа бываютъ несчастія. Несчастіями древней Россіи и воспользовались папы и паписты въ своихъ замыслахъ на власть въ ней. Постигло Россію татарское завоеваніе. Сѣверная или Великая Русь успѣла освободиться отъ татаръ и стала сильною подъ властію своихъ прирожденныхъ князей и царей, потомковъ св. Владиміра. А Западная Русь изъ подъ власти татаръ подпала власти Литвы и литовскихъ

князей. Литва и ея князья были язычниками, но, сближаясь и роднясь съ русскими, стали принимать ихъ вѣру, языкъ, обычаи, такъ что, въ замѣнъ литовскаго, готовилось стать литовско-русское государство, единоплеменное и единовѣрное московскому и довольно страшное и для самой Польши и сосѣднихъ нѣмцевъ. Зависть и страхъ взяли Польшу, тогда малую и слабую, какъ и сосѣднихъ нѣмцевъ. Обѣ стороны напрягали усилія такъ или иначе перетянуть на свою сторону литовскихъ князей. Удалось это Польшѣ.

Великій князь литовскій Ягайло, сынъ русской православной княжны, самъ крещенный и выросшій въ православіи, обольщенъ былъ польскими панами и ксендзами, которые предложили ему руку своей королевы и съ нею польскую корону съ тѣмъ, чтобы онъ, принявъ папскую или латинскую вѣру, соединилъ Литву и Западную Русь съ Польшею и насадилъ въ ней папство и латинство. Ягайло согласился и не устыдился перекрестить себя въ латинство въ г. Краковѣ, а возвратясь въ свою страну, принялся лестию и силою насаждать латинство и папство, принуждать къ нему и православныхъ Западной Руси. Папы осыпали похвалами за это Польшу и Ягайла и тѣмъ поджигали ихъ идти дальше и дальше въ томъ-же замыслѣ противъ православія Западной Руси. Такъ и поступалъ Ягайло и его потомки, великіе князья литовскіе и короли польскіе, неустанно и усердно поддерживаемые польскими панами, ксендзами и папами.

Однако же въ теченіи 200 лѣтъ эти коварные замыслы мало удавались. Не только природные русскіе, но, въ большинствѣ, и обрусѣвшіе православные литовцы твердо держались своей вѣры, имѣли своихъ епископовъ, священниковъ, свои церкви и монастыри, свое богослуженіе на родномъ церковнославянскомъ языкѣ, думали, говорили и писали по-русски. Были среди ихъ смѣлые защитники своей вѣры и цер-

кви, строители и благотворители св. храмовъ, каковы напимѣръ: славные князья Острожскіе—Феодоръ, Константинъ Ивановичъ, Константинъ Константиновичъ, потомки св. Владимира, князья Олельговичи Кіевскіе и Слуцкіе, потомки православныхъ литовскихъ князей, князья Вишневецкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Масальскіе, Корецкіе, Сангушки, Друцкіе-Любецкіе и др.; знатные роды Ходкевичей, Солтановъ, Сапѣгъ, Корсаковъ, Волловичей, Тышкевичей, Хребтовичей и многих, многихъ другихъ. А меньшіе русскіе дворяне, мѣщане и поселяне—всѣ оставались въ православіи. Для скрѣпленія своего союза, какъ людей единой вѣры, для освященія братскою молитвою своихъ честныхъ трудовъ и промысловъ, для поддержанія своихъ церквей и для дѣль христіанскаго милосердія, русскіе купцы и мѣщане составляли братства при церквахъ, возникшія прежде всего въ Вильнѣ и Львовѣ. Словомъ, отъ Кіева и Львова до Гродна, Минска, Полоцка, Могилева—повсюду рѣшительно преобладали своимъ числомъ православные русскіе, а польскіе и литовскіе латиняне были въ маломъ числѣ и то больше въ сѣверо-западной части Литвы.

Къ концу XVI вѣка настало уже болѣе тяжелое время для Западной Руси. Надобно сказать, что къ этому времени римская церковь понесла большой убытокъ на Западѣ. Цѣлыя христіанскія страны отпали отъ нея, раздраженные властолюбіемъ и злоупотребленіями папства. Папы и паписты задумали пополнить убытокъ новыми завоеваніями въ другихъ странахъ, особенно въ русской странѣ. Съ такимъ замысломъ явились въ Польшѣ и Литвѣ новые латинскіе монахи и борцы за папство—иезуиты; искусно и хитро овладѣли они умами и душами польскихъ королей, пановъ и стали верховодить въ Польшѣ, въ сообществѣ съ латино-польскими епископами и ксендзами, поддерживаемые папами изъ Рима. Между тѣмъ въ эту же пору и

сама Польша (со времени Люблинскаго сѣзда 1569 г.) задалась мыслию совсѣмъ завладѣть Литвою и Западною Русью, слить ихъ съ Польшею въ одно государство и ополячить русскихъ чрезъ вѣру, боясь, чтобы, оставаясь русскими православными, они не возвратились со временемъ подъ власть царей Великой Россіи, тогда уже сильной и не разъ вступавшей за своихъ единовѣрцевъ Западной Руси.

Плодомъ такихъ замысловъ явилась *унія*, т. е. такая церковная сдѣлка, по которой русскіе должны были признать папу своимъ главою, принять все ученіе римской церкви, и хотя могли имѣть своихъ епископовъ, священниковъ, свои храмы и богослуженіе, но считались не равными по вѣрѣ и чести съ поляками-латинянами, а—ниже ихъ. Унія, говорили про себя іезуиты и польскіе друзья ихъ, будетъ только *мостомъ* къ переводу русскихъ въ настоящее латинство, а черезъ это и къ полному ополяченію ихъ. Чтобы навязать русскимъ такую унію, пущены были въ ходъ не только всякіе лъстивые наговоры и обѣщанія, письма и книжки, но также угрозы и насилія. Къ величайшему сожалѣнію, нашлись и между русскими владыками такіе малодушные, которые, не вынеся обидъ и насилій отъ латино-польскихъ бояновъ и изувѣровъ, прельстившись на лъстивыя обѣщанія, поддались на унію, отправились въ Римъ, цѣловали ноги папы, отдались въ его власть, а возвратясь въ Западную Русь, сѣхались съ нѣсколькими другими, подобными себѣ, также съ нѣсколькими латино-польскими панами, епископами и іезуитами въ г. Брестѣ и объявили свою унію (въ 1596 г.). Таково было печальное начало уніи.

II. Тяжкія времена уніи и первое воссоединеніе уніатовъ.

Съ негодованіемъ и скорбію встрѣтили православные новообъявленную унію. Въ томъ же 1596 г. и въ томъ

же Брестѣ состоялся православный соборъ. Тутъ были послы отъ восточныхъ православныхъ патріарховъ, православные изъ другихъ странъ, православные русскіе епископы Гедеонъ Львовскій и Михаилъ Перемышльскій, многіе русскіе князья и дворяне, во главѣ съ славнымъ Константиномъ Острожскимъ, русскіе православные иноки и священники, а также выборные отъ православныхъ братствъ. Всѣ единогласно и торжественно отвергли унію и уніатскихъ владыкъ и дали обѣтъ твердо и ревностно защищать свою вѣру и церковь, не щадя своего достоинства, своихъ силъ и самой жизни.

Теперь-то настала тяжелая двухсотлѣтняя борьба православныхъ Западнаго края за свою вѣру и народность съ Польшею, латинянами и уніатами. Въ эти свѣтлые дни не будемъ вспоминать о всѣхъ неправдахъ, о бѣдахъ, жестокихъ угнетеніяхъ и кровавыхъ насиліяхъ, какими насаждалась унія среди многострадальныхъ нашихъ предковъ. Рядомъ съ этимъ были въ ходу и другіе способы совращенія, какъ-то: приманки почестей, выгодъ, соблазны и хитрости іезуитской науки.

Съ глубокою скорбію должно сознаться, что не всѣ православные смогли устоять противъ козней и соблазновъ. Чаше и чаще являлись отступники, особенно среди русскихъ, полячившихся пановъ, увлекаемыхъ къ отступничеству то своими женами изъ полекъ, то іезуитами, то вообще приманками честолюбія, польской вельможности и шляхетской необузданной вольности. Слѣдуетъ прибавить, что такіе паны-отступники переходили большею частію уже не въ унію, а въ польское латинство, поощряемые къ тому іезуитами и ксендзами, такъ что сразу открылось, что своей церкви они хотятъ забирать всѣхъ знатныхъ и богатыхъ, а уніатской, какъ нисшей, предоставляютъ только низшія сословія. Были еще вѣрныя православію княжескія и знатныя фамиліи, какъ-то: Четвертинскіе, Огинскіе, Древинскіе,

Друцкіе, Стеткевичи, Пузины, Вороницы, Воронежскіе, Яворскіе, Кисели, Проскуры-Суцанскіе, Гулевичи, Гулевичи-Ваутинскіе, Загоровскіе, Комаровскіе, Ставецкіе, Маскевичи, Войны и др. Но ряды ихъ со временемъ рѣдѣли и рѣдѣли. Тверже держались люди средняго сословія, опираясь на свои старыя и новыя братства, каковы: Виленское, Львовское, Перемышльское, Кіевское, Луцкое, Люблинское, Бѣльское, Минское, Могилевское и др. Къ этимъ братствамъ присоединялись нерѣдко и православные дворяне. Еще повсюднѣе держалось православіе, или, какъ называли тогда, *благочестіе* въ народѣ, поддерживаемомъ своимъ духовенствомъ.

Между тѣмъ выступала новая, могучая сила на защиту родной вѣры и народности въ лицѣ казачества. Сильный, храбрый и благочестивый гетманъ Сагайдачный съ своими казаками охранялъ православіе въ Кіевѣ и на Украинѣ и въ 1620 году помогъ всей западной русской церкви возстановить православную іерархію, т.-е. митрополита и епископовъ, какихъ предъ этимъ не давало имѣть ей польское правительство. А въ 1632 г. знаменитый и просвѣщенный митрополитъ кіевскій Петръ Могила, въ союзѣ съ еще оставшимся православнымъ дворянствомъ, братствами и казаками, заставилъ польское правительство возвратить православной церкви хотя нѣкоторую часть ея правъ, храмовъ, монастырей, захваченныхъ въ унию. Онъ возвратилъ отъ униатовъ и древній Софійскій соборъ въ Кіевѣ. Но и ему, подъ конецъ жизни, пришлось видѣть и скорбѣть, что польскія обѣщанія ненадежны, что захваты и насилія возобновляются. Довольно уже измучивъ православныхъ въ Литвѣ и западной Бѣлоруссіи, Польша налегла теперь на Украину или Южную Русь.

Тогда поднялся на оборону вѣры и народности русской богатырь Южной Руси, славный Богданъ Хмельницкій. Много разъ самъ поразивъ поляковъ,

онъ потомъ со всею своею казацкою старшиною волилъ отдаться подъ власть царя восточнаго, православнаго. Царь Алексѣй Михайловичъ вступился за единовѣрцевъ южной и западной Руси. Часть той и другой съ Кіевомъ, Черниговомъ и Смоленскомъ отошла отъ Польши и присоединилась къ общей матери Россіи. Напуганная Польша обѣщала не угнетать православныхъ въ оставшихся еще подъ ея властію русскихъ областяхъ. Но обѣщаніе это не исполнено. Напротивъ, православные западно-русскіе, оставшіеся подъ властію въ Польшѣ, умалившись теперь въ числѣ и силѣ, подпали еще большому гнету за свою вѣру и новымъ усиленнымъ соблазнамъ со стороны іезуитовъ и ксендзовъ. (И такъ какъ большинство дворянства уже перешло въ польское латинство, то издѣвался надъ святымъ православіемъ, полскіе латиняне, наученные іезуитами, стали обзывать его вѣрою *хлоскою*, *мужицкою* и не стыдились попираеть и освернять самыя святыни православной церкви.)

Но съ XVIII вѣка—съ царствованія Петра Великаго—Великая Россія стала быстро расти въ силѣ и просвѣщеніи, что продолжалось и при его преемникахъ, особенно при великой государынѣ Екатеринѣ II-ой. А Польша, испорченная своеволіями и іезуитскою наукою, стала впадать въ разслабленіе. Однако-же, въ какомъ-то непонятномъ ослѣпленіи, она и теперь напрягала послѣднія силы, чтобы истребить православіе въ Западной Руси, олатинить и ополячить русскихъ, и уже не только православныхъ, но и самихъ униатовъ. Лучшие изъ униатовъ уже стали понимать, что они не братья для польскихъ латинянь, что послѣдніе, забравъ въ свою римскую церковь русскихъ князей, вельможъ и дворянь, а мѣстами и горожанъ, оставивъ унию только простой народъ, теперь и самую унию обзываютъ хлоскою вѣрою такъ же, какъ и православіе, что, наконецъ, они забираютъ отъ униатовъ и

сельскіе церкви и приходы, которые получше. Какой-то іезуитъ составилъ цѣлый, крайне лукавый и злостный проектъ усиленнаго и всеобщаго со- вращения въ польское латинство рус- скихъ—и православныхъ, и униатовъ. Одинъ униатскій епископъ говорилъ отъ щираго сердца православному мо- гилевскому епископу Георгію Конис- скому: „Мы, униаты, живемъ только за вами благочестивыми; когда съѣдятъ васъ ксендзы и поляки, примутся и за насъ“. Но не сбылось это унылое предсказаніе. Сказано: на начинающаго Богъ! На мольбы изъ юго-западной Руси русскіе государи и государыни нѣсколько разъ грозно и сильно ус- оубѣщивали Польшу опамитоваться. Но когда, наконецъ, истощилось терпѣніе ихъ, или вѣрнѣе сказать, когда исто- щилась мѣра долготерпѣнія Божія, по- слѣдовали при Екатеринѣ II одинъ за другимъ три раздѣла Польши—и за- падная и юго-западная Россія присоеди- нились къ Всероссійской имперіи. По мѣрѣ того, какъ русскія области освобождались изъ подъ власти Поль- ши, бывшіе въ нихъ униаты тысячами, десятками и сотнями тысячъ возвра- щались къ православію по собствен- ному сердечному влеченію и по воз- званіямъ православныхъ архипастырей, изъ которыхъ особенно памятенъ сво- ими подвигами и страданіями за право- славіе мудрый, просвѣщенный и благо- честивый Георгій Конисскій, епи- скопъ Могилевскій. Къ концу царство- ванія императрицы Екатерины II чи- сло воссоединенныхъ въ юго-западной и западной Россіи простиралось до 2.000.000. Это было *первое воссоединеніе униатовъ*.

III. Подготовленіе и торжество воссоединенія униатовъ въ 1839 г.

Но тогда воссоединились еще не всѣ униаты. До полутора милліона ихъ еще оставалось въ западномъ, отчасти юго-западномъ краѣ. Остались они въ униіи потому, что давнѣ другихъ

отпали въ нее, привыкли къ ней, мно- гіе и забыли о томъ, что предки ихъ были православными, а иные, въ томъ числѣ и священники, забыли и свой русскій языкъ, говорили по-польски, плохо знали и понимали свою церковно- славянскую службу, начинали уже и молиться по-польски и любили ла- тинскую службу съ ея органами. Меж- ду тѣмъ, и по паденіи Польши, поль- скіе паны и ксендзы продолжали ору- довать въ этихъ краяхъ, пользуясь благодушною терпимостью русскаго правительства, а польскіе паны и помѣ- щики—еще и своею властію надъ на- родомъ и силою надъ униатскимъ ду- ховенствомъ, которое во многомъ зави- сѣло отъ ихъ милостей. Упорнѣ были въ униіи униатскіе монахи, называемые базилианами. Издавна дружные съ іезуитами, своими учителями, нерѣдко тайные іезуиты и латиняне, они за- хватили въ свои руки до 80 монасты- рей, многія церкви и верховодили въ униатской церкви, ведя ее къ слиянію съ латинствомъ.

Печально было такое отчужденіе еще великаго числа русскихъ людей запад- наго края отъ своихъ православныхъ братьевъ въ краѣ, отъ православныхъ братьевъ Великой Россіи. Печально было и то, что польскіе латиняне не прочь были при иномъ случаѣ и поднимать ихъ противъ родной Россіи, какъ-то было, напримѣръ, во время мятежа 1830—1831 гг., когда польскіе ксенд- зы разсылали униатамъ свои книжки, писанныя противъ православныхъ рус- скихъ и Россіи, а базилиане Почаев- скаго монастыря, нѣкогда захваченнаго ими у православныхъ, давали притонъ и подмогу польскимъ повстанцамъ*).

За то около этого времени среди старшаго и наиболѣе просвѣщеннаго духовенства униатской церкви уже про-

*) Послѣ этого Почаевскій монастырь и былъ очищенъ отъ базилианъ и, возвращенный правосла- вію, наименованъ лаврою, гдѣ спасена и древняя святыня православія—св. Почаевская икона Божіей Матери. Кіевская же лавра никогда не была во власти униатовъ.

явилась мысль о томъ, что пора положить конецъ злосчастной уніи. Свѣтлая мысль эта поощрялась надеждою на покровительство благочестивѣйшаго Государя Императора Николая I-го, ревнителя православной вѣры, охранителя чести и силы русской державы и народности. Согласно желанію самихъ уніатовъ, волею Государя запрещено было польскимъ латинянамъ, какъ переманивать уніатовъ въ латинство, такъ и переходить (наружно) въ унію, что бы подъ видомъ ея прибирать уніатовъ, ихъ церкви, монастыри и доходы въ свои руки. Затѣмъ уніаты совсѣмъ были освобождены отъ прежней зависимости отъ римско-католическихъ духовныхъ властей и еще въ 1828 г. получили особое управленіе въ своей *греко-уніатской коллегии*. Ослаблено бывшее дотолѣ преобладаніе базилианъ въ уніатской церкви. Многіе монастыри ихъ, въ которыхъ на своей волѣ жило по нѣскольку базилианъ, закрыты и обращены въ приходскія церкви. Остальные подчинены епархіальнымъ уніатскимъ епископамъ, какъ то и слѣдовало. Приходское духовенство освобождено изъ подъ власти польскихъ пановъ, державшихъ его въ рукахъ своимъ правомъ дачи (презента) приходоу и приведено въ большую и законную зависимость отъ своихъ архипастырей. А прихожане уніатскіе освобождены отъ тяжелой повинности платить десятину латино-польскимъ ксендзамъ, которые во многихъ мѣстахъ, съ помощію пановъ, захватили себѣ право на эту десятину противъ всякой правды и безъ всякой за это духовной услуги чужимъ прихожанамъ, а лишь кое что, давая ихъ уніатскимъ священникамъ въ видѣ милости. Приведены въ лучшее устройство или заново устроены духовно-учебныя заведенія для уніатскаго юношества, которое предъ этимъ волею или неволею должно было учиться въ латино-польскихъ училищахъ и семинаріяхъ, гдѣ старались прививать ему латино-польскія понятія, что бы разлѣить въ уніатскомъ духовен-

ствѣ, а черезъ него и въ народѣ, и вѣру и народность. Въ новыхъ или преобразованныхъ уніатскихъ училищахъ и семинаріяхъ преподаваемая наука уже сближалась съ русскими православными науками. Почувствовавъ себя на свободѣ и какъ бы въ новомъ свѣтѣ, уніаты быстро направились къ полному воссоединенію съ православною церковію.

Главнымъ руководителемъ ихъ былъ блаженной памяти святитель *Иосифъ Сльмашко*. Уроженецъ Кіевской губерніи (Липовецкаго уѣзда, села Павловки, род. 25 дек. 1798 г.), сынъ русскихъ уніатскихъ родителей, но потомковъ православныхъ, онъ еще въ отрочествѣ любилъ ходить въ сосѣднюю православную церковь съ позволенія отца и матери, которая и сама молилась на эту церковь, видную ей изъ садика. Отлично окончивъ нисшія, среднія и высшія школы латино-польскія, онъ, однакоже, одинъ изъ немногихъ, умѣлъ отличить въ нихъ доброе отъ худого и не поддастся ни латинству, ни польщизнѣ, хранимый Богомъ, водимый своимъ русскимъ чутьемъ и своимъ свѣтлымъ разумомъ, съ какимъ онъ потомъ успѣлъ самъ восполнить и возвысить свое образованіе. Ставъ безбрачнымъ священникомъ, онъ скоро былъ отличенъ между другими и пройдя разныя служенія, отправленъ былъ въ С.-Петербургъ для участія въ высшемъ управленіи уніатской церкви, и съ 1827 г. въ санѣ старшаго протоіерея, а съ 1829 г. въ санѣ епископа сталъ душою и руководителемъ въ семъ управленіи. Теперь сталъ онъ извѣстенъ Государю Императору Николаю I, многимъ высшимъ русскимъ сановникамъ, преданнымъ дѣлу вѣры и церкви и, наконецъ, лицамъ изъ высшей православной, духовной іерархіи. Всѣ увидѣли, что это мужъ сильнаго ума, высокаго просвѣщенія и твердой воли, ревнитель истинной вѣры и благочестія, русскій душою и сердцемъ, беззавѣтно преданный церкви и Россіи. Онъ то первый имѣлъ счастье вырази-

тельно въ своей запискѣ раскрыть предъ Государемъ бѣдственное положеніе западно-русской уніатской церкви и указать способы къ лучшему устройству ея, имѣвшему въ будущемъ привести ее къ воссоединенію съ православною церковію. По его то представленіямъ и совѣтамъ предпринимались уже и тѣ мѣры, на которыя указано выше, и за которыми послѣдовали и дальнѣйшія, болѣе рѣшительныя. Сподвижниками преосвященнаго Іосифа въ этомъ дѣлѣ явились еще два другіе епископы уніатскіе: другъ его Антоній Зубко и Василій Лужинскій и многіе изъ старшаго, болѣе просвѣщеннаго священства уніатскихъ епархій западнаго края Россіи. Стараніями преосвященнаго Іосифа и его сподвижниковъ стало выводиться изъ уніатской церкви то, что ей навязано было или само вкралось отъ латинства, стали возстановляться уставы и обряды православія, возвращалось древнее устройство и самимъ уніатскимъ храмамъ, а съ 1834 г., въ замѣнъ уніатскихъ богослужебныхъ книгъ, во многомъ передѣланныхъ на латинскій ладъ, разсылались уніатамъ и принимались ими уже православныя богослужебныя книги, изданныя отъ Святѣйшаго Синода. Уцѣлѣвшіе въ уніи *остатки древняго благочестія* или *православія* помогали уніатамъ въ возстановленныхъ уставахъ и обрядахъ православія видѣть *отвѣчное и родное* достоинство свое. Теперь преосвященный Іосифъ приступилъ уже прямо къ исполненію своей свѣтлой и благой, издавна твердой и неизмѣнной мысли, мысли и его сподвижниковъ о полномъ воссоединеніи уніатовъ съ православною церковію. Въ разные годы объѣзжая уніатскія епархіи, созывалъ онъ уніатскихъ священниковъ, кротко и разумно бесѣдовалъ съ ними, объяснялъ имъ, что такое была унія, сколько причинила она смуть и страданій ихъ предкамъ, какъ безотрадно и безнадежно положеніе уніатовъ, униженныхъ предъ мними союзниками латинянами и от-

чужденныхъ отъ истинныхъ братьевъ—православныхъ всей Россіи съ ея великимъ православнымъ царемъ. Наша надежда, наше спасеніе, училъ онъ, въ воссоединеніи съ православною церковію. Такія бесѣды вели и сподвижники его епископы Антоній и Василій и избранныя лица изъ старшаго духовенства. На отеческій голосъ глубоко почитаемыхъ архипастырей и старшаго священства отзывалось остальное духовенство уніатское, такъ что къ 1839 году собралось уже свыше 1300 своеручныхъ подписей его въ согласіи на воссоединеніе съ православною церковію. Если нѣкоторые въ духовенствѣ и не соглашались на воссоединеніе, то весьма немногіе, главнымъ образомъ базилиане изъ латинянъ. Такимъ дана была свобода и время возвратиться во свояси или одуматься: силою же никого не принуждали къ воссоединенію, какъ то дѣлали паны и ксендзы, заводя унію. Сдерживали, отсылали на размышленіе, весьма впрочемъ рѣдко, тѣхъ только, которые хотѣли мутить другихъ по одному лишь крайнему задору.

Мирно и твердо подготовленное святое дѣло воссоединенія окончательно принято и провозглашено по христіански, на освященномъ соборѣ, который составилъ изъ трехъ епископовъ: Іосифа, Антонія и Василя и многихъ достойнѣйшихъ лицъ изъ старшаго духовенства въ г. Полоцкѣ въ 1839 г., 12-го февраля, въ недѣлю православія. Въ своемъ постановленіи отцы собора вспомнили объ изначальномъ православіи и единствѣ всей русской церкви, къ которой принадлежали и предки уніатовъ, о позднѣйшемъ отчужденіи ихъ отъ своей церкви и народности черезъ унію, созданную латинянами, о бѣдствіяхъ и страданіяхъ, испытанныхъ русскими уніатами отъ папскихъ и латино-польскихъ ревнителей, исповѣдали благія судьбы Промысла, направившаго уніатовъ къ воссоединенію съ православною церковію; при покровительствѣ сему святому дѣлу и благо-

честивѣйшаго Государя Императора, и, наконецъ, выразились такъ: „Въ теплыхъ сердечныхъ моленіяхъ, призывавъ на помощь благодать Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа (Который единъ есть истинный Глава единыя истинныя церкви) и Святаго и всесовершающаго Духа, мы положили твердо и неизмѣнно:

1) Признать вновь единство нашей церкви съ православно-каѳолическою восточною церковію, и посему пребывать отнынѣ, купно со вѣрными намъ паствами, въ единомысліи со святѣйшими восточными православными патриархами и въ послушаніи святѣйшаго правительствующаго всероссійскаго Синода.

2) Всеподданнѣйше просить благочестивѣйшаго Государя Императора настоящее намѣреніе наше въ свое августѣйшее покровительство принять и исполненію онаго, къ миру и спасенію душъ, Высочайшимъ своимъ благоусмотрѣніемъ и державною волею споспѣшествовать, да и мы подъ благотворнымъ его скипетромъ, со всѣмъ русскимъ народомъ совершенно едиными и неразрывными устами и единымъ сердцемъ славимъ Трїедиаго Бога, по древнему чину апостольскому, по правиламъ святыхъ вселенскихъ соборовъ и по предавію великихъ святителей и учителей православно-каѳолическія церкви“.

Постановленіе собора, принятое Государемъ Императоромъ Николаемъ „съ благодареніемъ отъ души Всемогущему Богу“, рассмотрѣно было „по правиламъ св. церкви“ въ Св. Синодѣ, гдѣ 23 марта окончательно состоялось опредѣленіе о принятіи епископовъ, священства и духовной паствы уніатской церкви въ полное и совершенное общеніе св. православной каѳолической восточной церкви и въ нераздѣльный составъ церкви Всероссійской. 25 марта, въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, наканунѣ дня Свѣтлаго Воскресенія Христова, оное утверждено собственноручно Его Ве-

личества подписью: „*Благодарю Бога и принимаю*“. 30 марта въ собраніи Св. Синода совершилось торжество принятія въ общеніе уніатской съ церковію православною. Введенный въ собраніе православныхъ архипастырей, во главѣ которыхъ находились здѣсь святители-митрополиты Серафимъ с.-петербургскій, Филаретъ кievскій и Филаретъ московскій, старшій архипастырь и представитель уніатской церкви, преосвященный Іосифъ привѣтствованъ былъ ими о совершившемся воссоединеніи; прочитана синодальная грамота о томъ къ воссоединеннымъ епископамъ и духовенству и вручена преосвященному Іосифу, который отъ лица всѣхъ воссоединенныхъ принесъ благодареніе Св. Синоду. По взаимномъ лобзаніи всѣ совокупно отправились въ синодальную церковь, гдѣ совершено благодарственное Господу Богу молебствіе. Вслѣдъ затѣмъ, въ теченіи 1839 г., во свидѣтельство совершившагося воссоединенія, въ разныхъ мѣстахъ воссоединенныхъ епархій, какъ въ Витебскѣ, Полоцкѣ, Велижѣ, Суражѣ, Оршѣ, Минскѣ, на Волыни, въ Жировицахъ, въ Вильнѣ происходили торжественныя служенія, соборно совершаемыя древне-православными архипастырями и священниками съ воссоединенными, для чего собиралось иногда до 50, 80 и болѣе священниковъ, при стеченіи многочисленнаго народа, на какихъ торжествахъ читана была синодальная грамота о воссоединеніи. Въ этихъ служеніяхъ участвовали блаженной памяти святители Филаретъ кievскій (бывшій въ Бѣлоруссіи на пути изъ С.-Петербурга въ Кіевъ), Никаноръ, тогда епископъ Минскій (впослѣдствіи митрополитъ С.-Петербургскій), а также и нынѣ хранимый Богомъ въ здравіи и долгодѣтіи высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ, бывшій тогда епископомъ Полоцкимъ и Витебскимъ. Между тѣмъ къ большинству воссоединеннаго духовенства присоединялось и остальное, такъ что число подписей его на воз-

соединеніе возрасло свыше 1600. За священствомъ слѣдоваль вездѣ и весь, бывшій въ униі, но отвѣчно русскій народъ, числомъ около 1^{1/2} милліона. Братолюбивое православіе или, какъ называли тогда, благочестіе становилось теперь живымъ и дорогимъ достояніемъ воссоединенныхъ, а смутотворная униа отходила въ забвеніе. Исполнилось надъ нею мудрое слово, сказанное при началѣ ея: „если это дѣло Божіе, то оно станетъ навсегда; если же нѣтъ, то падеть рано или поздно“. Пало дѣло человѣческое, стало дѣло Божіе—св. православіе, св. благочестіе! *Отторгнутые насиліемъ воссоединены любовію, какъ вѣрно гласитъ надпись на медали, выбитая въ 1839 г. въ память событія* *).

Съ отеческою любовію преосвященный Іосифъ съ своими сподвижниками продолжалъ утѣшать и просвѣщать нововоссоединенныхъ, устраивать и направлять церковную жизнь ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, являя въ себѣ самымъ живой образъ любви къ св. вѣрѣ и церкви, къ русской народности, къ Царю и Отечеству, къ истинному просвѣщенію, благочестію и всякому христіанскому добру, до самой кончины своей († 23 ноября 1868 г.) въ г. Вильнѣ, въ Свято-Духовскомъ монастырѣ, гдѣ и погребенъ въ давно уже приготовленномъ гробѣ, подъ ракою св. Виленскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія. Да будетъ же великому святителю и его сподвижникамъ вѣчная память! Да воздастъ имъ Господь Богъ за ихъ труды и подвиги въ великомъ и святомъ дѣлѣ Божіемъ, нынѣ нами воспоминаемомъ!

*) Въ память воссоединенія униі въ 1839 г. выбита медаль съ слѣдующими знаменательными изображеніями и надписями. На одной сторонѣ—нерукотворенный образъ Спасителя, съ надписями—вверху: *такова имама Первоосвѣщенника (Евр. VIII, 1), и внизу: отторгнутые насиліемъ (1596) воссоединены любовію (1839)*. Любопытно съ этою медалью сравнить медаль, выбитую въ Римѣ на началѣ униі и описанную у Баронія, который говорить, что на одной сторонѣ ея изображенъ папа Климентъ VIII, а на другой—онъ же, сидящій на тронѣ, а передъ нимъ папшій индѣйскій, съ латинскою надписью: „*Rutheniſ receptis*“, т.-е. на принятіе русскихъ.

Заключеніе.

Воспомяніе о семъ дѣлѣ, о воссоединеніи западно-русскихъ униатовъ съ православною церковію, обильно глубокими назиданіями. Найдутъ ихъ въ сердцѣ своемъ тѣ изъ насъ, русскихъ людей Западнаго края, которые имѣли милость Божію въ дѣтствѣ, въ отрочествѣ или въ юности, вмѣстѣ съ своими отцами, войти въ лоно общей матери церкви православной, а чрезъ это получили возможность подыти ея священнымъ кровомъ воспитаться въ духѣ единой вѣры и народности русской, въ любви къ единому отечеству, въ надеждѣ воспитать себя для отечества небеснаго. Найдутъ въ празднуемомъ событіи обильное назиданіе для себя и наши русскіе братья Привислянскаго края, восприявшіе отъ усыпленія уже на нашихъ глазахъ, послѣ столько печальной смуты польской, когда они, хотя и не безъ усилій, высвободились отъ латино-польскаго тумана и папскаго обаянія и стали на правый и счастливый путь къ братолюбивому воссоединенію въ вѣрѣ и жизни съ прежде ихъ воссоединенными и древле православными русскими людьми и нынѣ, въ числѣ свыше 250.000, составляютъ достояніе единой православной церкви, дарованное ей благимъ Провидѣніемъ въ 1875 году *).

Вѣрится, что не останутся безплодными оживляемая настоящимъ празднествомъ воспоминанія для болѣе чуткихъ даже изъ тѣхъ нашихъ соотечественниковъ въ западномъ и юго-запад-

*) Есть еще и теперь ушаты, русскіе и за границею, за нашею Волинью и Подолье: это въ Галиціи, древней русской странѣ, захваченной когда-то Польшею, а отъ нея доставшейся нѣмецкому императору или цесарю. Они давно уже съ успѣхомъ высвобождаются изъ подъ рабства польскому латинству, возстанавливаютъ у себя православные уставы, обряды, такъ же какъ и родной языкъ и русскую грамоту, да еще не могутъ отвязаться отъ папы, къ вѣрѣ котораго принадлежитъ тамъ и самъ цесарь. Но тѣ изъ нихъ, которымъ случилось и счастливится переселиться въ Россію отъ тамошнихъ обидъ и напастей, съ радостію присоединяются къ православной церкви.

номъ краѣ Россіи, потомковъ древле-русскихъ православныхъ родовъ, которымъ отъ позднѣйшихъ предковъ ихъ смутныхъ временъ іезуитской Польши досталось печальное наслѣдіе отпаденія въ чуждую церковно-народную, латино-польскую среду и отчужденія отъ единства вѣры и народнаго сознанія съ цѣлой семьею великаго русскаго народа въ родной обще-русской отчизнѣ. Да дастся уразумѣть поучительный смыслъ празднуемаго событія и тѣмъ изъ русскихъ простецовъ, которые держатся въ отчужденіи отъ единенія съ православной церковію ради своихъ раскольниковыхъ и сектантскихъ толковъ, забывая, что всѣ подобныя толки, какъ плодъ невѣдѣнія, самоволія и самомнѣнія, обречены на исчезновеніе ранѣе или позже и что всегда *пробывать съ истинъ* Господней и преуспѣвать въ познаніи ея можетъ только единая истинная церковь, *яже есть столпъ и утверждение истины* (1 Тимое. 3, 15). Для всѣхъ же православныхъ русскихъ людей, братій по вѣрѣ, племени и отчизнѣ и по усыновленію ей черезъ вѣру, или судьбу жизненную, судьбами Всевышняго устрояемую, да будетъ воспоминаемое нынѣ событіе напоминаніемъ о благахъ единенія вѣры и любви, составляющихъ высшее и желаннѣйшее украшеніе нашей жизни!

И. Малышевскій.

ЗАПИСКИ

миссіонера Кебезенскаго отдѣленія Алтайской духовной миссіи, священника Сергія Ивановскаго, за 1888 годъ *).

Завтра я уѣзжаю отсюда, уѣзжаю далеко, далеко, за цѣлыя сотни верстъ. Съ завтрашняго дня начнется мое долгое

*) Заимствуемъ изъ „Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ эти весьма любопытныя и поучительныя записки, такъ живо изображающія и трудность миссіонерскаго подвига и красоты и ужасы Алтайской природы.

Ред.

и далекое путешествіе; съ завтрашняго дня мало-по-малу начну удалиться отъ всѣхъ знакомыхъ, отъ всего дорогаго и милаго.

Такия мысли наполняли меня, когда я складывалъ послѣднія вещи, собираваясь въ дорогу изъ Бороваго форпоста на служеніе въ Алтайскую миссію. Наконецъ наступило это завтра... Еще мрачнѣе, еще грустнѣе стало на душѣ; радъ бы ужъ хотя окончательно не понимать, что съ тобой творится, и какъ бы въ волшебномъ снѣ сразу перенестись во вновь назначенную для тебя среду и жизнь; но всякія усилія въ этомъ направленіи тщетны: какъ какія нибудь неотвязныя мошки роются въ твоей головѣ различныя воспоминанія изъ прошлаго, картины изъ настоящаго и представленія о будущемъ; на время забываешься, а тамъ опять, опять...

Но вотъ у крыльца звякнулъ колокольчикъ, и я увидѣлъ, что экипажъ нашъ былъ готовъ. Что то дрогнуло въ груди и защемило въ сердцѣ... Я смотрю въ окно... За нимъ, въ оградѣ и за оградой, стоятъ мои прихожане... Кругомъ движутся массы людей... Они низко опустили головы, и только время отъ времени ихъ взоры, полные тоски, обращались по направленію къ нашему экипажу. Нѣтъ, думаю, скорѣе нужно все это кончить, — легче будетъ...

Я отвернулся отъ окна и въ послѣдній разъ преклонилъ колѣна предъ иконою въ томъ домѣ, въ которомъ протекли первые мои годы съ тѣхъ поръ, какъ я вступилъ съ семинарской скамьи въ житейское плаваніе.

„Батюшка!“... „Прости, родимый!“... „Можетъ, никогда больше не видать!“... — раздавалось со всѣхъ сторонъ, когда лошади наши тронулись изъ воротъ. И рядомъ, и слѣдомъ смотрѣли на насъ все добрыя, ласковыя лица. Сзади идетъ больше народу. Дошли до церкви. Въ этомъ храмѣ, въ которомъ я молился со своими пасомыми семь лѣтъ, я еще разъ совершилъ съ ними молебное пѣніе. Послышались рыданія, которыя приносили такую грусть и муку, мѣру которымъ указать трудно, весьма трудно... Слова

произносились какимъ то сдавленнымъ въ горлѣ голосомъ... Напутствуемый благожеланіями своихъ прихожанъ, я навсегда оставилъ за собой всѣхъ тѣхъ, которые такъ любили меня...

Быль мартъ мѣсяць. И мы спѣшили, пока стоитъ зимняя дорога, успѣть доѣхать до мѣста. До Улалы мы ѣхали еще благополучно, хотя намъ приходилось ѣхать нерѣдко среди мятели и въ темную ночь, когда вѣтеръ, точно волкъ голодный, завывалъ, бушуя и наполняя воздухъ крутящимся снѣгомъ. Страшнѣе всего при этомъ были вихри, которые поднимали цѣлое снѣжное море то тутъ, то тамъ, и отъ которыхъ трудно было укрыться.

Когда же мы выѣхали изъ Улалы, начиналась оттепель, и лошади только едва тащили нашу повозку по черной и грязной дорогѣ. Къ этому постоянные косогоры, подъемы и спуски съ горы на гору, гололедицы и, наконецъ, рѣки и ручейки, попадавшіеся намъ на пути, еще болѣе увеличивали трудность нашей поѣздки... Иногда тонкій слой льда на послѣднихъ проламывался и лошади наши скользили и падали. Во многихъ мѣстахъ дорога суживалась до такой степени, что повозка наша, нависая надъ кручею, готова была свалиться подъ гору. Волею-неволею въ такихъ мѣстахъ приходилось идти пѣшкомъ. Претерпѣваемые нами бѣдствія и лишенія, въ концѣ концовъ, отразились и на состояніи нашего духа. Жена моя, подавляемая тяжестью пути, часто тутъ же, на дорогѣ, опускалась, съ ребенкомъ на рукахъ, и только въ слезахъ находила себѣ утѣшеніе. Нечего, конечно, и говорить о томъ, какъ неблагоприятно вліяли на насъ климатическія условія Алтайскихъ Черневыхъ горъ, которая житель низменной мѣстности даже и представить не можетъ себѣ. Особенно давала намъ чувствовать себя сырость, которая осаждалась большими каплями на нашихъ вещахъ, на нашемъ платьѣ и заставляла насъ дышать почти постоянно паромъ. Къ ночи, которая случалось проводить намъ на снѣгу подъ открытымъ небомъ, вдали отъ всякаго человѣческаго

жилища, эта сырость охлаждалась и покрывала насъ какъ бы корой и еще болѣе увеличивала горестъ нашего положенія.

Кое какъ доѣхавъ до Кебезени и устроившись въ немъ, я узналъ, что между кебезенскими жителями было развито винокуреніе, которое гибельно вліяло на нихъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи. Это зло, какъ я слышалъ, хотя было общимъ достоинствомъ алтайцевъ, но мнѣ не хотѣлось, чтобы оно свило себѣ гнѣздо среди моихъ новыхъ пасомыхъ, и поэтому я обратилъ на него особенное вниманіе. Слово противъ пьянства и винокуренія я предлагалъ крещенымъ инородцамъ не только съ церковной каедры, но и при частыхъ сношеніяхъ съ ними. Это слово, послѣ моихъ усиленныхъ стараній, не осталось безплоднымъ; многіе стали не только сочувственно относиться къ моимъ пастырскимъ убѣжденіямъ, но стали или совершенно оставлять замѣченные въ нихъ пороки, или же не такъ ужъ свободно предаваться имъ, какъ прежде.

27 марта, для оглашенія евангельскою проповѣдію язычниковъ, я предпринялъ поѣздку въ айль, расположенный отъ Кебезени по направленію къ Телецкому озеру. При нашемъ приближеніи къ этому айлу, обитатели его только что вернулись съ охоты на мораловъ. Пойманные ими моралы стояли тутъ же и обращали на себя всеобщее вниманіе по своей величинѣ. Это были красивыя животныя, высокаго роста, съ гладкою, темно-сѣрою шерстью. Головы ихъ были украшены рогами, которые имѣли ту странность, что они отъ начала до конца были покрыты шерстью.

Переждавъ возбужденные разговоры калмыковъ, какіе обыкновенно бываютъ послѣ трудной, сопряженной съ разными приключеніями, охоты, мы взошли въ юрту, сопровождаемые хозяевами. Обстановка въ юртѣ была до крайности бѣдная и грязная: кромѣ одного ящига и низенькихъ деревянныхъ лавокъ, въ ней больше ничего не было. Посреди юрты, предъ разложеннымъ костромъ, сидѣла татарка, покуривая трубку и время отъ

времени поправляя дрова въ огнѣ. Поддерживая начатый разговоръ объ охотѣ на мораловъ, я спросилъ калмыковъ о занятіяхъ ихъ и вообще о ихъ жизни. Разказы ихъ были нерадостныя. А изможденныя ихъ лица и проглядывавшая всюду бѣдность говорили это еще яснѣе. Я сказалъ, что не всегда же можетъ быть жизнь человѣка такою печальною, а что можетъ быть и конецъ всѣмъ его горестямъ и бѣдствіямъ. Калмыки, должно быть, никогда не допускали въ себѣ такой мысли и съ недоумѣніемъ посмотрѣли на меня, ожидая объясненія моихъ словъ. Напряженное ихъ вниманіе, въ которомъ такъ и сквозило горячее желаніе вырваться изъ ихъ мрачной жизни, дали мнѣ надежду, что моя проповѣдь о Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ, который былъ, есть и будетъ Источникомъ нашихъ радостей и блаженства, не останется безплодною. Я спросилъ моихъ слушателей, что знаютъ ли они, что въ каждомъ человѣкѣ есть душа, которая и по смерти нашего тѣла никогда не умираетъ, а остается жить безъ конца, вѣчно. Они отвѣчали мнѣ, что знаютъ. Послѣ этого, указавъ на кратковременность нашей земной жизни въ сравненіи съ будущей, загробной жизнью, я сказалъ имъ, что и земныя радости, и земныя горести также имѣютъ конецъ. Поэтому они должны желать не столько земныхъ, кратковременныхъ благъ, сколько вѣчныхъ, небесныхъ. А если они желаютъ получить эти вѣчныя блага, то должны оставить свое служеніе діаволу и жертвоприношенія ему, который, какъ въ настоящей, земной жизни не даетъ имъ никакихъ радостей, а приноситъ только бѣды и несчастія, такъ и въ загробной жизни будетъ также лишь мучить ихъ въ огнѣ.

Слушатели мои при этомъ невольно взглянули на огонь, пылавшій передъ ними. Я сказалъ, что огонь, которымъ будетъ ихъ мучить діаволъ на томъ свѣтѣ, если они не оставятъ его здѣсь, на землѣ, такъ горячъ, что этотъ огонь, который они видятъ, ничто противъ него. Страхъ и ужасъ читались въ глазахъ калмыковъ такъ ясно, что этого нельзя было не за-

мѣтить. Я продолжалъ, что кто желаетъ спастись отъ діавола и его мученій, тотъ долженъ увѣровать въ Иисуса Христа, который имѣетъ силу и власть надъ діаволомъ, поклоняться Ему, какъ Богу, Ему Единому служить и креститься. Тогда діаволъ не только не будетъ мучить его, но даже будетъ бояться его. Тогда душа его мѣстомъ своего жилища будетъ имѣть рай, въ которомъ онъ будетъ и богатымъ, и здоровымъ, не будетъ знать и бояться ни нищеты, ни болѣзней, ни зависти чело-вѣческой, весь будетъ преисполненъ славою, радостью и блаженствомъ. И все это можетъ дать намъ только Иисусъ Христосъ, Который всегда былъ, есть и будетъ нашимъ Истиннымъ Богомъ, а не діаволъ, которому они служатъ. „Да, діаволъ намъ ничего не даетъ“, — сказалъ одинъ изъ калмыковъ, — „а только насъ разоряетъ“. — Какъ разоряетъ? — спросилъ я. „Да вотъ, на примѣръ“, — отвѣтилъ онъ, — „случись кому изъ насъ захворать, у насъ всегда зовутъ кама покамлатъ, чтобы больному было легче, но тутъ дьяволъ такъ много проситъ себѣ въ жертву скота, что иной пока хвораетъ, такъ весь свой скотъ и прокамлатъ“. Какъ же это вы узнаете, что дьяволу нужно столько-то отъ васъ скота, а не меньше? — спросилъ я опять. Развѣ вы видите его и разговариваете съ нимъ? „Сами мы не видимъ и не разговариваемъ съ нимъ“, — отвѣтилъ мнѣ тотъ-же калмыкъ, „но камъ нашъ видитъ его и разговариваетъ съ нимъ. Онъ-то намъ и сообщаетъ, сколько дьяволъ требуетъ скота, что-бы дать больному здоровья“. Такія продѣлки камовъ повторяются, какъ мнѣ тутъ-же пришлось слышать, нерѣдко, а можно сказать, всегда. Послѣдствія этихъ продѣлокъ дѣйствительно бываютъ ужасны: не только бѣдность, но полная нищета, съ каждымъ годомъ, сжимаетъ, какъ колыда, все болѣе и болѣе несчастныхъ алтайцевъ. Ихъ дикость и грубость заставляють ихъ невольно относиться пассивно къ своей горькой долѣ, изъ которой они сами собой не могутъ даже найти и выхода себѣ.

Указавъ, что этой участи никогда не

избѣгнуть калмыки, если они будутъ продолжать слушать обманы своихъ камовъ, я рассказалъ своимъ слушателямъ исторію домостроительства Божія въ дѣлѣ искупленія человѣка и призвалъ ихъ принять крещеніе. На мой призывъ одинъ старикъ со старухой тутъ же заявили, что они желаютъ принять крещеніе, желаютъ съ полною готовностію и радостію, потому что они узнали, что хоть на томъ-то свѣтѣ они избавятся отъ дьявола и испытаютъ счастливую жизнь. А на землѣ имъ ужъ немного осталось жить. Наученные молитвамъ и начальнымъ истинамъ вѣры, они 2 апрѣля были крещены, а на другой день приобщены святыхъ Таинъ Христовыхъ.

3 апрѣля. Только что я вышелъ изъ церкви, совершивъ божественную литургію, какъ ко мнѣ подошелъ инородецъ и заявилъ, что у него въ мѣстечкѣ Тулой, версть за 20 отъ Кебезени, хвораетъ жена. За собой онъ держалъ двухъ осѣдланыхъ лошадей. Нужно было ѣхать верхомъ. Сначала, пока еще мы недалеко подвигались отъ Кебезени, дорога была сносная. Но чѣмъ дальше мы ѣхали, шумъ, ревъ горныхъ потоковъ, которые неслись съ какою-то яростію, вырывая со дна и изъ береговъ камни и увлекая ихъ собой, стали чуть не на каждомъ шагу заграждать намъ путь. Вотъ передъ нами поднялся бомъ, черезъ который намъ нужно было переѣзжать.

Кто самъ лично не видалъ бома, тотъ и представить не можетъ, съ какими трудностями и опасностями сопряжены переѣзды черезъ него. Съ одной стороны дорожки, усѣянной острыми камнями, по которой можетъ пройти только одна лошадь, стояла совершенно отвѣсная скала, въ нѣсколько десятковъ сажень вышины, съ которой свѣшивались громадные камни, готовые ежеминутно свалиться, а съ другой—зіяла пропасть, въ которую чгобы заглянуть и не оборваться, нужно было имѣть стальные нервы. Страхъ, такъ естественный въ этомъ случаѣ, заставилъ меня невольно остановиться передъ этой ужасной дорожкой; но сознание своего долга побороло во мнѣ это чувство,

и я отправился впередъ, ведя за собой лошадь. Но вотъ нога моя скользнула по грязнымъ и скользкимъ камнямъ, чрезъ которые лились потоки съ вершины горы отъ таявшихъ снѣговъ, и я схватился за выдавшійся камень, чтобы удержаться отъ паденія, которое грозило мнѣ не только ушибомъ, переломомъ костей, но и смертію. Камень, за который я держался, при той силѣ, съ которою я схватился за него, врѣзался въ мою руку, и жгучая, сильная боль соединилась съ опасностію пути. Хотѣлъ было я и вернуться, но стоявшая за мной лошадь давала мнѣ понять, что нѣтъ мнѣ возврата назадъ. Заглянулъ я еще вверхъ, въ надеждѣ отыскать проходъ мимо лошади, но выставившіеся сплошной массой камни, какъ зубы какого-то страшнаго звѣря, отняли у меня и эту надежду. Оставалось одно—идти впередъ, хотя оставалось еще и не мало пути. Возложивъ все свое упованіе на Бога, я, скользя и падая, наконецъ перешелъ черезъ бомъ и легко вздохнулъ, уже не обращая вниманія на изрѣзанныя свои руки,—такъ это казалось ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что мнѣ пришлось переиспытать въ нѣсколько минутъ. Но видно испытанія мои еще не окончились. Отъѣхавъ нѣсколько, я снова встрѣтилъ бомъ. Но тутъ нужно было ѣхать не черезъ бомъ, а, какъ говорятъ мѣстные жители, подъ бомомъ, т. е. у подножья отвѣсной, скалистой горы. Радоваться тоже нечему было: подъ бомомъ бурлила и кипѣла рѣка Бія, и ѣхать приходилось по оставшемуся только у береговъ ея льду. Ледъ уже во многихъ мѣстахъ растрескался такъ, что сквозь щели его видна была вода. Проводникъ мой увѣрилъ меня, что этотъ ледъ еще довольно крѣпко держится и по нему можно будетъ безопасно проѣхать. Поѣхали... Ледъ подъ нашею тяжестью слегка покачивался, а сверху, съ бома, на насъ лилась вода и обсыпало камнями. У меня опять болѣзненно сжалось сердце и слезы готовы были хлынуть изъ глазъ. Но дѣлать было нечего—приходилось ѣхать... Какъ радостно, какъ легко стало на душѣ, когда мы

оставили за собой этотъ хрупкій мостъ! Забылась и нравственная пытка. Продолжая свою поѣздку, мы достигли горы. Взглянувъ на ея высоту, я не повѣрилъ, чтобы намъ нужно было подниматься на нее,—такъ мнѣ показалось невѣроятнымъ, чтобы люди добровольно могли избирать мѣстомъ своего жительства такія дикія мѣста, гдѣ можно было встрѣтить только медвѣдей. Но оказалось, что и это было не невѣроятнымъ. Только люди, и въ томъ числѣ больная женщина, къ которой я ѣхалъ, жили не на горѣ, а по другую сторону горы. Путь на гору былъ очень труденъ. Снѣгъ на горѣ такъ былъ еще глубокъ, что сидя верхомъ на лошади, я касался его ногами. Только благодаря привычкѣ алтайскихъ лошадей къ такимъ дорогамъ, мы могли еще подвигаться впередъ. Иногда, во время этого подъема на гору, вдругъ раздавались стоны то тамъ, то здѣсь, или около насъ. Слышать эти стоны было какъ-то особенно неприятно въ той глуши, въ которую я забрался. Откуда и отъ кого они раздавались? спрашивалъ я самъ себя, а отвѣта не находилъ,—ни одного живого существа не было видно около насъ. Съ этимъ вопросомъ я обратился къ своему проводнику, и онъ, улыбувшись, отвѣтилъ мнѣ, что „это старыя сосны скрипятъ, которыя хотятъ скоро валиться“. Отвѣтъ его показался мнѣ неутѣшительнымъ: гдѣ только около меня простонетъ сосна, а мнѣ такъ и кажется, что она вотъ-вотъ уже валится на меня, и я снѣшу подогнать свою лошадь, а лошадь, какъ на зло, завязнувъ въ снѣгу, и не думаетъ прибавить шагу. Такъ кое-какъ, наконецъ, мы добрались до вершины горы. Что это былъ за величественный видъ съ нея! Оглянувшись назадъ, я удивился, что какъ мы могли подняться по такой крутизнѣ. Гора казалась мнѣ сверху чуть-чуть не отвѣсною, подножіе которой утопало гдѣ-то далеко, далеко. Сосѣдніе, горные хребты, которые мнѣ ранѣе представлялись недоступными, теперь были на-равнѣ съ той горой, на которой я стоялъ, и разстиались передъ мной какими-то чудовищными волнами.

Сознаніе своего ничтожества и чувство торжества какъ будто переливались въ душѣ моей, стараясь одно другое вытѣснить, или одно другое замѣнить. Такъ и не оторвался бы отъ этой картины! Смотрѣлъ бы и смотрѣлъ на нее! Но больная женщина, которая лежала безпомощно тамъ гдѣ-то среди этихъ горъ, снѣговъ и лѣсовъ, разумѣется, съ нетерпѣніемъ ожидавшая меня, заставила меня вспомнить куда и зачѣмъ я поѣхалъ, и я поспѣшилъ, куда меня звалъ долгъ мой. Съ горы я хотѣлъ спуститься на лошади, но мнѣ опять показалось, что гора идетъ внизъ обрывомъ, и я хотя зналъ, что это было не болѣе, какъ обманъ зрѣнія, но однако не могъ подавить въ себѣ робости, дескать все же береженого Богъ бережетъ, и отправился пѣшкомъ. Но проваливаясь на каждомъ шагу въ снѣгъ, я долженъ былъ убѣдиться, что пѣшкомъ мнѣ не спуститься съ горы, и не зналъ какъ помочь своему горю. Въ это время шорохъ, приближавшійся къ намъ изъ чащи лѣсной, привлекъ наше вниманіе. Ужъ не медвѣдь-ли?—пробѣжало въ головѣ. И я готовъ былъ, въ своемъ отчаянномъ положеніи, скатиться съ горы на спинѣ, какъ это дѣлывалось въ дѣтствѣ. Но вылетѣвшій къ намъ на лыжахъ инородецъ разсѣялъ мой страхъ, и тутъ только я сообразилъ, что снѣгъ такъ былъ мягокъ, что мнѣ и на спинѣ не скатиться бы по нему, а пришлось бы такъ же, какъ и на ногахъ, завязнуть въ немъ, предоставивъ себя въ такомъ положеніи уже въ полное распоряженіе медвѣдя. Мы рассказали подошедшему къ намъ инородцу, зачѣмъ у насъ дѣло стало, рассказали не для того, чтобы онъ помогъ мнѣ, а такъ, чтобы только чтонибудь сказать ему. Но помощь ко мнѣ явилась оттуда, откуда я и не ожидалъ ее. Инородецъ, выслушавъ нашъ рассказъ, тотчасъ же снялъ съ ногъ своихъ лыжи, связалъ ихъ рядомъ вмѣстѣ, затѣмъ подбросилъ на нихъ изъ подъ моего сѣдла потникъ и предложилъ мнѣ самымъ серьезнымъ тономъ садиться на эти импровизированные сани. А самъ между тѣмъ сѣлъ на мою лошадь и взялся одной рукой за веревку, за которую были

привязаны лыжи, которыя онъ пустилъ внизъ по горѣ впереди себя. Я понялъ, что инородецъ такъ хотѣлъ поддерживать лыжи, чтобы онѣ съ большою стремительностью не полетѣли внизъ, а также, чтобы давать имъ болѣе правильное направленіе, и ничто же сумняся, я съѣлъ на такъ добродушно предложенный мнѣ экипажъ. Спускъ мой съ горы былъ хотя и съ препятствіями, но окончился безъ особенныхъ приключеній. Поблагодаривъ инородца за его услугу, я далѣе, до самой цѣли своей поѣздки, ѣхалъ уже благополучно. Большая женщина найдена была мною въ весьма плохомъ состояніи, и я душевно радовался, что путь мой, хотя былъ трудный, но не остался безплоднымъ. Напутствовавъ и приобщивъ святыми Тайнами больную, я вернулся домой уже другой дорогой, а не той, по которой ѣхалъ впередъ. Эта послѣдняя дорога хотя была и вдвое длиннѣе первой, но зато менѣе опасна.

Во дни Святой Четыредесятницы, кромѣ поѣздокъ, совершаемыхъ для удовольствіи духовныхъ требъ того или другого лица нашей паствы, мы совершали и нарочитыя поѣздки по ввѣренному намъ отдѣленію, съ цѣлю расположенія и подготовленія обращенныхъ изъ язычества, посредствомъ богослуженія и проповѣди, къ исполненію ими христіанскаго долга исповѣди и причастія св. Таинъ Христовыхъ. Трудности и опасности, благодаря времени года, были обычными нашими спутниками при этихъ странствованіяхъ по дебрямъ и горамъ Алтая. Измученные, съ болѣзною въ головѣ и промокшихъ ногахъ, мы находили подкрѣпленіе ослабѣвающимъ своимъ силамъ только въ томъ, что труды наши не оставались безплодными,—къ намъ приходили не только тѣ, которые жили въ тѣхъ мѣстахъ, куда мы являлись, но и тѣ, которые жили вдали отъ этихъ мѣстъ; приходили какъ сами, такъ приводили съ собой и дѣтей своихъ. Ихъ усердіе, послушаніе матери своей святой церкви, заставляли и насъ забывать себя, и мы, послѣ богослуженій, вмѣсто отдыха занимались обученіемъ ихъ молитвамъ.

Свѣтлая седмица прошла у насъ также въ разъѣздахъ, богослуженіяхъ и сопровождалась еще хожденіемъ съ иконами по домамъ и юртамъ крещеныхъ инородцевъ. Въ Туручакѣ, среди звона колоколовъ мѣстнаго храма и при радостномъ пѣніи: „Христосъ Воскресе“, было приобрѣтено нами изъ язычества для церкви Божіей 7 человекъ обоого пола,

Въ обратный нашъ путь изъ Туручака въ Кебезень, мѣстность, окружавшая насъ, сбросила уже съ себя свои снѣжные покровы. По ней уже лились цѣлые потоки не воды, а огня. Горѣла трава, горѣли лѣса и все это, вмѣстѣ съ шумомъ, свистомъ и визгомъ, представляло какую то адскую картину. Была ночь. Мы пробирались больше тѣми мѣстами, которыя уже подверглись разрушительнымъ дѣйствіямъ огня, какъ менѣе опасными. Но и тутъ валившіяся, со всѣхъ сторонъ обгорѣвшія деревья угрожали намъ, что если мы не сгоримъ, то будемъ раздавлены. Такъ и казалось, что изъ этой бушующей стихіи намъ не выйти живыми. Но Господь Богъ, хранившій насъ ранѣе, хранилъ и теперь насъ. Тѣ же пожары, которые угрожали намъ опасностью, они же предостерегали насъ отъ этой опасности, освѣщая намъ нашъ путь такъ ясно, что мы и ночью ѣхали, какъ днемъ. Но когда огненные снопы проносились мимо насъ и рассыпавшіяся тамъ и сямъ, послѣ нихъ, звѣздочки потухали, мы погружались въ такой мракъ, что ужъ безъ разбора дороги продолжали ѣхать впередъ, безъ разбора, что слетимъ, или не слетимъ куда-нибудь въ пропасть. Сучья деревьевъ почти постоянно хлестали насъ, разрывая на насъ нашу одежду и покрывая лицо и руки наши царапинами. Какъ еще только мы выѣхали съ глазами изъ этихъ бѣдъ и дѣйствительно не свалились куда-нибудь! Только иногда эту темноту ночи, какъ бы въ наше утѣшеніе, разнообразилъ мелькавшій вдали, какъ свѣча, огонекъ, остававшійся на какомъ-нибудь еще не вполне сгорѣвшемъ деревѣ.

4 мая, еще окрестивъ 7 человекъ изъ черневыхъ татаръ въ мѣстечкѣ Тулой, я, возвратясь домой, нашелъ жену свою за-

болѣвшею тифомъ и совершенно одинокою.

„Никто нейдетъ... всѣ забыли“... были ея слова, когда я вошелъ къ ней. И эти слова точно ужаснымъ эхомъ отозвались въ душѣ моей. Не вернись я домой, промедли я въ дорогѣ еще сколько-нибудь времени и, Богъ знаетъ, что было бы безъ меня съ моей женой и моимъ ребенкомъ! Но это было только начало... Болѣзнь дѣлала свое дѣло... И чѣмъ далѣе шло время, она увеличивалась все болѣе и болѣе. Бессонныя ночи жены стали наполняться страшными образами видѣній. Она съ дикими глазами соскакивала со своего мѣста и искала спасенія въ бѣгствѣ. Произведенный ею шумъ будилъ двухъ-лѣтнюю дочь мою и комната наша оглашалась плачемъ и раздражающими душу криками. А вокругъ ни души. Я выбѣгалъ на крыльцо, чтобы увидѣть хотя какое-нибудь человѣческое существо и быть не одному, но отвѣтомъ на мои слезы только шумѣлъ лѣсъ около нашего дома и гудѣлъ вѣтеръ, еще болѣе давая намъ чувствовать наше одиночество. Иногда бредъ жены смѣнялся полнымъ ослабленіемъ ея силъ; дыханіе ея становилось такъ слабо, что я считалъ ее умирающею. Въ это время, полное тоски, граничащей съ отчаяніемъ, я уже начиналъ думать, что я оставленъ не только людьми, но и Богомъ, забывая, грѣшный, въ своемъ безуміи, что претерпѣваемыя нами здѣсь бѣды, скорби и другія несчастія служатъ лишь знакомъ посѣщенія насъ Божіа, отеческой Его любви къ намъ, съ которыми онъ поступаетъ, какъ съ сынами, ибо „есть-ли какой сынъ“,—говоритъ апостоль, — котораго бы не наказывалъ отецъ?..

„Если же мы остаемся безъ наказанія, которое всѣмъ общее, то мы не сыны Ему уже, а незаконныя дѣти“. (Евр. 12, 7—8).

Въ концѣ мая мѣсяца болѣзнь стала оставлять жену мою, и мы отъ всей души благодарили Бога за ниспосланныя Имъ милости намъ.

Съ 3 іюня снова начались мои странствованія съ проповѣдью евангелія и, при содѣйствіи благодати Божіей, нами, кромѣ утвержденія инородцевъ въ православной

вѣрѣ и благочестіи, было еще просвѣщено святымъ крещеніемъ нѣсколько чело-вѣкъ изъ кочевниковъ. При этомъ не могу пройти молчаніемъ о тѣхъ жалобахъ инородцевъ на крайнее стѣсненіе ихъ пришлыми раскольниками, которыя раздавались со всѣхъ сторонъ и имѣли весьма печальныя послѣдствія въ дѣлѣ нашего миссіонерскаго служенія. Особенно много оказалось раскольниковъ, по этимъ жалобамъ и какъ намъ лично пришлось въ этомъ убѣдиться, недалеко отъ Толой, по правому и лѣвому берегамъ рѣки Біи, верстъ за 10 и болѣе отъ этихъ береговъ. Здѣсь они занимаются пчеловодствомъ, скотоводствомъ и не только стѣсняютъ некрещенныхъ и крещеныхъ инородцевъ, но даже путемъ насилія совершенно отбираютъ у нихъ земли и оставляютъ ихъ на круглый годъ безъ хлѣба и сѣна. Было даже нѣсколько указаній на возвращеніе новокрещенныхъ въ расколъ. Слушать эти жалобы, дышація какъ бы упрекомъ, и не имѣть возможности помочь обиженнымъ, было какъ-то особенно больно при тѣхъ трудахъ, скорбяхъ и лишеніяхъ, цѣною которыхъ пріобрѣталась нами въ духовное стадо Христово каждая душа „сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй“. Новокрещенные являлись къ намъ цѣлыми десятками и просили насъ, что-бы мы хотя нѣсколько защитили ихъ отъ насилій раскольниковъ. И некрещенные—также прямо заявляли намъ, что они и не прочь были-бы креститься, но только подъ тѣмъ условіемъ, если удалить отъ сосѣдства съ ними раскольниковъ. „Когда наши не крестились“,—говорили они, — „тогда и русскіе къ намъ не ходили, земли у насъ не отбирали, а какъ стали креститься, такъ и русскіе пошли и земли стали отбирать у насъ. Если мы всѣ окрестимся, то русскіе у насъ все возьмутъ и насъ самихъ, пожалуй, выгонятъ отсюда. Лучше ужъ намъ не креститься!“

Не вытекаетъ-ли отсюда то, что святое таинство крещенія является, по взглядамъ инородцевъ, какимъ-то зломъ, котораго нужно не искать, а бѣжать. Кромѣ этого, инородцы дали еще замѣтить намъ въ своихъ разговорахъ съ нами, что они и

на насъ смотреть, благодаря только населенію среди ихъ раскольниковъ, какъ на виновниковъ своихъ несчастій, обвиняя въ томъ-же и тѣхъ изъ своихъ собратій, которые уже приняли святое крещеніе. Не крестись, значить, послѣдніе и не крести мы ихъ, такъ ихъ не постигло-бы все то, что имъ приходится испытывать. Подъ давленіемъ этихъ обвиненій и крещеные калмыки начинали смотрѣть на насъ, въ простотѣ души, такъ-же, какъ и ихъ обвинители. А вмѣстѣ съ этимъ и отношенія ихъ къ намъ стали измѣняться и уже не были такъ сыновни, такъ довѣрчивы, какъ это желательно-бы было, и какъ въ дѣйствительности относятся къ намъ жители другихъ мѣстностей нашего отдѣленія, находящихся внѣ вліянія раскольниковъ. Вотъ результаты поселенія и вліянія раскольниковъ на Алтаѣ!

Въ послѣднихъ числахъ іюня мѣсяца и въ первой половинѣ слѣдующаго іюля мѣсяца мною было проведено время среди инородцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ шалканцевъ. Населяя горы и долины по рѣкамъ Байголу и Лебеди, они въ теченіи цѣлыхъ десятковъ лѣтъ обращали на себя вниманіе миссіонеровъ и были призываютъ въ лоно православной церкви, но всегда оставались глухими къ этому призыву. Мой пріѣздъ къ нимъ въ настоящее время совпалъ со съѣздомъ ихъ, для сбора податей. Это совпаденіе дало мнѣ благоприятный случай для проповѣданія евангелія не единицамъ, не десяткамъ лицъ, а сотнямъ—разнаго пола и возраста, собраннымъ въ одно мѣсто изъ дремучихъ лѣсовъ, со скалъ и изъ ущелій Алтая, гдѣ я едва-ли-бы имѣлъ возможность отыскать ихъ всѣхъ въ томъ числѣ, въ которомъ пришлось мнѣ увидѣть ихъ на этомъ съѣздѣ. Прежде всего я постарался познакомиться съ шалканами, расположить ихъ къ себѣ и вызвать ихъ довѣріе къ своимъ словамъ. И дѣйствительно мои добрыя отношенія такъ привязали ко мнѣ шалкановъ, что они сами не отходили отъ меня и съ напряженнымъ вниманіемъ слушали наше ученіе о Богѣ, какъ Творцѣ міра, о Его безконечной любви къ людямъ и искупительныхъ заслугахъ Иисуса Христа.

Въ нѣкоторые дни я подробно останавливался на нѣкоторыхъ разсказахъ ветхозавѣтной и новозавѣтной священной исторіи. Иногда наше слово о спасеніи разнообразилось пѣніемъ стиховъ религіозно-нравственнаго содержанія, на татарскомъ языкѣ, и сопровождалось или объясненіемъ того, что было пропѣто, или краткимъ правоученіемъ. Слушатели наши не только терпѣливо и съ живымъ участіемъ присутствовали при нашихъ бесѣдахъ, но часто даже и сами просили разсказать имъ о вѣрѣ христіанской, высказывая, что они желаютъ знать о ней не изъ празднаго любопытства, а чтобы разсѣять свои сомнѣнія въ истинности ея. „Мы думаемъ“, — говорили они, — можетъ быть, ладно и съ нашей вѣрой помирать“. Разумѣется, имъ на это было сказано, что не нужно такъ хладнокровно относиться къ будущей загробной жизни, откуда уже не будетъ возврата, и почему не ладно умирать съ ихъ вѣрой, „Чынь! чынь“ (правда)! — было отвѣтомъ со стороны шалканцевъ на мои заключительныя слова. И, благодаря Бога, одинъ изъ нихъ тутъ-же изъявилъ согласіе принять святое крещеніе, которое и было совершено надъ нимъ, по наученіи его молитвамъ и начальнымъ истинамъ христіанской вѣры, съ нареченіемъ ему имени Іоаннъ. Другіе хотя и давали обѣщаніе креститься, но исполненіе своего обѣщанія отложили на нѣкоторое время. На мои убѣжденія не откладывать столь спасительное дѣло, какъ принятіе святаго крещенія, и что въ будущемъ дьяволъ можетъ и совершенно уничтожить даже самыя добрыя намѣренія ихъ, шалканцы, какъ-бы въ свое оправданіе отвѣтили мнѣ, что сразу имъ какъ-то неловко бросать старую вѣру и что они подумаютъ объ этомъ. Пожелавъ, чтобы Господь Богъ Своєю всеильною благодатію возрастилъ и укрѣпилъ посѣянное въ ихъ сердцахъ сѣмя Евангелія, я, напутствуемый благожеланіями, оставилъ шалкановъ. Но и тутъ шалканцы густой толпой, имѣя во главѣ Зайсана, демичу и есаула, проводили меня далеко отъ своей стоянки. Это расположеніе ко мнѣ язычниковъ, что не всегда приходится встрѣ-

чать священнику и отъ православныхъ христіанъ, до глубины души тронуло меня, и я отъ всего сердца возблагодарилъ Бога, посылающаго мнѣ утѣшенія въ моемъ многотрудномъ пути.

Въ томъ же іюлѣ мѣсяцѣ мы посѣтили Ыныргинцевъ и жителей села Туручакскаго, назидая и научая юныхъ христіанъ въ храмѣ и внѣ храма вѣрѣ и правиламъ христіанской жизни.

27 числа, къ нашей радости, присоединилось къ православной церкви еще цѣлое семейство, состоящее изъ пяти человѣкъ. Но когда было кончено крещеніе этого семейства, вдругъ откуда-то выбѣжала безобразная, съ сѣрыми, всклокоченными волосами, старуха и бросилась на новокрещенныхъ съ страшными ругательствами. Я сначала счелъ ее сумасшедшею, но потомъ, прислушиваясь къ ея брани, я узналъ, что это была мать главы семейства, которая въ изступленныхъ, дикихъ крикахъ старалась выразить свой гнѣвъ за принятіе ея сыномъ крещенія. Я подошелъ къ старухѣ и сказалъ ей, что она, какъ добрая мать, не только не должна отклонять своего сына отъ добраго дѣла и вести его къ дьяволу, но, напротивъ, должна научать его добру и радоваться, что ему пришла такая мысль, какъ мысль бросить своихъ идоловъ и поклоняться Единому Истинному Богу, за что въ будущемъ ожидаютъ его вѣчное счастье, вѣчное блаженство. Развѣ я сталъ бы крестить его, — продолжалъ я, указывая ей на ея сына, еслибы крещеніе приносило какое зло?... За что это?... Что онъ мнѣ сдѣлалъ?... Нѣтъ, если я его и крестилъ, и училъ жить, какъ учить наша христіанская вѣра, такъ я желалъ принести ему чрезъ это одно только хорошее, какъ братъ брату. Я увидалъ, что онъ идетъ не по той дорогѣ, по которой велитъ идти Богъ, заблудился, вотъ я и указалъ ему ту дорогу, ту жизнь, которою онъ долженъ жить, чтобы не понасть, когда онъ умретъ, въ огонь вѣчный. Случись, напримѣръ, увидѣть тебѣ меня, что я ѣду у васъ, въ горахъ, не по той дорогѣ, по которой нужно ѣхать, а по другой какойнибудь, гдѣ бы я могъ и упасть, и звѣрь могъ меня съѣсть,

такъ ты развѣ не пожалѣла бы меня и не сказала мнѣ, куда нужно ѣхать? А если бы ты не сказала мнѣ, такъ тебя за это Богъ наказалъ бы. И я боюсь, что если я знаю, что не нужно служить дьяволу, приносить ему жертвы, камлать и жить такъ, какъ вы живете, и не буду вамъ про это говорить, такъ меня тоже Богъ за это накажетъ. Онъ никому не хочетъ зла, а всѣмъ желаетъ одного добра. Я и тебѣ говорю, перестань смущать своего сына, а лучше подумай о себѣ и побойся оставаться идолопоклонницей, чтобы въ загробной жизни не быть тебѣ преданной за это вѣчнымъ мученіямъ, которыя постигнуть всѣхъ язычниковъ, не увѣровавшихъ въ Иисуса Христа, какъ Бога, и не принявшихъ крещенія. Ты теперь сердилась на сына своего за то, что онъ крестился и сталъ не одну съ тобой вѣру исповѣдывать, а послѣ смерти ты увидишь, что сынъ твой сдѣлалъ хорошо и будешь проклинать уже не сына, а себя, будешь жалѣть, что ты не крестилась, но будетъ уже поздно. Тогда ты будешь въ аду, а сынъ твой въ раю. Тогда ты будешь скорбѣть и плакать, а сынъ твой радоваться. Татарка при этомъ заплакала: „Зачѣмъ ты такъ сдѣлалъ? Пусть бы ужъ и сынъ мой мучился, но только бы былъ со мною!“

На это я ей отвѣтилъ: если ты такъ говоришь не для того только, чтобы чтонибудь сказать мнѣ, а говоришь отъ души, то ты, значить, нехорошая, недобрая мать. Ужели-бы ты, если бы имѣла въ рукахъ одинъ только кусокъ хлѣба и видѣла, что твой сынъ умираетъ съ голоду, такъ не отдала бы ему этотъ кусокъ, чтобы онъ остался живъ?! Вѣдь, навѣрно, отдала бы, хотя бы тебѣ самой потомъ пришлось съ голоду умирать. Такъ ты и теперь, если любишь истинно, отъ всего сердца, своего сына, то не будешь сердиться, что ему на томъ свѣтѣ будетъ хорошо, а тебѣ худо. И опять этому горю очень легко помочь, — стоитъ только и тебѣ увѣровать въ Иисуса Христа, какъ Бога, креститься, и ты на томъ свѣтѣ будешь тамъ же, гдѣ будетъ сынъ твой. И обоимъ вамъ будетъ хорошо. Не лучше ли такъ сдѣлать? Послѣ этого старуха какъ будто задумалась и чрезъ нѣсколько времени смо-

трѣла на меня уже улыбаясь. Я обрадовался этой въ ней переменѣ и ждалъ съ нетерпѣніемъ, что и она скажетъ: „Иду и я за моимъ сыномъ въ слѣдъ Христу“! Но татарка молчала. Что скажешь? спросилъ я ее. Не вздумала ли креститься? „Юкъ“ (нѣтъ)! было отвѣтомъ на мой вопросъ. Хотя это „юкъ“ горько было слышать отъ человѣка, который не въ дальнемъ будущемъ, по своимъ лѣтамъ, долженъ предстать предъ Страшнаго Судію, но зная, что безъ воздѣйствія благодати Божіей никакія мои усилія не обратятъ заблудшую на путь истины, я оставилъ женщину, напомнивъ ей еще разъ сказанное мною.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Графъ Д. А. Толстой.

(Некрологъ).

25 сего апрѣля въ 4 ч. 15 м. по полудни, послѣ тяжелой болѣзни, волею Божіею, скончался министръ внутреннихъ дѣлъ, президентъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой. Покойный государственный мужъ долгое время—болѣе пятнадцати лѣтъ—былъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода и много потрудился на пользу духовенства. При немъ совершилось почти полное преобразование духовно-учебныхъ заведеній, какъ высшихъ, такъ среднихъ и низшихъ, и мѣстное епархіальное духовенство было призвано къ ближайшему попеченію о воспитаніи своихъ дѣтей, съ предоставленіемъ ему права обсуждать нужды духовно-учебныхъ заведеній на окружныхъ и общепархіальныхъ съѣздахъ. Для расширенія учебныхъ средствъ и призванія въ учебныя заведенія новыхъ учебныхъ силъ, покойный графъ испросилъ Высочайшее повелѣніе о ежегодномъ отпускѣ изъ суммъ государственнаго казначейства 1½ мил. р. въ пособіе средствамъ Св. Синода. При семъ предоставлено было преосвященнымъ архипастырямъ открывать въ ихъ епар-

хіяхъ епархіальныя женскія училища, чтобы дочери духовенства могли получать воспитаніе, наиболѣе соответствующее особенному ихъ положенію, въ духѣ строго-православномъ. Зданія духовно-учебныхъ заведеній почти во всѣхъ епархіяхъ перестроены заново, приспособительно къ требованіямъ педагогич. Заботясь о дѣтяхъ духовенства, графъ Дмитрій Андреевичъ не оставилъ своимъ вниманіемъ и отцевъ: имъ испрошено Высочайшее соизволеніе на назначеніе духовенству пенсій. Всѣ эти мѣры и дѣйствія свидѣтельствуютъ сколько о глубокомъ умѣ графа, столько же и объ его уваженіи къ православному духовенству, и дѣлаютъ высокочтимое имя его для него незабвеннымъ. Нѣтъ сомнѣній, что духовенство, при извѣстїи о кончинѣ графа Дмитрія Андреевича, вознесетъ усердныя молитвы объ упокоеніи души его.

27 числа въ 1 часъ по полудни была совершена высокопреосвященнымъ Никаноромъ панихида по усопшемъ графѣ Дмитріи Андреевичѣ Толстомъ въ Синодальной церкви, въ присутствіи лицъ, служащихъ въ Синодальной Канцеляріи и другихъ учрежденіяхъ при Святѣйшемъ Синодѣ.

Извѣстія и замѣтки.

Торжественное собраніе Высочайше утвержденаго общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви.

Въ воскресенье, 23-го апрѣля, въ Казанскомъ соборѣ при большомъ стеченіи молящихся была совершена архіерейскимъ служеніемъ божественная литургія и благодарственное молебствіе по случаю вступленія въ девятую годовщину Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви. Богослуженіе совершалъ сербскій митрополитъ, высокопреосвященнѣйшій Михаилъ, съ высокопреосвященнымъ Алексіемъ архіепископомъ Литовскимъ и преосвященнымъ Антоніемъ—епископомъ Выборгскимъ, ректоромъ духовной академіи

въ сослуженіи съ архимандритами и многочисленнымъ духовенствомъ. Пѣлъ церковно-народный хоръ Общества *). Взаимнѣ запричастнаго стиха священникъ Ф. Н. Орнатскій сказалъ слово, призывавшее присутствующихъ полюбить доброе дѣло религіознаго просвѣщенія, какъ залогъ братскаго единенія славянскихъ народовъ, и пожелалъ сербскому митрополиту здравія и благополучія при возвращеніи его на родину, воскресающую нивѣ для новой жизни. Митрополитъ собственноручно приобщалъ десятки дѣтей. При богослуженіи присутствовали Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевъ, много высокопоставленныхъ особъ и представители славянскаго благотворительнаго общества. Въ алтарѣ собора слушала литургію Высокопреосвященный Никаноръ, архіепископъ Херсонскій. По окончаніи литургіи совершено было предъ иконою Царицы Небесной молебствіе. Изъ собора члены Общества и многіе изъ присутствовавшихъ отправились въ залъ городской Думы, и здѣсь состоялось торжественное общее собраніе подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Антонія. Былъ прочитанъ краткій годичный отчетъ о преуспѣваніи и расширеніи дѣятельности Общества, возрастающей съ каждымъ годомъ. Число мѣстъ для собесѣдованій увеличилось, въ чтецахъ и слушателяхъ недостатка нѣтъ. Духовно-нравственная библиотека пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе читающихъ. Въ пользу бѣдныхъ студентовъ семинаріи устраивались платныя чтенія, въ которыхъ принималъ участіе и извѣстный собесѣдователь со старообрядцами казанскій проф. Н. И. Ивановскій. Денежныя средства, за вычетомъ всѣхъ расходовъ, составляютъ 5,200 рублей. Чувствуется настоятельная потребность въ устройствѣ собственнаго обширнаго помѣщенія для чтеній. Это пока—мечта, но Богъ дастъ она осуществится. За отчетомъ послѣдовало пѣніе народнаго хора. Во время пѣнія прибыли въ собраніе высокопреосвященнѣйшіе Михаилъ, митрополитъ сербскій, и Алексій архіепископъ Литовскій, и заняли почетныя мѣста за большимъ столомъ на эстрадѣ, при пѣніи „Исполла эти деспота“. Въ мѣстѣ съ ними при-

*) Пѣніе этого колоссальнаго хора (въ 300 человекъ), состоящаго изъ любителей и любительницъ, поражаело своею силою и отличалось стройностью и чистотою.

были и заняли мѣста на той же эстрадѣ управляющій синодальною канцелярією В. К. Саблеръ и товарищъ государственнаго контролера Т. И. Филюповъ. Затѣмъ доцентъ духовной академіи, іеромонахъ Антоній, прочелъ о церкви, какъ хранительницѣ и истолковательницѣ божественнаго откровенія. По окончаніи чтенія митрополитъ облобызалъ молодого доцента. Вслѣдъ за этимъ священникъ М. И. Соколовъ, сойдя съ эстрады, прочелъ сербскому владыкѣ отъ имени всего Общества слѣдующій, покрытый множественствомъ подписей, адресъ:

Высокопреосвященнѣйшій владыко,

Милостивѣйшій архипастыръ и отецъ!

Члены „Общества распространенія религіозно - нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви“, свизуемые духомъ непреклоннаго стремленія содѣйствовать возведенію братьевъ своихъ къ высшему разумнѣю слова Божія и единой вселенской истины, представляемой святою Христовою церковію, всегда съ великою любовію слѣдили за каждымъ шагомъ вашей многоплодной и многострадальной архипастырской дѣятельности на благо родного вамъ и близкаго намъ всѣмъ сербскаго народа въ духѣ вселенской церкви.

Мы были обрадованы въ высокой степени участіемъ вашего высокопреосвященства въ совершеніи богослуженія въ день, столь знаменательный для насъ, когда мы собрались благодарить Господа за окончаніе 8-го года дѣятельности нашего общества. Ваше архипастырское благословеніе да почіетъ на нашемъ „Обществѣ“, да возгрѣваетъ сердца его членовъ—настоящихъ и будущихъ къ беззавѣтному служенію на благо христіанскаго просвѣщенія меньшихъ въ вѣрѣ братьевъ и сестеръ о Господѣ.

Наши же сердца, окривленные любовію вашимъ единеніемъ съ нами въ молитвахъ, да свяжутъ насъ тѣснѣйшими узами братскаго общенія съ славнымъ едино-племеннымъ намъ—сербскимъ народомъ, архипастыремъ коего Господь поставилъ васъ.

На память о сихъ радостныхъ минутахъ братскаго единенія въ молитвѣ и дѣланіи на нивѣ Господней примите, владыко святой, сію святую икону Матери Божіей въ память ея явленія въ Ка-

зани, въ храмѣ имени коея въ сегодня первосвященствовали. Помяните въ своихъ святыхъ молитвахъ насъ — смиренныхъ тружениковъ, и окривляемые молитвенною любовью св. церкви сербской, насъ благословляйте на дальнѣйшее пресуспѣяніе въ трудахъ. Возвѣстите нашимъ братіямъ, членамъ родной сербской церкви, что вы видѣли: „какъ мы учимся Закону Господню во время вѣтхобогослужбныхъ бесѣдъ и чтеній, какъ мы ревниво оберегаемъ себя отъ еретическихъ и раскольническихъ искушеній и соблазновъ, какъ мы назидаемъ себя въ псалмахъ и пѣніи духовномъ, всѣ участвуя въ славолюбіи Господа“. Отъ членовъ Общества была при этомъ поднесена владыкѣ икона Казанской Божіей Матери. Облобызавъ икону и принявъ адресъ, сербскій владыка сказалъ: „Благодарю васъ. Общество распространения религіозно-нравственнаго просвѣщенія послужить примѣромъ для учрежденія такого же и у насъ, въ Сербіи. Ваше Общество представляетъ собою отрядный образецъ единенія не только сердцами, но и устами (рѣчь идетъ о народномъ хорѣ). Призываю на васъ всѣхъ благословеніе Божіе“.

По окончаніи собранія были обнародованы результаты выборовъ въ члены совѣта взаимно выбывающихъ. Избраны: протоіерей К. Б. Селининъ, графъ Н. О. Гейденъ, В. И. Аристовъ, И. П. Протопоповъ и шесть кандидатовъ къ членамъ совѣта *).

Всѣ присутствующіе долго густою, но стройной толпой подходили подъ благословеніе митрополита, который давалъ его, не смотря на утомленіе, съ доброй и теп-

*) Совѣтъ Общества въ настоящее время состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдатель-настоятель Воскресенскаго Смольнаго собора протоіерей Н. И. Розановъ, дѣлопроизводитель—Казанскаго собора священникъ М. И. Соколовъ, казначей и завѣдывающій бібліотекою Общества (помѣщающагося въ педагогическомъ музеѣ Солянаго Городка)—законоучитель 3-й гимназіи протоіерей К. И. Вѣтвеницкій. Члены: Сергіевскаго собора протоіерей Д. Я. Никитинъ, законоучитель Пажескаго Его Величества корпуса протоіерей К. В. Селининъ, Вознесенской церкви протоіерей В. Я. Михайловскій, Петропавловскаго собора священникъ А. А. Дерновъ, доцентъ С.-Петербургской духовной академіи іеромонахъ Антоній, староста Казанскаго собора графъ Н. О. Гейденъ, помощникъ бібліотекаря Святѣйшаго Синода А. Н. Львовъ, славянскій дѣлатель В. И. Аристовъ и новоизбранный И. П. Протопоповъ (секретарь Святѣйшаго Синода).

лой улыбкой и окончилъ благословеніе не ранѣе, какъ черезъ полчаса послѣ конца засѣданія.

* * *

На сооруженіе Креста въ память событія 17-го октября 1888 года, въ С.-Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ поступило въ настоящее время 1,600 руб.; деревянное живописное Распятіе будетъ вѣдано въ особый иконостасъ, гдѣ будутъ изображенія Пресвятыя Богородицы и св. апостола Иоанна Богослова, а по бокамъ, въ меньшемъ размѣрѣ, съ одной стороны — лики Святыхъ, имена которыхъ носитъ Царственная Семья, чудесно спасшаяся во время крушенія поѣзда, а съ другой—явленіе Божіей Матери преп. Сергію въ память дара Великаго Князя Сергія Александровича—камня отъ Гроба Господня, который будетъ вложенъ въ подножіе Креста. Рисунокъ архитектора Н. Н. Никонова, удостоившійся Высочайшаго одобренія, выставленъ въ Казанскомъ соборѣ у свѣчной продажи.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ магазинѣ **Тузова** продаются слѣдующія новыя книжки:

Протоіерей А. КОВАЛЬНИЦКАГО.

1. „Свидѣтельство природы о Богѣ“. Соч. Фенелона. Съ фр. Ц. 35 к.
2. „Стѣна плача іудеевъ въ Иерусалимѣ“. Ц. 30 к.
3. „Иерусалимъ вечеромъ и священникъ на Голгофѣ у Креста Господня“. Изд. новое. Ц. 20 к.

Другія изданія протоіерей А. Ковальницкаго означены въ № 10 „Церковныхъ Вѣдомостей“ за текущій годъ, въ отдѣлѣ объявленій. Адресъ обозначенъ тамъ же. 2—1

НОВАЯ КНИГА:

ИСТОРИЯ РУССКАГО РАСКОЛА,

извѣстнаго подъ именемъ старообрядчества. Составлена примѣнит. къ програм. для дух. семинарій *Иваномъ Стрѣльбицкимъ*. Цѣна 1 р. 20 к. съ пересылкой. Адресоваться къ автору, преподавателю Одесской дух. семинаріи, въ г. Одессу. 1—1

Второе исправленное изданіе:

„Молитва — Царица добродѣтелей“.

Спб., 1889 г., цѣна 15 к.

Съ требованіями обращаться: ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ и самому автору, на ст. Спасская-Полисть, священнику *Димитрію Булаковскому*. Отзвѣы о сей брошюрѣ: „Благовѣстъ“ № 14 за 1888 г. и „Церковно-приходская школа“ за декабрь 1888 г. 1—1

Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.

Въ Синодальныхъ книжныхъ лавкахъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ (въ Москвѣ въ зданіи Синодальной типографіи, въ С.-Петербургѣ въ зданіи Святѣйшаго Синода и въ новомъ зданіи Синодальной типографіи, на Кабинетской улицѣ)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Служба въ день Вознесенія Господня. Слб. ц. п. въ 8 д., съ киноварью, въ пер. кор. 10 к., гр. п. въ 8 долю листа, въ кор. 5 к.

Служба, житіе и чудеса иже во святыхъ отца нашего Николая Архіепископа Муръ-Ливійскаго чудотворца, ц. п. въ 4 д., съ кин., на бѣл. бум. Моск. 1861 г. въ пер. кож. 1 р. 30 к., кор. 1 р. 10 к. бум. 95 к.

Изборникъ службы, житія, словеса похвальна и авашеть св. Кирилла и Меодію обдержай, ц. п. въ 8 д. Слб. 1886 г. въ печ. обол. 35 к.

Авашеть святымъ учителямъ славянскимъ Меодію и Кириллу, ц. п. въ 8 д. Слб. 1886 г. въ печ. обол. 10 к.

Св. Кирилль и Меодій, Апостолы славянскіе, въ 4 д. гр. печ. Слб. 1885 г. въ печ. обол. 7 к.

Жизнь и подвиги св. Кирилла и Меодія, въ 4 д. гр. п. Слб. 1885 г. въ печ. оболоч. 7 к.

Краткое сказаніе о жизни св. Кирилла и Меодія, въ 4 д. церк. печ. Слб. 1885 г. 2 к.

НОВЫМЪ ИЗДАНИЕМЪ ОТПЕЧАТАНА КНИГА:

Октоихъ нотнаго пѣнія, въ 4 д., ц. п. безъ киновари. Моск. 1889 г. въ кожѣ 1 р. 10 к., въ кож. корешкѣ 75 к., коломянкѣ 70 к., печ. оболочкѣ 60 к.

Книга эта напечатана нынѣ новымъ изданіемъ, съ исправленіями (нотными) нѣкоторыхъ пѣсноуѣній, согласно древнимъ церковнымъ напѣвамъ, содержащимся въ Соловецкихъ и другихъ рукописяхъ, а также съ дополненіемъ нѣкоторыхъ пѣсноуѣній не входившихъ въ составъ нотнаго октоиха прежняго изданія, какъ-то: стихирь на малой и великой вечерняхъ, тропарей воскресныхъ, съ богородичными и проч.

Содержаніе: Высочайшія повелѣнія, награды и благодарность. — Опредѣленіе Святѣйшаго Синода. — Приказъ г. Оберъ-Прокурора. — Отъ Училищнаго Совѣта и Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ. — Извлеченіе изъ отчета г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора за 1886 годъ. — *Прибавленія*: Поученіе въ празднество пятидесятилѣтія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ съ православною церковію. — Воссоединеніе западно-русскихъ униатовъ. — Записки миссіонера Алтайской миссіи. — Графъ Д. А. Толстой (некрологъ). — Извѣстія и замѣтки. — Объявленія. — Приложение.

◆ При семъ номерѣ разсылается вѣсьмъ подписчикамъ безплатное приложение: „Пятидесятилѣтіе воссоединенія съ православною церковію западно-русскихъ униатовъ. Историческій очеркъ протоіерея І. Наумовича.“ ◆

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 27 Апрѣля 1889 г. Каѳедральный Протоіерей Петръ Смирновъ.

Синодальная Типографія.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

(1839—1889)

ВОЗСОЕДИНЕНІЯ СЪ ПРАВОСЛАВНОЮ ЦЕРКОВІЮ

ЗАПАДНО-РУССКИХЪ УНІАТОВЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ПРОТОІЕРЕЯ ІОАННА НАУМОВИЧА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1889

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

(1839—1889)

ВОЗСОЕДИНЕНІЯ СЪ ПРАВОСЛАВНОЮ ЦЕРКОВІЮ

ЗАПАДНО-РУССКИХЪ УНИАТОВЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ПРОТОІЕРЕЯ ІОАННА НАУМОВИЧА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ СУНОДАЛЬНОЙ ТИПОГРАФІИ

1889

ИМПЕРАТОРСКАЯ
ПЕЧАТНИЦА

(1889—1888)

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, Марта 31 дни 1889 года.

Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*.

ВЪ ПЕЧАТНИЦѢ
ИМПЕРАТОРСКОЙ

ВЪ ПЕЧАТНИЦѢ
ИМПЕРАТОРСКОЙ

ВЪ ПЕЧАТНИЦѢ
ИМПЕРАТОРСКОЙ

ВЪ ПЕЧАТНИЦѢ
ИМПЕРАТОРСКОЙ

ВЪ ПЕЧАТНИЦѢ
ИМПЕРАТОРСКОЙ

1889

МИТРОПОЛИТЪ ЮСИФЪ СЪМАШКО.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

ВОЗСОЕДИНЕНІЯ ЗАПАДНО-РУССКИХЪ УНІАТОВЪ.

Въ 1839 году, т. е. 50 лѣтъ тому назадъ, совершилось въ западно-русскихъ областяхъ великое и славное событіе, извѣстное подъ названіемъ «*возсоединенія униатовъ*» съ прародительскою ихъ восточно-православною церковью. Возсоединеніе значитъ то, что издавна единое, а потомъ разорванное, опять соединилось. Со времени крещенія нашей Руси при равноапостольномъ Князѣ Владимірѣ, въ 988 году, предки наши были православными, принявши христіанскую вѣру отъ грековъ, и оставались такими на всемъ пространствѣ русской земли, пока въ 1596 году не разорвана была связь нашей церкви въ западно-русскихъ странахъ съ восточно-православною церковью, разорвана незванными пришельцами изъ запада, навязавшими нашимъ отцамъ *унію*, т. е. соединеніе съ западною, такъ называемою римско-католическою церковью. Но такую противную нашимъ праотцамъ унію они приняли, и то далеко не всѣ, не добровольно, не по убѣжденію, напротивъ, они жертвовали всѣмъ, нерѣдко даже своею жизнью, защищая прародительскую свою вѣру; приняли унію только тѣ, которыхъ одолѣвали насиліемъ. Но заведенное лестью и насиліемъ чужими людьми, заведенное не ради истины Христовой и спасенія душъ, а ради властолюбія римскихъ папъ и ради политическихъ расчетовъ бывшей польской республики, сейчасъ же стало падать послѣ соединенія литовско-русскихъ областей Польши съ Россіей, сохранилось только въ остаткахъ и то только до тѣхъ поръ, пока не явились во главѣ уніатской церкви мужи, исполненные апостольскимъ духомъ, открывшіе глаза народу и призвавшіе его къ поголовному *возсоединенію*, т. е. возвращенію дѣтей одной матери

церкви на ея святое лоно. Такимъ апостольскимъ мужемъ былъ покойный епископъ, а послѣ митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, со своими сподвижниками, трудами которыхъ совершилось при покойномъ Государѣ Николаѣ Павловичѣ *возсоединеніе* съ древнею православною церковью всѣхъ западно-русскихъ областей, до границы бывшаго царства польскаго по рѣку Бугъ.

Празднуя радостную память возсоединенія, мы должны знать подробно, что такое *унія*, какъ она началась, кто и почему навязалъ ее нашимъ предкамъ, принесла ли она намъ добро или зло, какъ и почему она прошла и болѣе уже не существуетъ на цѣломъ пространствѣ Русской Имперіи.

Унія-латинское слово, оно означаетъ *единство*. Казалось бы, это дѣло хорошее, зачѣмъ же не дорожить имъ? Вѣдь самъ Спаситель прежде отшествія Своего на вольную смерть молился объ ученикахъ Своихъ: *«да вси едино будутъ»*. И можетъ кто либо спросить: какъ же можно считать унію зломъ?

Да, дорогіе братья, унія т. е. *единеніе* всѣхъ христіанъ было дѣйствительно съ первыхъ вѣковъ въ христіанской церкви, оно продолжалось 800 лѣтъ съ излишкомъ; всѣ христіане всѣхъ странъ, всѣхъ народовъ, были соединены одною вѣрой и любовью. Одинъ Богъ во Троицѣ, одинъ Сынъ Божій Спаситель, одно крещеніе, одни всѣ таинства, одно евангеліе, одно ученіе соединяло всѣ христіанскіе народы всѣхъ языковъ и обрядовъ, въ одну святую, соборную и апостольскую церковь, главою которой былъ Христосъ, а кромѣ Него, обѣщавшаго быть съ ними *до скончанія вѣка*, не могло быть другой главы и не было; церковь же была соборная, въ которой пребывалъ Духъ Святыи по словамъ Спасителя: *и Азъ умолю Отца и иного Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами во вѣкъ, Духъ истинны, той вы научитъ всему* (Іоанн. 14, 26). И такъ какъ обѣтованныи Утѣшитель въ день Пятидесятницы въ Іерусалимѣ снисшелъ на *всѣхъ* апостоловъ одинаково, въ видѣ огненныхъ языковъ, и они *всѣ* исполнились Духа Святаго, то также дѣйствовалъ Духъ Святыи и въ *соборной* Христовой церкви, которою управляли вселенскіе соборы.

Вы слышите, дорогіе братья, что въ нашей восточной Православной Церкви почитается память и такихъ святыхъ, которые были *папами римскими*. Въ нашей Церкви служится литургія Гри-

горія Двоеслова, *бывшаго папой римскимъ*, мы почитаемъ свв. Кли-
мента, Сильвестра, Льва, Григорія Великаго и друг. *римскихъ папъ*,
хотя мы не признаемъ нынѣшнихъ папъ главами церкви. Отъ
чего это такъ? А вотъ отъ того, что папы первыхъ восьми вѣ-
ковъ жили *въ соединеніи со всею вселенскою церковью*, они не были
и не считали себя главами вселенской церкви, а только патріар-
хами запада, равными другимъ патріархамъ, которыхъ всѣхъ
было пять, именно: іерусалимскій, антiохійскій, александрійскій,
константинопольскій и римскій. Папы первыхъ вѣковъ не только
не думали о главенствѣ и господствѣ надъ другими церквами, но
папа Григорій I Великій, жившій въ концѣ VI столѣтія, напи-
салъ къ Іоанну Постнику, патріарху Константинопольскому, что
всякаго патріарха, который звался бы вселенскимъ и придумалъ
бы возвысить свою власть надъ другими патріархами, нужно счи-
тать антихристомъ.

Тогда не было разницы между христіанами, такъ какъ у всѣхъ
была *одна вѣра и одно ученіе*, а только разница бывала въ обря-
дахъ и обычаяхъ, не мѣшающая единству вѣры въ вселенской
церкви. Тогда если пріѣхалъ христіанинъ изъ Іерусалима или
Антiохіи, вообще съ востока въ Римъ, онъ встрѣчалъ тамъ брат-
скую любовь. Если онъ былъ священникомъ, онъ служилъ въ
римскихъ храмахъ; если мірянинъ, онъ могъ пріобщаться тѣла
и крови Христовой, не видя никакой разницы, такъ какъ тогда
и въ Римѣ пріобщались и міряне святымъ тайнамъ *подъ двумя*
видами хлѣба и вина; а пріѣхалъ римлянинъ на востокъ, онъ
находилъ тамъ одну вѣру и одни любящія сердца всѣхъ христіанъ.
Это была *унія* истинная, такая, какую заповѣдалъ Христосъ, но
никто не называлъ себя уніатомъ, не было разницы между
католиками и православными, такъ какъ не было раздора. Каждый
христіанинъ былъ и православнымъ, значитъ, сохраняющимъ
чистую древнюю апостольскую вѣру, утвержденную вселенскими
соборами; былъ и каеоликомъ, значитъ, принадлежащимъ къ
одной святой вселенской церкви, *общей* всѣмъ христіанамъ.

Такъ было съ начала и такъ продолжалось до половины
девятаго столѣтія. Тогда папа Николай I, въ грамотѣ къ Царе-
градскому патріарху Фотію объявилъ новое, неслыханное въ церкви
Христовой ученіе, что римская церковь, по преимуществу, полу-

ченному апостолу Петру, *есть глава всѣмъ другимъ церквамъ*, и что каждый христіанинъ во всемъ мірѣ долженъ безусловно повиноваться ея опредѣленіямъ. Тогда осудилъ папа новоизбраннаго Константинопольскаго патріарха Фотія и написалъ къ греческимъ епископамъ, чтобы они не допустили избранія Фотія.

Тѣмъ письмомъ папы Николая положено было начало раздора... До тѣхъ поръ никогда еще не слышала вселенская церковь о главенствѣ *одной римской* церкви надъ всѣми церквами.

На такое письмо не получилъ папа Николай никакого отвѣта. Вскорѣ папа возобновилъ свои притязанія. Онъ прислалъ обратившемуся въ христіанство болгарскому царю Борису грамоту, въ которой превозносилъ римскую вѣру и порицалъ *древніе* уставы вселенской церкви и восточную обрядность. Трудно было патріарху Фотію оставлять безъ отвѣта такія дерзости и обиды. Онъ послалъ окружное посланіе къ всѣмъ восточнымъ епископамъ и созвалъ въ Константинополѣ соборъ, на которомъ общимъ рѣшеніемъ всѣхъ папа признанъ былъ недостойнымъ епископскаго престола и общенія съ нимъ и преданъ анаемѣ.

Таково было начало раздора; чтобы описать дальнѣйшій его ходъ, нужно написать толстую книгу. Но уже изъ этого можетъ каждый изъ васъ, любезные братья, понять, кто разорвалъ древнее единеніе церквей, Востокъ ли, державшійся и до сихъ поръ держащійся установленій вселенской церкви, или римскій папа Николай I, провозгласившій *новое ученіе о главенствѣ римской церкви?* Но окончательный разрывъ между двумя церквами восточною и западною не послѣдовалъ такъ скоро. Восточная церковь считала послѣдній разрывъ не съ западною церковью, съ которой соединяли ее узы давняго единенія, а только съ папой Николаемъ I, противъ котораго выступили и западные іерархи, особенно Гинкмаръ Реймскій, за отступленіе его отъ древняго православія. Только, когда Николай I, желая утвердить свою власть надъ вселенской церковью, прибѣгъ къ хитрости, и сослался на поддѣланную книгу папскихъ постановленій (Исидоровы декреталіи) и обманулъ ею западныхъ епископовъ, а преемники его продолжали начатое имъ дѣло утвержденія своего главенства на основаніи тѣхъ же *ложныхъ* декреталій, когда всѣ попытки восточныхъ патріарховъ и греческихъ императоровъ къ примиренію церквей въ

духъ кротости и любви оказались тщетными и папы пожелали не *примирения*, а просто *подчинения* и *покорения*, состоялось совершенное и окончательное раздѣленіе церквей въ XI вѣкѣ при константинопольскомъ патріархѣ Михаилѣ Керулларіи. Съ этого времени папы отдѣлили Римъ отъ вселенской церкви, отложились отъ ея духа кротости, любви, и смиренія, и преобразовали западную церковь въ церковь воинствующую мірскими силами и сдѣлались папами царями съ мірскимъ владѣніемъ, съ несмѣтными богатствами и роскошью, съ войскомъ и властью, дошедшею до того, что они раздавали царскіе вѣнцы, а подданныхъ непокорныхъ имъ царей разрѣшали отъ присяги на вѣрность. Не словомъ евангельскимъ, а мечемъ и огнемъ они обращали въ свою вѣру языческіе народы, проливая кровь безпощадно. И было такое время, что цари повиновались папамъ во всемъ, и платили имъ огромныя подати. Это наконецъ надоѣло царямъ до того, что нашелся такой смѣлый императоръ, Генрихъ IV, который отважился противиться папѣ Григорію VII. Но въ тогдашнее время народы запада были погружены въ такой мракъ заблужденій, что не только не поддержали своихъ государей, но возстали на нихъ, и императоръ Генрихъ IV долженъ былъ, какъ нищій, босикомъ, три дня ждать на дворѣ папскаго замка въ Каноссѣ разрѣшенія отъ анаѣмы.

Но гордымъ Богъ противится. Тотъ же Григорій VII умеръ въ изгнаніи. Не изгнана однако была гордость изъ римской церкви. Въ 1095 г. начались крестовые походы для покоренія магометанъ, отъ которыхъ въ святой землѣ очень много страдали христіане. Набрались несмѣтныя толпы людей всякаго рода, больше всего разбойниковъ, воровъ, вообще людей алчныхъ, искавшихъ легкой наживы, и толпы эти двинулись на востокъ освобождать святыя мѣста. Папа Урбанъ II держалъ къ нимъ въ Пьяченцѣ такую рѣчь: «Вы, обидчики вдовъ и сиротъ, вы хищники, убійцы, и главные враги, которые находите наслажденіе въ кровопролитіи; смотрите: вотъ минута, когда вы можете показать, есть ли въ васъ мужество, воины ли вы, или хищные звѣри, какими вы оказывались доселѣ»...

И такія то голодныя, хищныя толпы подъ знаменемъ Христа налегли на Греческую имперію и начали свои подвиги грабежемъ мирныхъ православныхъ жителей, которымъ хуже было отъ этихъ

христіанскихъ защитниковъ, чѣмъ отъ самихъ турокъ. Папа Иннокентій III послалъ въ Константинополь своего патріарха Оому и множество латинскихъ монаховъ и прелатовъ, представляя себѣ *десятину отъ всѣхъ плодовъ, пятнадцатую часть всѣхъ недвижимыхъ имѣній и право наследовать по завѣщанію имѣнія отъ свѣтскихъ лицъ*. Кромѣ сего папа предписалъ епископамъ, чтобы не признающихъ его главою церкви громили всѣми ужасами, и епископы употребляли самыя жестокия средства для принужденія греческихъ поселянъ къ принятію латинскаго вѣроисповѣданія. Легатъ папскій Пеласгъ, окруживъ себя безмѣрною роскошью и облекшись въ пурпуровую одежду, былъ непримиримымъ врагомъ восточной церкви и безъ милосердія гналъ тѣхъ, которые отказывались принимать латинство. Греческіе священники и монахи были предаваемы жесточайшимъ истязаніямъ и заключаемы въ темницы, а церкви запирались. Такъ описываютъ это время сами латинскіе историки.

Папа Иннокентій III предалъ анаемѣ всю восточную церковь, и тѣмъ, которые будутъ сражаться *противъ грековъ*, торжественно обѣщалъ тѣ самыя индульгенціи, которыя давались за войну съ сарацынами. Завладѣвъ Палестиной и Сиріей, римскіе прелаты сейчасъ прогоняли православныхъ епископовъ и священниковъ, и не признающихъ надъ собою власти папства убивали, вѣшали, сожигали. Въ Архипелагѣ, въ Антиохіи и въ Іерусалимѣ латинскіе прелаты лично присутствовали *при сожиганіи мучениковъ*.

Но не долго заставили себя ждать горькіе плоды такого несогласнаго съ духомъ христіанства владычества папъ. Латинскія завоеванія на Востокѣ пали; явились въ самой римской церкви реформаторы: Висклефъ, Лютеръ. Разбилась римская церковь на разныя ереси. Не помогли ни кровавыя инквизиціи, ни сожиганія еретиковъ. Отпали отъ папства большая часть Германіи, Данія, Швеція, Англія, и въ саму Польшу шло лютеранство и увлекало къ себѣ и польское и литовское дворянство. Папство, пораженное въ своемъ дому, стало искать для себя новой почвы—на востокѣ. Тогда возникла мысль о приведеніи въ дѣйствіе церковной уніи съ Литвой и западной Русью, и объ этомъ слѣдуетъ намъ въ виду настоящаго торжества пятидесятилѣтія воссоединенія по-толковать пространнѣе.

I.

Какъ произошла и какимъ образомъ введена была
въ западно-русскихъ областяхъ іезуитская унія?

Не легко было римскому престолу справиться съ лютеранствомъ. Уже знаменитый чешскій проповѣдникъ Иванъ Гусъ указывалъ на восточную православную церковь, какъ на неизмѣнно стоящую при апостольскихъ преданіяхъ, и высказывалъ къ ней большое уваженіе. Всѣ же реформаты, возстававшіе противъ папства, доказывали, что въ такомъ видѣ, въ какомъ тогда представлялась римская церковь съ царемъ-папой во главѣ, съ ужасными ея злоупотребленіями при выжиманіи денегъ изъ народовъ разными индульгенціями, при ненасытимой ея гордости, не можетъ быть представительницей древней, первоначальной апостольской церкви, тѣмъ болѣе, что уже въ 9-мъ столѣтіи она отдѣлилась отъ восточной церкви, съ которой была съ начала соединенной. Это былъ тяжелый укоръ папству. Царство само въ себѣ раздѣлившееся стоять не можетъ, а должно непременно пасть. Мечъ, которымъ папы обыкновенно спасали свою власть, не могъ дѣйствовать, такъ какъ его не хотѣли поднимать за папъ цари, бывшіе прежде вѣрными ихъ слугами. Многіе изъ нихъ стояли уже именно во главѣ протестантства. Не могла уже дѣйствовать ни инквизиція, ни костры, тамъ, гдѣ вся масса народа насыщена была враждебнымъ для папства духомъ. Папству остались вѣрными только народы романской расы, именно: Італія, Испанія и отчасти Франція. Вѣрными были и польскіе короли, не столько по убѣжденію религіозному, сколько по видамъ политическимъ своего государства. Въ Польшѣ еще со временъ литовскаго князя Ягайлы, женившагося на польской королевнѣ Ядвига и изъ православія *сторично* крещеннаго въ католичество, начала въ литовско-русскихъ земляхъ дѣйствовать католическо-польская пропаганда, и католическіе ксендзы внушали королямъ и дворянству, что Польша только тогда можетъ быть сильна, если православная Русь и Литва обращены будутъ въ католицизмъ. Съ такой цѣлью навязывала Польша Литвѣ и

Руси разныя политическія уніи или соединенія. Первая состоялась при Ягайлѣ въ 1386 году, вторая была въ Городлѣ въ 1413 году, называемая Городельской, третья въ Петроковѣ въ 1499 году, а четвертая въ Люблинѣ въ 1569 году. Всѣ эти уніи были политическія, но они имѣли и церковное значеніе: открытъ былъ путь въ русско-православныя области польско—католической шляхтѣ и римской пропагандѣ. Послѣдняя, именно Люблинская унія, была уже смѣлымъ шагомъ къ осуществленію католическо-польскихъ намѣреній—совершеннаго окатоличенія и ополяченія литовско-русскихъ земель. Недоставало еще церковной уніи; явилась и она въ 1596 году.

Еще раньше Люблинской уніи, именно въ 1564 году пригласилъ ученый архіепископъ Вармійскій и кардиналъ римской церкви Гозій іезуитовъ для противодѣйствія протестантству. Оттуда разбрелись они и по Литвѣ, и, притворившись безвинными агнцами, старались вездѣ расположить къ себѣ народъ, прежде же всего высшія и богатыя сословія.—Притворяясь безвинными агнцами, они имѣли видъ безкорыстныхъ учителей и религіозныхъ подвижниковъ, неутомимыхъ въ трудѣ, въ молитвѣ, въ постахъ, въ проповѣди слова Божія. Лютеранъ, которые хорошо знали ихъ притворство, и бранили ихъ, они благословляли и молились за нихъ, не воздающе съ начала зломъ за зло, а терпяще всякую укоризну будто по евангельски. Такимъ видомъ святости они обратили многихъ принявшихъ протестантство опять въ католицизмъ.

Размѣстившись по дворянскимъ польскимъ, а затѣмъ и русскимъ православнымъ домамъ, они старались изучить православіе, на сколько оно сильно, и узнать о нѣкоторыхъ его недостаткахъ и злоупотребленіяхъ. Они узнали, что оно слилось съ жизнью православныхъ неразлучно, и что переходъ отъ православія въ латинство крайне труденъ, особенно въ низшихъ слояхъ народа. Потому довольствовались они вліяніемъ на молодежь дворянскихъ родовъ, и особенно на женщинъ, которыя должны были дѣйствовать на своихъ мужей. Такъ удалось имъ обольстить многихъ, и были въ средѣ православнаго дворянства многіе колеблющіеся, многіе попали въ ихъ сѣти и пропали для православія.

Принявшіе латинство устраивали въ своихъ комнатахъ часовни, въ которыхъ служили іезуиты—устроивши все преизящно и привлекательно, такъ что православная церковь съ своимъ

простымъ пѣніемъ, съ не всегда хорошо писанными иконами, съ своимъ убожествомъ казалась ниже латинской не только для вельможей и ихъ семействъ, но и для ихъ слугъ, слышавшихъ постоянно похвалы римской обрядности въ разговорахъ и въ неутомимыхъ проповѣдяхъ іезуитовъ. Всѣ малообразованные, а такихъ было много, видѣли въ іезуитахъ людей высокообразованныхъ, какими они бывали только на видъ, которыхъ образованіе заключалось въ многоглаголаніи, въ напыщенныхъ изученныхъ фразахъ и театральной декламации, способной вызывать въ слабыхъ людяхъ слезы, въ чемъ состояло именно главное ихъ искусство. Съ сердечною, трогательной будто бы жалостью они относились къ несчастнымъ православнымъ, души которыхъ, говорили они, не смотря на праведную жизнь, будутъ горѣть въ неугасаемомъ огнѣ въ адѣ, потому, что онѣ внѣ церкви и отвергли ея главу. Описывать мученія ада составляетъ особое искусство іезуитскихъ проповѣдниковъ, при слушаніи которыхъ женщины плачутъ навзрыдь. Но когда уже до крайности растроганы сердца слушателей, іезуитъ съ театральнымъ искусствомъ указывалъ путь, на которомъ единственно можно спастись—на путь въ Римъ къ ключамъ апостола Петра, къ его ключарю папѣ, который одинъ имѣетъ власть открыть двери въ рай, или закрыть ихъ для незнавшихъ его въ жизни.

Снискавши такими способами довѣріе непросвѣщеннаго люда разныхъ сословій, они начали подвергать осужденію восточную обрядность, представляя ее не только простою потому, что служеніе бываетъ на церковно-славянскомъ языкѣ, понятномъ каждому простому вѣрующему, но и пагубною для душъ христіанскихъ. Названіе крестьянина «быдломъ», хамомъ, гудзомъ, мургой, мотузомъ и пр. только тамъ существуетъ еще до сихъ поръ, гдѣ была или есть унія. Изобрѣтателями такихъ прозвищъ были именно іезуиты, никогда не обращавшіе вниманія на простой народъ, и всегда только дѣйствовавшіе на высшія его сословія. По ихъ соображеніямъ народъ долженъ быть темный, чтобы всему вѣрилъ, и чтобы безусловно слушался пановъ; для народа не нужно ученія, только палка. Поэтому изъ іезуитскихъ воспитанниковъ выходили жесточайшіе мучители крестьянъ, безсовѣстные, безсердечные, какихъ нигдѣ не было кромѣ Польши. Нѣкоторые паны-шляхтичи даже стрѣляли крестьянъ и жидовъ такъ себѣ, для шутки, уплачивая за убійство крестьянина 100 злотыхъ т. е. 15 руб., а въ позднѣйшія польскія времена даже гораздо дешевле, до 3 руб.

Утвердившись въ домахъ православныхъ дворянъ, они нашли способъ дѣйствовать на умы самыхъ твердыхъ православныхъ. Излюбленнымъ для нихъ предлогомъ рѣчей была рѣчь о Евхаристіи, которую подъ двумя видами хлѣба и вина принимать они считали неприятнымъ, потому, что изъ одной чаши причащаются и благородные и простые крестьяне, хамы.

Это дѣлали они нарочно потому, что православные, слышавшіе на литургіи слова Спасителя: «пійте отъ нея (чаши) вси», считали причащеніе вѣрныхъ подъ видомъ одного хлѣба нарушеніемъ Божіей заповѣди. Такъ какъ іезуиты не могли устоять съ доказательствами о правильности приобщенія подъ *однимъ* видомъ хлѣба, то они и пускали въ ходъ разныя хитрости.

Православную церковь іезуиты представляли схизматическою, хулили православное богослуженіе, на православныхъ епископовъ и духовныхъ выдумывали всякія басни и пускали въ ходъ въ массу народа. Исповѣдь была для нихъ учрежденіемъ полицейскимъ. Они старались, особенно отъ слугъ, узнать обо всемъ, что происходитъ въ домахъ ихъ господъ, и пользовались этими свѣдѣніями для упроченія своего вліянія на общество, которое удивлялось ихъ проникательности и боялось ихъ. На чувствительныя души, какъ уже сказано, они дѣйствовали ужасами ада. Можно себѣ представить, какъ тогда проповѣдывали іезуиты католицизмъ въ православныхъ странахъ подъ покровительствомъ польскихъ королей и польской шляхты, если въ недавнее еще время, именно въ 1863 году ихъ воспитанникъ изъ Рима, поставленный профессоромъ догматическаго богословія въ Львовскомъ университетѣ осмѣлился своимъ слушателямъ, воспитанникамъ русской духовной семинаріи, дословно читать слѣдующее: «*Ecclesia schismaticorum est synagoga diabolorum, in eucharistia schismaticorum sedet ipse diabolus*». (Церковь схизматиковъ (православныхъ) есть сборище діаволовъ, въ евхаристіи схизматиковъ сидитъ самъ діаволь). Онъ же училъ, что дѣти священническія-незаконныя, такъ какъ священникъ долженъ быть безбраченъ, хотя самъ же онъ былъ сыномъ священника. Понятно, что въ прежніе вѣка считали такихъ учителей премудрыми проповѣдниками истины и слушали ихъ.

Такъ изучивши во второй половинѣ XVI столѣтія нашу православную церковь, іезуиты пришли къ убѣжденію, что въ виду распространяющагося въ Польшѣ протестантизма имъ невозможно сразу дѣйствовать на двѣ стороны, обращать протестан-

стантовъ и приступать къ совершенному окатоличенію западно-русскаго народа. Вотъ и придумали они создать только мостъ, по которому православные не сразу, а лишь со временемъ должны были пройти отъ востока къ западу, отъ православія къ настоящему латинству. Этимъ мостомъ была «унія».

Но чтобы ее привести въ дѣло, нужно было имѣть людей изъ самихъ же православныхъ, пользовавшихся благорасположеніемъ и уваженіемъ народа, а такихъ нужно было еще воспитать. Польскій король Стефанъ Баторій очень благоволилъ къ іезуитамъ. Онъ считалъ католицизмъ объединительнымъ средствомъ для своихъ подданныхъ, и снабжалъ іезуитовъ всевозможными средствами для этого дѣла. Ихъ коллегію въ Вильнѣ онъ возвысилъ на степень академіи; въ ней-то и должна была подготовляться русская православная молодежь для борьбы съ православіемъ и для введенія уніи повсемѣстно.

Когда между королемъ польскимъ Стефаномъ Баторіемъ и русскимъ царемъ Иваномъ Грознымъ вспыхнула война и приняла неблагоприятный оборотъ для Московскаго царства, Иванъ Грозный просилъ папу о посредничествѣ. Папа воспользовался этимъ случаемъ и послалъ своего легата іезуита Антонія Поссевина, надѣясь, что Поссевину удастся склонить Ивана Грознаго къ принятію уніи съ Римомъ. Но царь отложилъ бесѣды о вѣрѣ до заключенія мира; когда же былъ заключенъ миръ, Иванъ Грозный и слышать не хотѣлъ объ уніи, и даже сталъ обличать папъ, зачѣмъ ихъ носятъ на носилкахъ, зачѣмъ у нихъ кресты на туфляхъ, это оскорбительно для знамени христіанства, такъ какъ не полагается носить креста ниже груди. Поссевинъ возвратился изъ Москвы ни съ чѣмъ и написалъ, что, хотя дѣло уніи не удалось въ Москвѣ, но оставлять его нельзя, надобно приложить всѣ усилія, чтобы склонить къ принятію ея западно-русскихъ епископовъ. Разумѣется, папа согласился, и въ такомъ направленіи подѣйствовалъ и на короля Стефана Баторія, который и самъ мечталъ о томъ, чтобы разрушить преграду, отдѣлявшую Русь отъ Польши—именно православную вѣру.

Съ этою цѣлью началъ король дѣйствовать уже болѣе открыто и усердно. Іезуитамъ онъ отдалъ въ городѣ Полоцкѣ всѣ православные монастыри и церкви, и основалъ тамъ іезуитскую коллегію, для содержанія которой назначилъ богатые помѣстья. Такія коллегіи были основаны тоже въ Несвижѣ и въ Ярославлѣ (въ Галиціи). Вильна же съ своею іезуитскою академіей пользовалась самой

большой славой, и была действительно центромъ католической пропаганды на всю тогдашнюю Польшу. Кромѣ виленской академіи были еще разныя училища для дворянскихъ дѣтей и семинаріи, въ которыхъ іезуиты и ихъ помощники отравляли сердца молодежи ядомъ ненависти къ православной вѣрѣ, представляя ее хлопской вѣрой.

На одно только не обращали іезуиты вниманія, именно на сельскія народныя школы, которыя и тогда бывали у насъ почти при каждой церкви, и это было счастьемъ для православія. По іезуитскому пониманію, какъ выше сказано, народъ—«быдло». Никогда и нигдѣ они не старались его просвѣтить, не учреждали никакихъ народныхъ школъ, но только среднія и высшія; по ихъ правиламъ толпа народа должна быть темной, слѣпо повинующейся привилегированнымъ классамъ. На эти только классы они обращали все вниманіе и хлопотали у королей, чтобы эти классы снабжены были всевозможными привилегіями, стѣсняющими православныхъ, особенно духовенство и простой народъ. Іезуитство-учрежденіе аристократическое; презрѣніе къ массѣ народа—его отличительная черта. Іезуиты писали польскую исторію, возвеличивающую польскую шляхту; они писали родословія, которыми возбуждали страсть къ гербамъ польскаго шляхетства до того, что многіе стыдились своихъ родовыхъ русскихъ фамилій и переименовывали ихъ на польскій шляхетскій ладъ. Такъ: Мельникъ перемѣнялъ свою фамилію на Мельницкій, изъ Волка дѣлался Вильчинскій, изъ Сороки Срочинскій, и т. п.

Въ іезуитскихъ школахъ не-шляхтичь не имѣлъ мѣста, а если и попадалъ, то былъ предметомъ насмѣшекъ. Изъ такихъ школъ выходили жестокіе мучители простаго народа, особенно, если это былъ православный народъ.

Дѣйствуя противъ православія своею академіею и школами, іезуиты въ то же время содѣйствовали увеличенію силы и могущества шляхты разными привилегіями. Такою привилегіей было между прочимъ такъ называемое право презентациі (*jus patronandi et praesentandi*), которое до сихъ поръ еще лежитъ тяжкимъ бременемъ на униатскомъ духовенствѣ въ Галиціи. Въ силу этого права священникъ зависѣлъ отъ воли помѣщика, въ имѣніи котораго онъ желалъ быть поставленъ духовнымъ пастыремъ. Безъ согласія такъ называемаго патрона, епископъ не могъ поставить приходскаго священника. Онъ долженъ былъ представить презенту, значить грамоту, что помѣщикъ ему даетъ приходъ подъ такими-

то условіями. Очень часто нужно было такую презенту покупать за деньги при посредничествѣ еврейскихъ факторовъ, и пр., что до сихъ поръ практикуется въ Галиціи. Хотя условія бывали иногда очень тягостныя, священникъ долженъ былъ на все соглашаться. Только въ послѣдствіи времени начали помѣщики писать на презентаціонныхъ грамотахъ обѣщаніе «*że z gruntów do pomienionej parochii należących xiądz N. N. do panszczyzny i innych danin pociąganym nie będzie, Jaśnie Wielmożnemu xiądzu biskupowi zagęczam*» (А что съ земли къ помянутому приходу принадлежащей, священникъ Н. Н. къ барщинѣ и другимъ повинностямъ не будетъ принуждаемъ, Вашему Преосвященству ручаюсь). Грамоты съ такими оговорками встрѣчаются еще теперь въ Галиціи у многихъ священниковъ; но они доказываютъ, что только священникъ, *принявшій унію*, свободенъ былъ отъ барщины, а какъ невыносимо было положеніе тогдашнихъ *православныхъ* священниковъ, можно себѣ представить. Такія привилегіи были весьма пригодны іезуитамъ въ ихъ антиправославной пропагандѣ. Легко ли могъ тогда священникъ безъ образованія, семейство котораго должно было работать барщину и жило въ крайней бѣдности, выступать на защиту православія, вездѣ и всеми гонимаго и презираемаго?

Поэтому неудивительно, что въ числѣ воспитанниковъ іезуитскихъ изъ русскаго рода являлись многіе съ склонностію къ уніи, въ которой будто былъ выходъ изъ невыносимаго положенія. Тѣмъ болѣе казалось измученнымъ гоненіями православнымъ, что унія не дурное дѣло, что она будто не отниметъ у народа дорогой его сердцу обрядности, а оставить ее въ цѣлости съ тѣмъ только условіемъ, чтобы замѣнить царградскаго патріарха римскимъ папою. Но все таки нельзя сказать, чтобы такихъ слабыхъ вѣрою было очень много. Какъ среди русско-литовскаго дворянства, такъ и среди духовенства, любовь къ прародительской вѣрѣ тѣмъ болѣе проявлялась, чѣмъ съ большимъ усердіемъ и нахальствомъ дѣйствовали іезуиты. Понимали разумные люди русскаго рода всѣхъ сословій, что іезуиты не останоятся на уніи, и что цѣль ихъ совершенно окатоличить и ополячить Литву и западную Русь, и уничтожить русскую православную церковь съ ея восточною обрядностію, что унія есть только первый шагъ къ такому уничтоженію. И опасенія ихъ были совершенно справедливы. Они видѣли, что какъ только іезуиты успѣвали пробраться въ дворянскіе дома въ качествѣ воспитателей молодежи и крѣпко усѣда-

лись, то ни словомъ не упоминали уже объ уніи, а *прямо* предлагали своимъ воспитанникамъ принимать католичество и *латинскую обрядность* (*nobiliozem ritum*), т. е. болѣе благородную обрядность, унія же должна была только морочить низшее духовенство и народъ и то только до тѣхъ поръ, пока вѣра въ папу, какъ намѣстника Христа и преемника апостола Петра не войдетъ въ его кровь и мозги, а тогда уже унія сама поведетъ къ латинству. Объ этомъ знали православные, и вотъ почему немногіе являлись отступники отъ древняго православія, и почему не такъ легко было іезуитамъ управиться съ православіемъ. Приготовляя унію, они издавали множество книжекъ, исполненныхъ фанатизма, и устраивали собесѣдованія. Ловкіе ораторы, обладающіе искусствомъ дѣйствовать на незрѣлые умы пустыми софизмами, а на чувства фарисействомъ, они приобрѣтали послѣдователей и тѣмъ легче, что православные, защищающіе свои догматы, хотя и отличались наукой, знаніемъ священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ, но рѣдко обладали искусственнымъ ораторствомъ, и были совершенными неучами въ притворствѣ. Іезуиты говорили смѣло и громко, за ними стояла власть, шляхта и король, имъ можно было никого и ничего не бояться; православные приступали къ собесѣдованіямъ съ страхомъ, какъ гонимые, за ними стоялъ только темный народъ, «быдло», не имѣвшій тогда никакого голоса. Они, защищая православіе, должны были быть готовыми на всякаго рода гоненія и лишенія насущнаго хлѣба. Поэтому, видя невозможность убѣдить колеблющихся, они предпочитали не являться на такія собесѣдованія, и князь Курбскій не совѣтовалъ даже принимать въ нихъ участіе, а если говорить, такъ не съ крикунами, а только съ учеными.

Изреченіе божественнаго Спасителя: «*поражу пастыря и разойдутся овцы стада*» начало вскорѣ оправдываться на дѣлѣ. Такъ какъ ни о чемъ тогда не говорили, какъ только объ уніи, то уніей, такъ сказать, зараженъ былъ тогда самый воздухъ въ Вильнѣ, Полоцкѣ, Брестѣ, Луцкѣ, Холмѣ.

Одно лишь обстоятельство заставило іезуитовъ призадуматься. Въ то время, 1582 года, папа Григорій XIII ввелъ вмѣсто стараго никейскаго новый свой календарь, называемый теперь григоріанскимъ.

Іезуитамъ казалось, что это будетъ самымъ удобнымъ случаемъ оторвать Литву и Русь отъ ихъ связи съ востокомъ, именно, съ царградскимъ патриархомъ и съ восточною Россіей. Календарь,

хитро возглашали они, это еще не *втра*, это вещь совершенно невинная и всё́мъ желательная, чтобы всё христіане всё́хъ вѣроисповѣданій въ одни дни работали и всё́ вмѣстѣ праздновали. Но православные иначе понимали объединеніе календаря. Они видѣли въ этомъ первый шагъ къ уніи, даже больше, шагъ къ настоящему католичеству. «У насъ, говорили они, церковный календарь, установленный на тысячи лѣтъ, намъ нужно бы совершенно переработывать наши книги; но самое главное: мы не хотимъ отступать отъ того, что оставили намъ наши отцы. Если вы, говорили православные католикамъ, считаете это дѣло мало-важнымъ, такъ зачѣмъ же вамъ настаивать на немъ; оставьте насъ въ покоѣ». — Но дѣло не кончилось на словахъ, а князь Константинъ Острожскій написалъ письмо къ патріарху Цареградскому, прося совѣта, что дѣлать, и получилъ отвѣтъ, чтобы никакъ не принимать григоріанскаго календаря, а держаться принятаго первымъ вселенскимъ соборомъ.

Кто знаетъ бытъ русскаго народа въ тѣхъ краяхъ, въ которыхъ онъ смѣшанъ съ католиками и поляками, тотъ понимаетъ, какую важность имѣетъ для православныхъ календарь. Народъ привыкъ называть все католическое польскимъ, восточное русскимъ. Принять польскій (по разумѣнію народа) календарь, значитъ отречься отъ своей вѣры и сдѣлаться полякомъ. Поэтому пока народъ русскій состоитъ въ борьбѣ съ латинствомъ, онъ не можетъ согласиться на такую перемѣну въ настоящее время. Такъ извѣстно, что въ Галиціи всё попытки австрійскаго правительства завести новый календарь встрѣчали *рѣшительный* отказъ народа. Тѣмъ менѣе могли іезуиты съ Поляками думать, что имъ это удастся въ XVI столѣтіи, когда во главѣ православныхъ стояли еще знатные княжескіе роды, хорошо понимавшіе, что всякое сближеніе съ западомъ вредно для православія. Изъ отпора противъ новаго календаря іезуиты вынесли урокъ, что навязать народу унію т. е. *новшество* не такъ легко, какъ они сначала предполагали, и что надобно дѣйствовать усердно и умѣло, чтобы не раздражить крестьянъ, которые готовы были ко всякимъ жертвамъ за прародительскую свою вѣру.

Тогда стало ясно іезуитамъ, что единственная ихъ надежда на успѣхъ—въ расположеніи къ уніи *высшаго православнаго западно-русскаго духовенства*, именно: митрополита и епископовъ. Прежде всего, думали они, нужно ослабить влияніе и авторитетъ патріарха, представить, что онъ какъ подданный турецкаго султана не имѣетъ

ни свободы, ни власти управлять церковью, и указывали на папу, какъ на независимаго государя, ни кѣмъ не стѣсняемаго, пользовавшагося полнѣйшею свободою и властью; онъ можетъ всякому, кто бы онъ ни былъ, воздать полную справедливость.— Поэтому гораздо лучше избрать главой церкви папу, пользующагося у всѣхъ христіанскихъ людей запада высочайшимъ почтеніемъ и авторитетомъ, чѣмъ оставаться въ повиновеніи у раба невѣрнаго султана. Сужденія эти, очень ловко придуманныя, встрѣчали сочувствіе, и такимъ способомъ подготовлялась официальная унія, для введенія которой въ жизнь находились уже подготовленные люди.

Хотя король Стефанъ Баторій, какъ выше сказано, сочувствовалъ унії, но онъ не осмѣлился дѣйствовать *насмльственно*, а только такими орудіями какъ іезуитская лезть и обманъ. Тѣмъ болѣе онъ былъ не рѣшительнымъ, что убѣждался, что масса народа и слышать не хочетъ о перемѣнѣ старой вѣры, что въ числѣ защитниковъ православія находятся самые честнѣйшіе и умнѣйшіе люди изъ русскаго дворянства и духовенства, а на сторонѣ унії такіе люди, которые не были хорошими православными, которые главнымъ образомъ искали только почестей и беззаботной жизни. Когда же умеръ Стефанъ Баторій, и на престолъ польскій вступилъ Сигизмундъ III, тогда возрадовались іезуиты. Онъ назначилъ своимъ духовникомъ Петра Скаргу, яраго іезуита и опытнаго проповѣдника, который вмѣстѣ съ Поссевиномъ былъ первымъ затѣйщикомъ унії. Скарга убѣждалъ короля, что онъ можетъ достигнуть безсмертной славы на землѣ и вѣнца на небесѣхъ, если поможетъ привести Русь въ едино стадо съ Польшей. Тогда бросились іезуиты съ великимъ жаромъ на дѣло. Прежде всего они старались расположить къ себѣ русское дворянство. Притворяясь самыми искренними доброжелателями русскихъ дворянъ, они представляли имъ великія выгоды отъ унії, если она водворится въ цѣломъ польскомъ царствѣ, и вся Русь и Литва будутъ католическими, не лишаясь своихъ восточныхъ обрядовъ. Польскому же королю и дворянству они въ то же время внушали, что унія только *первый шагъ* къ совершенной латинизаціи и ополяченію, и что въ рѣчи посполитой добра не будетъ, пока въ ней не будутъ *всѣ* настоящими католиками. Намъ надобно, говорили они, сломать силу Руси, а она тогда только будетъ *нашей*, перестанетъ быть *Русью* и будетъ настоящею Польшею, когда сдѣлается католической.

Къ сожалѣнію, тогда были такія обстоятельства, которыя благо-

пріятствовали планамъ іезуитовъ. Православная церковь не имѣла тогда достойныхъ іерарховъ въ Литовской Руси. Большая часть іерархіи была уже заражена польскимъ шляхетскимъ духомъ. Кіевскимъ митрополитомъ былъ Онисифоръ Дѣвочка, котораго называли двоеженцемъ потому, что онъ до рукоположенія въ епископа былъ вдовцомъ по смерти второй жены. По канонамъ восточной церкви двоеженцы не могутъ быть епископами. Патріархъ Константинопольскій Іеремія, пріѣхавшій на Русь ради исправленія безпорядковъ, въ 1589 г. низложилъ его по просьбѣ западно-русскихъ православныхъ, которые были недовольными Онисифоромъ и за то, что онъ былъ небрежный пастырь православнаго стада, какъ это видно изъ письма галицко-русскихъ дворянъ, писаннаго къ нему въ 1585 г. изъ Варшавы: «Хотя вашу милость старшимъ своимъ имѣемъ, однако ваша милость незаботился о томъ, чтобы словесныхъ овецъ своихъ отъ губительныхъ волковъ оборонять. Во время пастырства вашей милости довольно всего злаго въ нашемъ законѣ стало: насилія святыни, замыканіе святыхъ таинъ, запечатаніе церквей, запрещеніе звонить, выволокиваніе отъ престола и отъ церквей Божіихъ поповъ, и какъ будто бы злодѣевъ сажаютъ ихъ въ тюрьмы, а мірскимъ людямъ запрещаютъ въ церквахъ Божіихъ молиться.... Но этого мало: рубятъ кресты святыя *), захватываютъ колокола въ замокъ (крѣпость), отдаютъ ихъ въ распоряженіе жидамъ, и еще ваша милость листы (грамоты) свои открытыя противъ церквей Божіихъ жидамъ на помощь даешь.... Изъ церквей дѣлаются іезуитскіи костелы.... Но что еще хуже, ваша милость поставляешь однихъ епископовъ безъ свидѣтелей и безъ насъ, братіи твоей, что и правила запрещаютъ, вслѣдствіе чего негодные люди становятся епископами» и пр. пр.

Не удивительно, что на такія злоупотребленія епископской власти не могъ равнодушно смотрѣть патріархъ, и онъ, низложивъ митрополита Онисифора, низложилъ тоже и Супрасльскаго архимандрита Тимофея Злобу, обвиненнаго тоже въ тяжкихъ преступленіяхъ.

Низложеніе Онисифора было однако на руку королю и іезуитамъ потому только, что имъ удалось на его мѣсто, столь важное, поставить Минскаго архимандрита Михаила Рогозу, человѣка слабаго характера, который притворялся ревностнымъ православнымъ.

Патріархъ, стараясь удалить отъ церкви соблазны, заботился также утвердить православіе посредствомъ церковныхъ братствъ.

*) Какъ въ настоящее время въ Галиціи!

Въ то время подтвердилъ онъ уставъ Львовскаго Ставропигійскаго братства. Это было для Червонной Руси очень важнымъ дѣломъ. Можно сказать, что въ Галиціи православная церковь потому и была сильна, что во главѣ народа дѣйствовало славное Ставропигійское братство, прямо подчиненное самому патріарху. Это братство и раньше утвержденія патріархомъ Іереміею дѣйствовало во благо церкви и народа по благословенію антиохійскаго патріарха Іоакима и было однимъ изъ самыхъ крѣпкихъ оплотовъ православія во всей западной Руси. Другимъ могущественнымъ братствомъ, уставъ котораго тоже утвердилъ патріархъ Іеремія, было Виленское православное братство. По образцу этихъ братствъ основались другія братства: въ Холмской Руси, въ Бѣлоруссіи, въ Малороссіи. Братства строго наблюдали за благочиніемъ и нравственностію въ своей средѣ, а главнѣйшія изъ нихъ и во всемъ православномъ обществѣ. Братства имѣли также право воспитывать юношество, которое обучали священному писанію, а также славянскому и греческому языкамъ; они получили наконецъ право печатать священныя и церковныя книги и учебники.

Западно-русскія братства, поставившія себѣ цѣлью защиту и утвержденіе православія въ такихъ странахъ, гдѣ оно имѣло много враговъ, были великою силою, очень опасною даже для іезуитовъ. Многіе изъ нихъ сохранились въ своихъ остаткахъ и до нынѣ въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ была унія, и многіе изъ нихъ должны быть возстановлены. Такое братство должно быть въ каждомъ приходѣ. Оно должно бы стараться о благолѣпнн Дому Божьяго, способствовать школьному просвѣщенію въ духѣ православія, распространять книги, наблюдать за посѣщеніемъ церкви и за нравственностію христіанъ, устранять соблазны, утверждать трезвость и всякія добродѣтели, помогать бѣднымъ, безпомощнымъ.

Патріархъ понималъ, какая сила такихъ братствъ, и потому утверждалъ ихъ. Отъ нихъ онъ могъ знать о всемъ, что дѣлалось на Руси, и легче устранять зло. На частныхъ людей, отдѣльно поставленныхъ, нельзя было полагаться, потому что частнаго человека легко было врагамъ перехитрить и переманить на свою сторону, а съ братствами этого нельзя было сдѣлать.

Но и братства не могли въ то время спасти русскую церковь отъ уніи. Іезуиты напинули на всю Русь и Литву католическую сѣть, имѣя опору въ самомъ королѣ и въ шляхтѣ, которая съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе переходила въ латинство. Оставалось, правда, въ православіи низшее духовенство, но оно было мало

образованное, бѣдное, зависимое, гонимое и безсильное въ борьбѣ съ могущимъ врагомъ, за которымъ все стояло отъ короля до послѣдняго писаря. Духовенство нерѣдко съ связанными руками должно было смотрѣть, какъ тяжкіе волки раздирали ихъ паству. Епископы же, видя въ патріархѣ строгаго судью своихъ дѣлъ, иногда не хорошихъ, и видя, что въ римской церкви все безнаказанно проходитъ, стали подумывать, какъ бы избавить себя отъ константинопольскаго патріарха, чѣмъ ловко воспользовались іезуиты. Они говорили епископамъ: чѣмъ помогаетъ вамъ патріархъ? Онъ безсиленъ, онъ самъ рабъ невѣрнаго султана, его никто не уважаетъ, не слушаетъ. Другое дѣло папа. Ему, какъ намѣстнику Христа и преемнику апостола Петра, повинуются и цари. Патріархъ, говорили іезуиты епископамъ, поставилъ васъ подъ надзоръ братствъ, которыя слѣдятъ за каждымъ вашимъ шагомъ, и вы не свободны; примите унію, тогда сбросите это иго, а папа не будетъ вмѣшиваться въ ваши дѣла, будете себѣ жить, какъ душѣ угодно, и братства ничего не сдѣлаютъ вамъ своими доносами.

Не предотвратили уніи и оставшіеся еще въ православіи могущественные защитники его, во главѣ которыхъ стоялъ богатый вельможа и свѣтлый мужъ князь *Константинъ Острожскій*. Не было имъ надлежащей опоры не только въ ихъ дворянской средѣ, но и въ средѣ духовенства, потому что въ то время поставляли въ священство чаще всего въ угожденіе ополченнымъ панамъ, ихъ лакеевъ, экономовъ, поваровъ, мельниковъ и пр. людей полуграмотныхъ, а шляхта чаще и чаще перебѣгала въ латинство, потому что презирала свое темное духовенство, и притомъ видѣла, что возвращеніе въ латинство открывало ей двери къ полученію высокихъ почестей въ польскомъ государствѣ. Не лучше было и въ монастыряхъ, которые должны были быть крѣпостью православія. Въ нихъ рѣдко бывали ученые люди, чаще же всего монахи думали только о томъ, какъ бы сохранить свое имущество отъ грабежа, и считали себя счастливыми, если ихъ никто не трогалъ.

Такъ все обстоятельства сложились въ пользу іезуитовъ, и мысль объ уніи овладѣла и чернымъ и бѣлымъ русскимъ духовенствомъ, не видѣвшимъ другаго выхода изъ отчаяннаго своего положенія.

1590 года митрополитъ Михаилъ Рогоза созвалъ въ Брестъ-Литовскъ соборъ для совѣта, какъ бы улучшить все въ православной церкви.

На соборъ явились: Кирилль Терлецкій, епископъ Луцкій, уже давно расположенный къ уніи, Леонтій Пелчинскій, епископъ Пинскій, Діонисій Збируйскій, еп. Холмскій, и Львовскій Гедеонъ Балабанъ. Митрополитъ указалъ на тягостное положеніе русской церкви, по причинѣ ея зависимости отъ Константинопольскаго Патріарха, турецкаго подданнаго. Всѣ епископы согласились съ его мнѣніемъ и высказали желаніе соединиться съ западной церковью. Съ этимъ мнѣніемъ согласился даже извѣстный впослѣдствіи своею ревностью къ православію Львовскій епископъ Гедеонъ,—согласился потому, что онъ тогда былъ во враждѣ съ львовскимъ братствомъ. Тогда епископы составили грамоту, въ которой объявили, что они, по долгу пастырей — спасать свои паствы отъ бѣдствій, готовы подчиниться римскому папѣ, если восточные ихъ обряды будутъ имъ оставлены въ цѣлости *во вѣки*. Митрополитъ по благоразумію не подписалъ этой грамоты, потому что это еще было преждевременно, а іезуиты вѣроятно такъ его наставили, что ему нужно было еще играть роль православнаго до той поры, пока дѣло уже будетъ готово. Но грамота была передана польскому королю Сигизмунду, который 1592 г. въ мартѣ мѣсяцѣ, выразивъ благодарность епископамъ, обѣщалъ имъ разныя преимущества и защиту отъ напастей. Между прочимъ, онъ обѣщалъ *«приумноженіе ласки, увеличеніе вольностей и свободъ»* наравнѣ съ латинскимъ духовенствомъ и пр. Это были пустыя слова!

Теперь то начали іезуиты дѣйствовать рѣшительно, по внушенію Петра Скарги, который еще въ 1577 г. издалъ сочиненіе объ уніи на польскомъ языкѣ. Послѣ пятилѣтнихъ трудовъ іезуитовъ почва для уніи была уже на столько подготовлена, что можно было сдѣлать рѣшительный шагъ. Правда, и православные не бездѣйствовали. Они еще раньше усилили свои заботы о просвѣщеніи. Тогда именно явился въ западной Россіи первый русскій книгопечатникъ Иванъ Федоровъ. Въ 1580 г. издана была въ Острогѣ заботами князя Константина Острожскаго первая печатная біблія на славянскомъ языкѣ; появились и другія книги въ Острогѣ, Львовѣ и Вильнѣ. Религіозная жизнь пробудилась, какъ никогда прежде. Братства исправляли старыя злоупотребленія, которыя подъ вліяніемъ іезуитовъ и латинства вкрались въ православную церковь, они ободряли народъ къ долготерпѣнію и мужеству въ борьбѣ за дражайшее наслѣдство отцовъ — *родную церковь*.

Несмотря на грамоту короля, соизволявшего на унію, православные не думали принимать ея. Они считали предателями четырехъ епископовъ, подписавшихся на унію, и утѣшались твердостью остальныхъ. Львовское братство, узнавъ о предательствѣ епископовъ, обратилось къ патриарху съ сердечной просьбой помочь дѣлу и прислать екзарха въ Литву.

Иезуиты однако дѣлали свое. Они распустили нарочно, чтобы устрашить православныхъ, молву, что уже и митрополитъ подписался на унію. Въ 1593 г. иезуитамъ прибыла новая сила. Въ этомъ году умеръ въ Брестѣ епископъ Мелетій Хрептовичъ, и на его мѣсто назначенъ былъ Адамъ Поцѣй, сенаторъ и каштелянъ брестскій, человѣкъ знатнаго рода и обширнаго образованія. Онъ учился въ Краковѣ; кончивъ науки, былъ на службѣ у князя Радзивилла, покровителя протестантовъ, и въ то время принялъ протестантство. Послѣ того онъ былъ писаремъ у короля, судьбою, сенаторомъ и каштеляномъ брестскимъ. Онъ былъ прежде женатъ на родственницѣ князя Константина Острожскаго и въ близкой связи съ нимъ. Для плановъ иезуитовъ не могло быть лучшаго человѣка. Самъ король написалъ грамоту митрополиту, чтобы онъ посвятилъ Поцѣя въ епископы безъ всякаго возраженія. Поцѣй тогда уже отказался отъ протестантства и опять принялъ православіе. Сдѣлавшись епископомъ, онъ сблизился съ Кирилломъ Терлецкимъ, который его высоко уважалъ и предоставилъ ему главное участіе въ дѣлѣ уніи. Терлецкій убѣждалъ его, что нельзя дальше оставаться подъ управленіемъ патриарха, который по простымъ доносамъ низлагаетъ епископовъ, поставилъ надъ епископами братства въ родѣ надзирателей, а этого всего, говорилъ онъ, не будетъ, когда мы присоединимся къ папѣ. Тогда будемъ сидѣть до смерти на нашихъ епископствахъ, и отыщемъ наши церковныя имѣнія. Но Поцѣя не надо было убѣждать. Онъ уже былъ въ душѣ уніатомъ. Его не тронуло даже письмо такого мощнаго покровителя православія, какъ князь Острожскій, который не былъ врагомъ уніи, т. е. *соединенія всѣхъ церквей*, о чемъ наша церковь всегда молится. Князь Острожскій писалъ Поцѣю, что онъ понимаетъ унію только *всѣхъ церквей* вмѣстѣ, и предлагалъ ему отправиться въ Москву къ патриарху, чтобы онъ и всѣ патриархи востока соединились, какъ это было въ первые вѣка христіанства прежде раздора, происшедшаго въ IX столѣтіи отъ гордости римскихъ первосвятителей. Князь Острожскій писалъ ему, что о такомъ дѣлѣ, какъ со-

единеніе церквей, должны произнести судъ прежде всего *греческіе отцы*. На это Поцѣй отвѣтилъ, что это трудное дѣло, что онъ и не думалъ объ этомъ; не упоминалъ онъ объ этомъ и на соборѣ, который созванъ былъ 1593 года.

О томъ, что происходило теперь въ западно-русской церкви узналъ патриархъ въ Константинополѣ отъ Львовскаго братства и написалъ на имя митрополита двѣ грамоты, одну съ приказомъ низложить Львовскаго епископа Гедеопа Балабана, а вторую съ выговоромъ самому митрополиту, съ временнымъ запрещеніемъ за то, что онъ дурно управляетъ паствою, если не сумѣлъ въ продолженіи пяти лѣтъ (1589—1593) умиротворить ее. Митрополитъ Михаилъ, получивъ эти грамоты, созвалъ на 24-е Іюня 1594 года соборъ въ Брестъ, на который пріѣхали только Поцѣй и Терлецкій. Соборъ для отвода глазъ осудилъ Гедеопа и митрополитъ отлучилъ его. Но удивительно! Когда объ этомъ низложеніи шла рѣчь, королевскій примасть, архіепископъ Гнезненскій, прислалъ митрополиту письмо, что соборъ *не допускается потому, что созванъ въ отсутствіе короля* (король уѣхалъ въ Швецію), *когда по законамъ Польши не допускаются вообще никакія собранія*; въ письмѣ этомъ было выражено также *негодованіе латинянъ на митрополита за его содѣйствіе патриарху*. Письмо, очевидно, было написано съ тѣмъ, чтобы лишить представителей братствъ права участвовать въ этомъ соборѣ и предпринимать что либо на защиту православной церкви.

Этимъ ловко воспользовался Кириллъ Терлецкій. Онъ зналъ отлично, что еслибы митрополитъ что нибудь предпринялъ на соборѣ неблагопріятнаго для уніи и іезуитовъ, то это не имѣло бы никакой силы. Но онъ воспользовался теперь удобнымъ случаемъ вызвать митрополита на рѣшительное заявленіе объ уніи. Онъ пошелъ къ нему и спросилъ его тайно, что онъ думаетъ объ уніи? Митрополитъ противъ всякаго ожиданія далъ свое согласіе принять унію, потому будтобы, что не видѣлъ другаго выхода изъ своего труднаго положенія. Кириллъ былъ въ восторгѣ отъ такого заявленія митрополита и съ искусствомъ «райскаго змія» представилъ ему все счастье отъ соединенія церквей, т. е. отъ *подчиненія* ихъ церкви папѣ. Митрополитъ составилъ записку, въ которой выражены были мысли объ общемъ соединеніи церквей, и далъ ее Кириллу для представленія королю, только просилъ его держать это еще въ тайнѣ. Онъ еще не имѣлъ смѣлости выступить рѣшительно, потому что боялся православнаго дворянства

и братствъ. Но Кирилль давно уже порвалъ связи и съ дворянствомъ и съ братствами, не считалъ нужнымъ скрываться, и *открыто* выступилъ поборникомъ уніи. Онъ поѣхалъ въ Краковъ, представился королю, выпросилъ себѣ у него грамоту на званіе ексарха и привезъ похвальную грамоту Поцѣю за его заслуги для уніи.

Вернувшись изъ Кракова, Терлецкій вмѣстѣ съ Поцѣемъ убѣдили митрополита уполномочить ихъ вести переговоры объ уніи. Митрополитъ колебался, просилъ 6 недѣль на размышленіе, но затѣмъ было составлено соборное посланіе о принятіи уніи. Положеніе митрополита было весьма трудное при неустойчивости его характера. Съ боязнію оглядываясь на всѣ стороны, онъ всѣхъ обманывалъ. Братства онъ увѣрялъ, что не подписалъ грамоты; увѣрялъ въ томъ же и дворянъ, особенно князя Острожскаго, которому обѣщалъ твердо стоять за православіе. Онъ содѣйствовалъ примиренію Гедеона съ братствомъ, послѣ чего Гедеонъ написалъ протестацію противъ Поцѣя и Терлецкаго, отказываясь отъ всякой уніи. Митрополитъ даже написалъ Виленскому братству посланіе, опровергающее разнесшійся слухъ объ его измѣнѣ. Но братство имѣло въ рукахъ *документы* и переслало ихъ князю Острожскому и Скумину — въ доказательство лживости митрополита и единомысленныхъ съ нимъ епископовъ. Братство просило князей, чтобы они выхлопотали созваніе собора, въ которомъ участвовали бы и міряне. Но до собора не скоро еще дошло дѣло. Поцѣй и Терлецкій въ томъ же 1595 г. поспѣшили въ Краковъ. Въ Люблинѣ Поцѣй встрѣтился съ княземъ Острожскимъ, показалъ ему подлинныя грамоты и на колѣнахъ слезно просилъ его принять участіе въ уніи. Князь рѣзко сказалъ, что рѣшать дѣло объ уніи можетъ только *соборъ*.

Оба епископа пріѣхали въ Краковъ, а оттуда *безъ разрѣшенія митрополита* отправились въ Римъ. Къ этому они готовились уже дома, такъ какъ нужно было заложить церковныя имѣнія, чтобы добыть денегъ на дорогу. Выѣхавъ въ сентябрѣ 1595 г. они пріѣхали въ Римъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Митрополитъ, какъ только узналъ объ ихъ отъѣздѣ, послалъ своего протонотарія, чтобы ихъ возвратить, но они не обратили вниманія на приказаніе митрополита. Что для нихъ тогда значилъ митрополитъ, когда они уже везли въ Римъ готовую унію съ могущимъ папой — царемъ!

Самъ король извѣстилъ окружной грамотой всѣхъ своихъ

подданныхъ, что для приведенія уніи въ дѣйствіе отправились въ Римъ епископы Владимірскій и Луцкій. Православные сильно возмутились, особенно князья К. Острожскій и Скуминъ. Въ Вильнѣ выступилъ извѣстный проповѣдникъ Стефанъ Зизаній на защиту православія. Народъ ропталъ, за что начали его преслѣдовать въ имѣніяхъ пановъ—латынянъ и въ королевскихъ имѣніяхъ. Это предвѣщало великую бурю, которая и разразилась въ близкомъ будущемъ.

Епископовъ Поцѣя и Терлецкаго папа принялъ въ Римѣ очень сердечно. Имъ отведенъ былъ особый дворецъ и выдавалось много денегъ. Папа далъ имъ аудіенцію 23 Декабря, по особому церемоніалу. Они прочитали грамоты, латинское исповѣданіе вѣры и удостоены были облобызать крестъ на папскомъ багшмакѣ. Объ уніи составленъ былъ папскими секретарями протоколъ и для увѣковѣченія введенія уніи папа велѣлъ выбить медаль съ надписью «Ruthenis receptis» (на память о присоединеніи русскихъ). Оба епископа возведены были въ званія прелатовъ и ассистентовъ римскаго престола, и имъ вручены были грамоты королю, митрополиту, епископамъ и князьямъ. Королю папа писалъ, чтобы онъ принялъ митрополита и епископовъ въ число сенаторовъ; митрополиту поручено было созвать соборъ и представить затѣмъ папѣ его постановленія.

Повидимому, все пошло благополучно. Но не такъ было на дѣлѣ. Папа утвердилъ восточную обрядность, но не безусловно, а лишь настолько, *насколько она не противорѣчила латинству*, и хотя оставилъ православнымъ символъ вѣры, но Поцѣй и Терлецкій уже прочитали латинское исповѣданіе вѣры. Папа зналъ, что іезуиты довершаютъ дѣло по своему, все передѣлаютъ на латинскій ладъ.

Въ мартѣ 1596 года возвратились епископы Терлецкій и Поцѣй изъ Рима, осчастливленные почестями и достоинствами. Но на первыхъ же шагахъ ихъ встрѣтила большая неприятность. Русскіе православные депутаты, съ княземъ Конст. Острожскимъ во главѣ, на Варшавскомъ сеймѣ подали королю просьбу, чтобы епископы, согласившіеся на унію, были лишены сана, и на ихъ мѣста назначены другіе. Поцѣй и Терлецкій позаботились выхлопотать у короля новыя грамоты на эти епископства. Еще раньше этого король, соглашаясь на соборъ, заявилъ, что въ немъ не должны участвовать міряне, потому что онъ зналъ настроеніе православныхъ мірянъ и боялся ихъ. По желанію короля созванъ былъ такой соборъ въ Новогрудкѣ изъ одного

духовенства, но онъ не рѣшилъ дѣла уніи, а занялся осужденіемъ защитниковъ православія, особенно Стефана Зизанія. Такой соборъ не могъ удовлетворить ни православныхъ, ни приверженцевъ уніи. Православные желали выяснить и рѣшить все дѣло на большомъ соборѣ, съ участіемъ представителей народа, который вмѣстѣ съ духовенствомъ и составляетъ церковь, а приверженцы уніи, хотя тоже желали покончить дѣло торжественно, но съ пораженіемъ православія. Они желали устроить такой соборъ, чтобы на немъ также торжественно повторить то, что было въ Римѣ, именно, чтобы вся русская земля услышала, что безъ папы будтобы спасенія быть не можетъ, что вѣра предковъ, спасавшая ихъ въ продолженіи 600 лѣтъ со временъ принятія Русью крещенія, не полная, что папу въ Римѣ надобно считать альфой и омегой, началомъ и концемъ въ христіанской церкви.

Съ такимъ пониманіемъ дѣла согласенъ былъ и король Сигизмундъ III. Онъ издалъ 14 Іюня 1596 г. универсалъ, въ которомъ заявилъ, что не только епископы, ѣздившіе въ Римъ, но и онъ самъ имѣлъ желаніе соединить церкви. Онъ говорилъ затѣмъ, что желаетъ быть съ своими поданными въ *одной* вѣрѣ, что такое единеніе *охраняетъ цѣлость республики*. О народѣ же выразился, что это только «толпа», и онъ не долженъ участвовать въ соборѣ. Митрополитъ Михаилъ Рогоза издалъ съ своей стороны подобный циркуляръ. Но не смотря на все это, народъ волновался, особенно въ Вильнѣ, такъ что митрополиту нужна была королевская защита. Народъ волновался и въ епархіяхъ Поцѣя и Терлецкаго и вездѣ. Вопль несчастныхъ гонимыхъ православныхъ дошелъ и до восточныхъ патріарховъ, которые утѣшали гонимыхъ и хвалили ихъ твердость въ православіи. Патріархъ Мелетій александрійскій прислалъ ученаго Кирилла Лукариса, протосинкелла александрійской церкви, а константинопольскій патріархъ прислалъ своего архидіакона, высокоученаго Никифора, въ званіи экзарха, которыхъ православные приняли весьма сердечно. Они радовались, что на соборѣ будутъ имѣть своихъ ученыхъ защитниковъ противъ такихъ славныхъ проповѣдниковъ лжи, какимъ былъ прославленный поляками іезуитъ Петръ Скарга. Они радовались прибытію этихъ ученыхъ мужей тѣмъ болѣе, что слабѣла ихъ надежда на побѣду. Большинство епископовъ, съ митрополитомъ во главѣ, уже были явными уніатами, остались въ православіи только два епископа: Михаилъ Копыстинскій перемышльскій и Гедeonъ Балабанъ львовскій.

Знали и глубоко чувствовали православные, что истина Христова на ихъ сторонѣ, но сила и притомъ не одна ви́шняя, но и сила лжи и обмана—на сторонѣ враговъ. Враги эти рѣшились доказать предъ лицомъ міра, что унію приняло законное представительство западно—русской церкви, и потому они заботливо приготавливались къ назначенному въ городѣ Брестѣ собору, чтобы одержать на немъ побѣду надъ православными и православіемъ.

Дѣломъ провозглашенія уніи на брестскомъ соборѣ заправляли епископы Кирилль Терлецкій, Ипатій Поцѣй и іезуиты. Положеніе православныхъ было тяжелое. Отъ Брестскаго собора они не ожидали ничего хорошаго, но не падали духомъ, уповавъ на милость Божию и на свою правду.

Въ октябрѣ 1596 г. начался этотъ соборъ. «Никогда, пишетъ ученый историкъ М. О. Кояловичъ, не было собора въ западно-русской церкви, который представлялъ бы собою такую торжественность и величіе, какъ соборъ 1596 года, въ Брестѣ. На этотъ соборъ прибыли: Никифоръ, экзархъ константинопольскаго патріарха въ Литвѣ и во всемъ константинопольскомъ патріархатѣ, человѣкъ извѣстный своею ученостію и сильными связями въ Константинополѣ; Кирилль Лукарисъ, экзархъ александрійскаго патріарха; западно-русскій митрополитъ Михаилъ съ семью епископами; множество архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ западно-русской церкви; дальше князь Острожскій съ многочисленною свитою, послы отъ всѣхъ областей и множество людей всякаго чина и званія. Представителями латинянъ были: главнѣйшіе двигатели уніи—латинскіе епископы: луцкій, львовскій съ іезуитами, холмскій; потомъ гетманъ литовскій князь Николай Радзивилль, канцлеръ литовскій Левъ Сапѣга и подскарбій литовскій Димитрій Фалецкій, тоже со свитами. Всѣ съѣхавшіеся на соборъ немедленно раздѣлились на двѣ половины. Латиняне соединились съ будущими уніатами, Поцѣемъ и другими епископами, не отказавшимися отъ уніи, и взяли почти подъ стражу Михаила Рогозу. Патріаршіе экзархи и другіе представители восточной церкви соединились съ двумя западно-русскими епископами, Геденомъ львовскимъ и Михаиломъ перемышльскимъ, съ княземъ Острожскимъ, съ послами областными; къ нимъ присоединились почти всѣ духовные и мірскіе представители православной западно-русской церкви. Обѣ половины представляли собою грозное ополченіе; шатры и пушки покрывали окрестности Бреста; и когда обѣ стороны измѣрили взаимныя силы, то перевѣсъ на сторонѣ

православныхъ былъ такъ великъ во всѣхъ отношеніяхъ, что привелъ въ ужасъ уніатскую половину, и она обратилась съ тревожными вопросами къ князю Острожскому. Но онъ увѣрилъ, что спокойствіе не будетъ нарушено, и, вѣроятно, слово князя было выраженіемъ мыслей большинства православныхъ. Они такъ были увѣрены въ правотѣ своего дѣла и въ сочувствіи цѣлаго народа, что никакъ не думали обращаться къ силѣ безъ прямого вызова противной стороны и, какъ увидимъ сейчасъ, даже совершенно пренебрегли тою силою. Собираясь около двухъ патриаршихъ экзарховъ, двухъ своихъ епископовъ и всего духовенства, они выжидали, пока митрополитъ, согласно всегдашнему обычаю, назначить имъ мѣсто для собора; но тотчасъ оказалось, что ихъ благородное обѣщаніе не нарушать спокойствія подало поводъ противной сторонѣ устроить козни. Митрополита не пускали къ нимъ и скрывали отъ всѣхъ поисковъ. Православные узнали, что его даже окружаетъ военная сила. Мало того: они узнали, что Поцѣй, какъ мѣстный епископъ, приказалъ запереть всѣ церкви, чтобы лишить православный соборъ приличнаго мѣста и будущія его дѣйствія—церковнаго освященія. Связанные благороднымъ словомъ князя, они не посмѣли употребить силу и рѣшились избрать для собора частный домъ, какой можно было найти въ Брестѣ, болѣе обширный. Такой домъ предложили протестанты. Православные раздѣлились на двѣ половины, духовную и мірскую, установили порядокъ засѣданій въ обѣихъ половинахъ и освятивъ залу духовнаго собора приличнымъ молитвословіемъ, приступили къ дѣлу. Дѣйствія этого собора въ обѣихъ его половинахъ (духовной и мірской) поражаютъ насъ изумительно вѣрнымъ знаніемъ церковныхъ и гражданскихъ литовско-польскихъ законовъ и еще болѣе изумительно строгимъ исполненіемъ ихъ. Всѣ увидѣли теперь, что митрополитъ и окружавшіе его епископы предають латинянамъ свою церковь и, слѣдовательно, подлежатъ суду. Судъ этотъ православные считали вправѣ произвести надъ высшимъ своимъ іерархомъ и епископами теперь, потому что имѣли на своей сторонѣ представителей восточныхъ патриарховъ, уполномоченныхъ произвести этотъ судъ; слѣдовательно, на сторонѣ православныхъ были судьи по власти выше митрополита и всѣхъ западно-русскихъ епископовъ. Званіе Никифора, патриаршаго экзарха, не подлежало никакому сомнѣнію, потому что сами православные просили патриарха прислать его въ Литву. Имѣя на своей сторонѣ каноническую законность власти, православные не коле-

бались ни минуты вѣрить этой власти судъ надъ дѣлами западно-русской церкви, и каждое дѣйствіе этой канонически законной власти возвышало въ нихъ довѣріе къ собору. Экзархъ Никифоръ черезъ пословъ позвалъ митрополита на судъ, согласно съ церковными правилами судить виновнаго лично. Посланные не находили его; соборъ продолжалъ посылать ихъ для новыхъ поисковъ. Послѣ нѣсколькихъ такихъ посольствъ митрополита наконецъ нашли въ кругу латинянъ и получили въ отвѣтъ, что онъ не явится на соборъ православныхъ. Соборъ теперь имѣлъ право судить виновнаго и заочно, также по церковнымъ правиламъ. Выбранный отъ собора прочиталъ грамоты Никифора къ митрополиту съ убѣжденіемъ не приставать къ уніи, писанныя—одна до пріѣзда на соборъ, другая въ день самаго пріѣзда; затѣмъ прочитаны были всѣ «позвы» митрополиту и послѣдній его отвѣтъ. Виновность его и единомышленныхъ съ нимъ епископовъ не подлежала никакому сомнѣнію. Но такъ какъ, осуждая митрополита и единомышленныхъ съ нимъ епископовъ, нужно было вмѣстѣ съ тѣмъ осудить и унію, то члены собора, оставивъ въ сторонѣ виновниковъ ея, занялись рѣшеніемъ вопроса объ уніи. Сдѣлано было опроверженіе ея, и затѣмъ духовный соборъ обратился къ мірской половинѣ и требовалъ ея мнѣній. Съѣздъ православныхъ мірянъ прочиталъ посольскія инструкціи отъ всѣхъ областей и представилъ духовному собору единогласное мнѣніе, что уніи *не желаетъ весь литовско-русскій народъ*. Тогда соборъ приступилъ къ окончательному рѣшенію: виновные въ уніи митрополитъ и епископы осуждены на низложеніе съ кафедръ. Определеніе собора было послано къ виновнымъ, и всѣ члены собора составили протестъ противъ уніи и владыкъ, принявшихъ ее, и отправили къ королю пословъ съ просьбою назначить имъ новыхъ іерарховъ».

«Сторона уніатская дѣлала какъ-бы подражаніе православному собору, но самое слабое и крайне неудачное, не смотря на святость мѣста, въ которомъ производила свои дѣйствія (въ кафедральной церкви св. Николая). Страха ради отъ православныхъ, будущіе уніаты окружили себя военною силою и, вопреки всѣмъ правиламъ церкви, допустили въ качествѣ членовъ собора иновѣрцевъ, т. е. латинянъ. Дальше, подобно православнымъ, они считали нужнымъ снести съ не принявшими уніи; но сносились частнымъ образомъ, не съ собора и не чрезъ грамоту, а словесно, посредствомъ иновѣрцевъ. На основаніи такихъ частныхъ и канонически

незаконныхъ сношеній, они признали не участвовавшихъ въ уніи виновными, руководствуясь не обличеніемъ ихъ и высказаннымъ ими отвѣтомъ, а тѣмъ убѣжденіемъ, что уніи всё упорно противятся. Еще дальше. Православный соборъ разсуждалъ объ уніи и опровергалъ ее. Уніатскому собору не нужно было разсуждать о ней и вести преніе: унія давно была рѣшена безъ собора и утверждена уже была папою, разсуждать было не о чемъ и уніатскій соборъ ограничился чтеніемъ папской утвердительноя грамоты на унію. Наконецъ, православный соборъ, слѣдуя вполнѣ соборнымъ правиламъ, допустилъ совѣщательное участіе мірянъ, потому что дѣло касалось всего народа и его гражданскихъ отношеній къ церкви. Уніатскому собору некого было спрашивать о мнѣніи народа, потому что на немъ не было ни одного земскаго посла. Поэтому уніатскій соборъ только объявилъ унію, какъ дѣло рѣшенное, представилъ отъ себя тоже протестъ королю противъ не принявшихъ унію, съ просьбою низложить силою виновныхъ епископовъ *и принять мѣры противъ народа*.

«Такимъ образомъ, мы видимъ, что общій съѣздъ разногласящихъ сторонъ, собравшійся для примиренія ихъ въ дѣлахъ вѣры, какъ предполагалось въ универсалѣ короля и въ грамотѣ митрополита, вовсе не достигъ этой цѣли; онъ раздѣлился на двѣ половины, православную и латинствующую, которыя сдѣлались еще болѣе враждебными, и каждая по своему рѣшила дѣло уніи: одна отвергла ее, другая приняла. Значитъ, произнести окончательный приговоръ о соборѣ и принять рѣшеніе предоставлено было будущему времени».

Конечно, взаимныя проклятія и отрѣшенія не препятствовали какъ православнымъ, такъ и уніатамъ оставаться при своихъ мѣстахъ и званіяхъ. Но положеніе православныхъ, оставшихся вѣрными восточной церкви, было далеко болѣе трудное. Епископовъ, подчинившихся папѣ, защищало правительство; православныхъ оно преслѣдовало. Тотчасъ послѣ Брестскаго собора Сигизмундъ III издалъ грамоту, въ которой говорить: «Митрополитъ съ епископами, со всѣмъ духовенствомъ и многими людьми греческой русской вѣры, сошлись въ соборной брестской церкви св. Николы послѣ молитвы, три дня разбирали дѣло, справляючись съ священнымъ писаніемъ, съ правилами св. отецъ, братски призывали къ себѣ епископовъ Михаила и Гедсона съ ихъ товарищами; но они, хотя сначала сами добровольно приступали къ уніи и о томъ къ намъ писали, но теперь, по наущенію упорныхъ людей, оста-

вили св. храмъ Божій, въ которомъ во все время собора ни разу не были, пожелали соединиться съ анабаптистами, аріанами, богохульниками и съ другими старыми еретиками, непріятелями и поругателями вѣры православной русской. Мало того: соединяясь съ какимъ то еретикомъ Никифоромъ и другими греками, шпіонами и измѣнниками нашими, засѣли въ еретической *божницѣ*, гдѣ съ окаменѣлымъ *фараоновымъ* сердцемъ, съ упорствомъ и злостью, осмѣлились рѣшать дѣла, къ нимъ не подлежащія, возстали противъ насъ, своего Господаря, противъ Рѣчи Посполитой и своихъ начальниковъ, отлучились отъ церкви Божіей, составили тайные протесты и заговоры, подписывали бланкеты и прикладывали печати, призывали къ рукоприкладству людей, не принадлежащихъ къ собору, насильно заставляючи ихъ подписываться, а потомъ на тѣхъ бланкетахъ что-то писали и по государству нашему разсылали». Дальше король извѣщалъ всѣхъ, что епископы Михайль и Гедеонъ прокляты, а потому запрещается почитать ихъ епископами и входить съ ними въ какія либо сношенія; всѣ же правительственныя власти и должностныя лица обязываются уважать постановленіе Брестскаго собора, въ противникахъ же онаго видѣть *преступниковъ*.

Такимъ образомъ, король призналъ уніатовъ преданными престолу и отечеству и объявилъ, что на противниковъ уніи, т. е. православныхъ, смотритъ какъ на нарушителей общественнаго спокойствія, какъ на отступниковъ отъ церкви Божіей. Это было началомъ преслѣдованій, которое открыло широкое поле низкой зависти, фанатичнымъ проискамя.

Несправедливое рѣшеніе дѣла уніи не столько напугало, сколько озлобило православныхъ. Еще 9 октября въ Брестѣ православные избрали изъ среды своей двухъ свѣтскихъ депутатовъ, Малиновскаго и Древинскаго, и снабдили ихъ инструкціею, какъ они должны дѣйствовать и чего требовать отъ короля и сейма. Въ инструкціи говорится, что предки ихъ, они сами болѣе 600 лѣтъ подчинялись константинопольскому (цареградскому) патріарху, что, составляя только часть восточной церкви, они одни не могутъ признать надъ собою власти папы. Въ концѣ просили короля низложить митрополита Михаила и епископовъ, принявшихъ унію, и лишить ихъ правъ на церковныя имущества. Въ 1598 году православные подали жалобу на митрополита и епископовъ, принявшихъ унію; но разсмотрѣніе жалобы было отложено. Между тѣмъ въ 1600 г. умеръ митрополитъ Рогоза, не добившись осуществленія завѣтной

своей мысли засѣдать въ сенатѣ. Современники пишутъ, что совѣсть преслѣдовала его, и что въ послѣднюю минуту онъ объявилъ желаніе умереть православнымъ; но окружавшіе ложе больного уніаты не допустили до этого.

Королевскою грамотою 8-го апрѣля 1600 г. назначенъ его преемникомъ вѣрный и надежный сподвижникъ іезуитовъ, Ипатій Поцѣй. Тогда дѣло уніи уже цѣликомъ предано было въ руки іезуитовъ.

Такъ заведена была унія въ западныхъ краяхъ Руси. Изъ іерарховъ этихъ краевъ не поддались іезуитскимъ интригамъ только галицкіе владыки, не смотря на немилость и угрозы короля и на преслѣдованія, которымъ подвержена была православная церковь въ ихъ отечествѣ. Не удивительно поэтому, что почти два столѣтія уніи, принятой наконецъ и Галичанами подъ давлениемъ преслѣдованій, не могли до сихъ поръ искоренить въ народѣ сочувствія къ древней своей церкви, слѣды которой сохранились еще въ ихъ старыхъ книгахъ и другихъ памятникахъ и въ живущемъ всегда преданіи.

Но преслѣдованіе православія и въ тѣхъ краяхъ, гдѣ унія заведена была на сто лѣтъ раньше, чѣмъ у Галичанъ, не вышло на добро гонителямъ его. Начался рядъ возстаній народныхъ, потекла славянская братская кровь, явились герои, не жалѣвшіе живота своего за вѣру, пока не явился Хмѣльницкій и не положилъ начала распаденію польскаго царства.

II.

Плоды уніи.

Вамъ, любезные братья, надѣюсь, теперь ясно, что брестская іезуитская унія была совсѣмъ не такимъ соединеніемъ христіанъ, которое завѣщаль Спаситель, котораго держалась вся христіанская апостольская церковь цѣлыхъ восемь столѣтій, и которое разорвали римскіе папы своею ненасытною жаждою господства надъ міромъ.

Вы убѣдились изъ нашего краткаго, но вѣрнаго изложенія событій, совершившихся при введеніи искусственной уніи съ властолюбнымъ папствомъ въ литовско-русскихъ земляхъ, что такой уніи не желали наши предки, жившіе мирно въ праотеческомъ православіи, содержавшемъ единеніе съ всею православною цер-

ковью, соблюдавшемъ установленія апостольскія и святыхъ седми истинно вселенскихъ соборовъ. Вы знаете, что у насъ на востокѣ вводилось христіанство мирнымъ образомъ, христіанскимъ просвѣщеніемъ, а не мечемъ и огнемъ, какъ на западѣ, такъ какъ церковь наша смиренная и кроткая, желаетъ всѣхъ просвѣтити свѣтомъ разума святаго евангелія и гнушается насилія и кровопролитія. Вы видите, что въ русскомъ нашемъ богоспасаемомъ государствѣ живутъ народы разныхъ вѣроисповѣданій: римскіе католики, протестанты, еврей, магометане, даже язычники, но никто не обращаетъ ихъ насиліемъ, а только любовью и кротостью. Никогда не думали восточные патріархи, не думаетъ и могущественная Россія высылать православныхъ миссіонеровъ въ Германію или Францію, чтобы обращать жителей тѣхъ христіанскихъ странъ въ православіе: она оберегаетъ только своихъ православныхъ вѣрныхъ, и защищаетъ и проливаетъ дражайшую свою кровь за православную братію; она, православная церковь, выстрадавшая въ литовско-русскихъ провинціяхъ нашествіе іезуитовъ, волковъ въ овчійхъ кожахъ, какъ мать, любящая свои чада, старается просвѣтити обманутыхъ, обратитъ безъ своей вины заблуждшихъ; вотъ почему она уничтожаетъ унию, какъ остатокъ духовнаго рабства иноплеменниковъ, которое укоренилось въ темномъ народѣ лестью и обманомъ, и въ которое онъ попалъ насиліемъ враговъ, воевавшихъ не истиною Божіа слова, а обманомъ, мечемъ и огнемъ.

Какая была судьба православныхъ послѣ брестской уніи, объ этомъ написали ученые люди много книгъ. Мы опишемъ это только вкратцѣ. Православные, непринявшіе уніи, были гонимы до крови. Мало того, что они должны были слушать невѣроятныя у христіанъ ругательства и насмѣшки надъ ихъ вѣрой, но имъ не позволяли въ ихъ тяжелыхъ страданіяхъ и Богу помолиться. Православныя церкви или насильственно запечатывали, или ихъ отдавала польская шляхта какъ и корчмы, арендаторамъ евреямъ, какъ это поется и въ народныхъ пѣсняхъ. Родился у православнаго ребенокъ, онъ долженъ былъ уплатить деньги еврею, у котораго были церковные ключи и веревки отъ колоколовъ; умеръ кто, еврей разрѣшалъ за деньги внести тѣло въ церковь; на Пасху православному нельзя было печь себѣ пасхальный хлѣбъ, а долженъ былъ онъ покупать его у еврея съ его клеймомъ. Священникъ не смѣлъ при церкви освящать пасхальныхъ хлѣбовъ, пока не придетъ еврей и не осмотритъ, всѣ ли хлѣбы съ его клеймами. Еврей медлилъ, народъ ждалъ иногда до

поздняго часа, пока его не дождался, и не могъ безъ него разговѣться,—вотъ и сложилась пѣснь, какъ народъ радуется, что уже ѣдетъ арендаторъ Зельманъ и разрѣшитъ попу посвятить хлѣбы, провѣривъ клейма. Во всей Галиціи и въ настоящее время еще поетъ народъ:

Ѣде, ѣде, Зельманъ,

Ѣде, ѣде, его братъ,

Ѣде, ѣде, цѣла

Зельманова родина (семья).

Когда народъ, доведенный до крайности, въ отчаяніи въ Полоцкѣ бросился на одного изъ главныхъ виновниковъ такихъ гоненій, униатскаго архіепископа Юсафата, любимца іезуитовъ, фанатика, печатавшаго православныя церкви и предававшаго несчастныхъ православныхъ на мученіе въ тюрьмы, — и убилъ его, тогда написалъ папа Урбанъ VIII королю письмо, «*что-бы не шадилъ огня и меча*»! И не шадилъ. Православныхъ убивали, жарили на огнѣ, разрывали въ куски, сажали на колы, снимали съ нихъ живыхъ кожу, отнимали имущества, грабили, и текла братская славянская кровь, и русскія православныя дѣвицы должны были вмѣсто лошадей запрягаться въ телѣги и возить изъ деревни въ деревню жирныхъ іезуитовъ, ругающихъ святыни ихъ отцовъ, и вводящихъ новое богохульное ученіе.

Съ прискорбіемъ и удивленіемъ смотрѣлъ народъ на такія безобразія. Болѣе слабые духомъ сдавались, избѣгая гоненій, лучшіе люди все терпѣли, не отступая отъ вѣры отцовъ своихъ. Ужасно трудное было положеніе священниковъ. За малѣйшее подозрѣніе въ преданности православію ихъ прогоняли, били и ввергали въ тюрьмы, въ которыхъ многіе померли въ жестокихъ мукахъ. Такихъ ужасовъ не испытали наши предки даже отъ татаръ, не преслѣдовавшихъ за вѣру.

Но не много лучше жилось и униатамъ. Ихъ ненавидѣли всѣ: ксендзы и поляки за то, что они имѣютъ еще свои церкви и свои обряды, хотя искаженные, но все таки *восточные*, а не сдѣлались чистыми католиками. Православные ихъ ненавидѣли какъ отступниковъ отъ истинной соборной церкви, о нихъ говорили съ презрѣніемъ, что они *бѣжали изъ Константинополя, и не добѣжали до Рима*. И всѣ ихъ оставили: польскіе паны, такъ называемые патроны, не заботились объ ихъ церквахъ и духовенствѣ, и церкви униатскіе пришли въ разрушеніе. По городамъ онѣ стояли или среди отвратительныхъ жидовскихъ лачугъ, бѣдныя, низкія, грозяція паденіемъ, безъ

оградъ, у стѣнъ ихъ рыли свиньи, творили безобразія еврейскім дѣти. По деревнямъ онѣ стояли иногда покрытыя соломой, вызывали презрѣніе, и чтобы принадлежать къ нимъ, нужно было большое самоотверженіе, особенно въ виду католическихъ костеловъ, великолѣпно построенныхъ, иногда съ высокими башнями и внутри славно приукрашенныхъ на средства, добытыя горькимъ трудомъ русскаго порабощеннаго народа. Такъ оказалось, что всѣ обѣщанія папъ о почтеніи русской обрядности и сравненіи въ правахъ униатскаго духовенства съ латинскимъ совершенно ложны; такъ оказалось, что всѣ грамоты папъ, которыми униатамъ воспрещается принимать латинство, были только ловушкой, а на дѣлѣ латинскіе ксендзы перетягивали въ латинство *цѣлыя селенія* и за это удостоивались наградъ, но никогда не получали упрековъ отъ папы и всей римской куріи. Посмотрите даже теперь на окрестности Вильны, Полоцка, Холма, и увидите, какую цѣну имѣли такія папскія грамоты. Всѣ почти деревни вокругъ этихъ городовъ совершенно олатинены и ополячены, и такое олатиненіе долго не прекращалось даже подъ русскимъ правительствомъ, пока оно не обратило на это своего вниманія и не стало защищать униатовъ отъ латинянь-поляковъ.

Таковы были плоды уніи. Она основана была на лжи, ложью заведена и потому ее постигла такая судьба, какая обыкновенно постигаетъ ложь; т. е., ложь продолжается только до тѣхъ поръ, пока не обнаружится, что она дѣйствительно ложь.

Унія была и главною причиною паденія Польши. Глубоко оскорбленный въ своихъ религіозныхъ чувствахъ православный народъ возсталъ противъ угнетателей и гонителей его древней церкви, явились герои, мстители за вопіющія обиды, смуты продолжались, кровь текла, горѣли города и села, рѣзались христіане и свирѣпствовали другъ противъ друга хуже дикихъ звѣрей, пока не явился Богданъ Зиновій Хмѣльницкій, и не убѣдилась вся западная и южная Русь, что въ Польшѣ для нея нѣтъ ни мира, ни спасенія, и что единственное средство осталось: идти *«подъ власть восточнаго царя православнаго.»*

Унія тогда погибла во всѣхъ областяхъ, перешедшихъ подъ власть Россіи. Осталась она только въ тѣхъ частяхъ западной Россіи, гдѣ осталась власть Польши; но съ половины прошедшаго вѣка унія и здѣсь стала колебаться, злоупотребленія шляхты и ксендзовъ вызвали кровавыя времена коліевщины, ужасно мстила южная Русь свои обиды, и когда послѣдовали раздѣлы Польши, то погибла и

унія въ большей части вновь присоединенныхъ къ Россіи странъ Малороссіи и Бѣлороссіи. Слишкомъ три милліона уніатовъ перешло тогда въ православіе. Унія осталась только въ западныхъ частяхъ Бѣлороссіи, Малороссіи и въ Холмской Руси. Русское правительство не трогало ее, пока сами уніаты не стали убѣждаться въ ея вредѣ и пока не выступили свѣтлые уніаты, которые стали доказывать, что уніатскіе полулатинскіе обряды не имѣютъ смысла, переполнены противорѣчіями и несообразностями, и пожелали исправить ихъ. Унія завела *«тихія мши»* (обѣдни, изъ латинскаго слова-missa), органы, всю литургію исковеркала, такъ что св. Василій Великій, Иоаннъ Златоустъ и Григорій Двоесловъ не могли бы признать эти литургіи за свои.

Что такое литургія? — Это слово греческое, значитъ: *«общее дѣло»*, общая молитва народа подъ руководствомъ священника. Какъ можетъ общая молитва, въ которой долженъ участвовать весь народъ, быть тихою, шопотомъ произносимою? Что значитъ шопотомъ сказанное: Миромъ Господу помолимся? Какъ можетъ народъ отвѣтить: Господи помилуй—на то, чего онъ не слышитъ? Какое значеніе имѣютъ шопотомъ сказанныя слова: Премудрость, прости, *«услышимъ»* святаго евангелія, когда никто не услышитъ этого, развѣ одинъ только прислуживающій священнику при алтарѣ услышитъ это? Какое значеніе имѣло въ уніи воздѣяніе рукъ при возгласахъ на «нынѣ и присно» предъ Трисвятымъ и предъ Херувимской пѣснью? Не было ли это простымъ, рабскимъ подражаніемъ латинскимъ ксендзамъ, воздѣвающимъ руки при словахъ *«Dominus vobiscum»*? Какъ могло быть въ уніи запрещено благословеніе народа при словахъ «Миръ всѣмъ» или «И да будутъ милости великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всѣми вами», и «Благодать Господа... со всѣми вами»? А вотъ, потому это благословеніе запрещено, что латинскій ксендзъ только разъ благословляетъ народъ на литургіи, поэтому и уніатъ долженъ только разъ благословлять. Уніатъ долженъ во всемъ рабски подражать латинскому ксендзу. Носятъ латиняне на пасху изваянную фигуру воскресшаго Христа, и уніаты должны носить, хотя въ восточной церкви не полагаются никакія изваянныя фигуры. Празднуетъ латинскій ксендзъ «Божье тѣло» съ крестнымъ ходомъ, и уніатскій священникъ долженъ праздновать. Празднуетъ латинскій ксендзъ «Непокаляне поченце» и уніатъ долженъ вводить неизвѣстный православнымъ лже-догматъ о «непорочномъ зачатіи св. Анны». Словомъ, уніатскій священникъ долженъ считать римскій обрядъ образцомъ и

*

отъ него заимствовать все, что можно, чтобы этимъ приукрасить свой «грубый» церковный обрядъ, облагородить и поднять его. Уніать долженъ праздновать память жесточайшаго гонителя православія Іосафата*, и при всѣхъ молитвахъ упоминать его имя послѣ святаго чудотворца Николая? Это возможно было лишь до тѣхъ поръ, пока среди уніатовъ была тьма, и они не знали исторіи введенія уніи въ Полоцкѣ. Уніать долженъ и въ жизни подражать ксендзамъ и католикамъ, ломать въ сочельникъ оплатки (опрѣсноки), говорить не иначе, какъ по польски, и обзывать все русское низкимъ и мужицкимъ, чтобы заслужить «панску ласку», для полученія изъ его рукъ презенты на приходъ. А хочетъ уніать быть совершеннымъ, долженъ высылать своихъ сыновъ въ польскіе мятежи, отвоевывать Польшу, осчастливившую его такую унією!—Далѣе, гдѣ богатства и имущества русской земли? Гдѣ наше народное величіе и народная честь? Нашъ цвѣтъ, наши православные княжескіе и дворянскіе роды оставили народъ, пошли къ его врагамъ, сплотились съ ними и составляютъ съ ними фалангу гонителей всего, что русское и уніатское. Они настроили и обогатили множество костеловъ и кляшторовъ, шумѣли, бунтовались! Но Богъ не далъ имъ добра, какъ братоубійцѣ Каину. Ихъ сила падаетъ трижды. На многихъ богатыхъ помѣстьяхъ жирѣютъ вѣмцы и жидовѣ (въ Галиціи), а они служатъ чужимъ, потому что оставили свою вѣру и свой народъ. Гдѣ наше мѣщанство и купечество? Іезуиты и поляки взяли его у насъ и, чтобы Русь убить, весь промыслъ отдали жидамъ, которыми кишатъ въ настоящее время большіе города, гдѣ предъ нашею шествіемъ тѣхъ незваныхъ проповѣдниковъ уніи были свои русскіе мѣщане и купцы, составляли русскія православныя братства, много послужившія для православія, какъ львовское и виленское.

Минуло царство польское, и для уніи не стало опоры въ ея короляхъ и шляхтѣ. Еще до мятежа 1831 года начали лучшіе и свѣтлѣйшіе люди среди самихъ уніатовъ думать о воссоединеніи съ православной церковью и спасеніи народа отъ совершеннаго его окатоличенія и ополиченія. Избраннымъ къ этому великому дѣлу и неутомимымъ дѣятелемъ явился виленскій епископъ Іосифъ Сѣмашко, при которомъ въ 1839 году совершилось воссоединеніе, 50-лѣтній юбилей котораго въ нынѣшнемъ году радостно празднуемъ.

*) Только въ Червонной Руси не праздновали.

III.

Возсоединеніе.

Мы говорили, Малороссія и восточная Бѣлоруссія воспользовались присоединеніемъ къ Россіи и возсоединились съ праотеческой церковью. Въ нихъ были еще живыя преданія объ исповѣдникахъ и мученикахъ за вѣру, и унія существовала тамъ только въ качествѣ необходимаго зла, отъ котораго нельзя было освободиться при Польшѣ. Хуже было въ западной части Малороссіи (Волини), въ западной Бѣлоруссіи и въ Забужьѣ. Тутъ успѣла польско-римская пропаганда пустить глубокіе корни, и нашла, особенно среди болѣе уступчиваго Бѣлорусскаго племени, болѣе удобную почву для своихъ цѣлей. Число уніатскихъ, литовско-русскихъ душъ умалилось до полутора милліона, за то болѣе чѣмъ удвоилось число перехваченныхъ въ латинство. Цѣлыя селенія отказывались отъ уніи, и ополячивались. Такъ пишетъ великій святитель митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, что когда онъ въ 1827 году былъ въ Петербургѣ ассесоромъ римско-католической коллегіи по уніатскимъ дѣламъ, тамъ разбиралось дѣло о переходѣ изъ уніи въ латинство 20,000 душъ и такіе переходы совершались обыкновенно тихо, безъ огласки, только коллегія принимала ихъ къ свѣдѣнію. Знали объ этомъ римскіе папы изъ докладовъ коллегіи, но они не махнули ни разу перомъ въ пользу уніи, чтобы внушить польскимъ ксендзамъ, что такое поголовное приниманіе уніатовъ въ католичество уничтожаетъ всякіе договоры, утвержденные папами въ Римѣ 1595 года, и уничтожаетъ самую унію, которая является не имѣющей никакихъ правъ, никакой защиты, а зависитъ отъ простаго произвола, лжи и обмана. Такія совращенія въ латинство напротивъ приводили папъ и ихъ слугъ въ восторгъ и совратители вознаграждались обильно. Спросимъ еще разъ, какое значеніе имѣли слова римскихъ папъ въ договорѣ съ русскими епископами Поцѣмъ и Терлецкимъ? А слова папы Венедикта XIV, писавшаго въ буллѣ (*Allatae sunt*), что желаніе папъ не то, чтобы всѣ были латинянами, а только то, чтобы всѣ были католиками, оказались ли когда нибудь на дѣлѣ? Нѣтъ, никогда! На дѣлѣ оказалось совершенно противное. Но никто не вступался за уніатовъ. Въ Россіи отъ вѣковъ существовала свобода вѣроисповѣданій; православные стѣснялись вторгаться въ дѣла уніатовъ, какъ людей, чуждыхъ ихъ матери, православной церкви, и нерѣдко считали ихъ хуже чистыхъ католиковъ, почему иные изъ русскихъ

равнодушно смотрѣли на окатоличеніе ихъ. Но пока уніаты еще держали свои обряды, пока хотя одна литургія была у нихъ еще на славянскомъ языкѣ, всетаки была связь ихъ съ православнымъ востокомъ; когда же они оставляли унію, они оказывались уже на другой сторонѣ моста на пути въ Римъ и Варшаву, для чего и выдумана была уніа.

Еще бы прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ, и всѣ эти полтора милліона литовско-русскихъ уніатовъ были бы совершенно окатоличены и ополячены. Но промыслъ Божій къ концу первой четверти нынѣшняго столѣтія послалъ страдающей Своей церкви мужа глубокой вѣры, высокихъ христіанскихъ добродѣтелей, свѣтлаго ума и желѣзнаго, ничѣмъ неустрашимаго характера, который, какъ второй Моисей, видя свой народъ послушнымъ лжи и рабски покоряющимся дикому произволу иноплеменниковъ, возгорѣлъ святою жаждой открыть ему глаза, освободить отъ царства лжи и обмана, и привести на лоно любящей его матери, православной церкви. Этимъ Моисеемъ для литовско-русскихъ уніатовъ былъ выше упомянутый архіепископъ Іосифъ Сѣмашко.

Онъ родился въ Кіевской губерніи, липовецкаго уѣзда, въ деревнѣ Павловкѣ, въ 1798 году, въ самый день Рождества Христова, 25-го Декабря. Его дѣдъ Тимошей Сѣмашко былъ тамъ уніатскимъ священникомъ еще при польскомъ владѣніи и чуть-чуть не попалъ за приверженность къ русскимъ на висѣлицу. Отецъ и мать его были уніатами, жили въ нѣсколькихъ шагахъ отъ православной церкви и хотя сами не посѣщали ее, но молились при ней въ саду; молодой же Іосифъ въ дѣтствѣ посѣщалъ ее въ каждое воскресенье и праздникъ и рассказывалъ родителямъ дома все, что слышалъ, апостолы и евангелія. Родители его были весьма благочестивые и высоконравственные люди, и воспитывали въ благочестіи и строгой нравственности всѣхъ своихъ дѣтей.

Въ Малороссіи была общей чертой народнаго характера ненависть къ угнетателямъ крестьянина полякамъ, которыхъ называли «негидными ляхами». Былъ то плодъ невыносимыхъ гоненій и мученій, которыя долженъ былъ выстрадать народъ, преданный произволу пановъ, на которыхъ крестьянину не было возможности и жаловаться. Это нерасположеніе къ ляхамъ не могло не отразиться и въ благородной душѣ молодаго Іосифа, видѣвшаго вездѣ униженіе и притѣсненіе русскаго народа въ его родной землѣ.

Отецъ Іосифа былъ хозяиномъ на пятидесяти десятинахъ земли и занимался тоже чумачествомъ, т. е. возилъ хлѣбъ въ Крымъ и оттуда соль или съ Дону рыбу, пока въ 1811 г. не былъ рукоположенъ въ

уніатскіе священники. У отца Іосифа, что въ то время бывало рѣдко, была и небольшая бібліотека хорошихъ, особенно историческихъ книгъ, чтеніемъ которыхъ молодой Сѣмашко занимался въ зимнее и вообще свободное отъ другихъ занятій время. Онъ читалъ ихъ очень прилежно, выучилъ римскую и англійскую исторію, прочиталъ всю біблію три раза, и зналъ ее отлично. Какъ малороссъ, онъ любилъ и пѣніе, которое въ Малороссіи неразлучно со всякими семейными торжествами и со всякими домашними и полевыми занятіями. Особенно любилъ онъ церковное пѣніе, въ немъ находилъ высокое духовное наслажденіе.

Онъ въ своихъ запискахъ рассказываетъ о снѣ, который однажды видѣлъ его отецъ. Снилось его отцу, что онъ велъ своего сына (Іосифа) за руку по чистому безграничному полю, къ какому-то уединенному огромному зданію. Передъ ними открыли первую и вторую залы. Съ открытіемъ третьихъ дверей показались предъ ними въ перспективѣ пышныя палаты, одна другой великолѣпнѣе, наполненыя людьми, чѣмъ далѣе, тѣмъ по видимому болѣе знаменитыми. Но въ эти двери и далѣе пустили только его малютку, передъ отцемъ же его двери закрылись. Когда отецъ Іосифа, послѣ окончанія имъ гимназіи, отправлялъ его въ университетъ, то вспомнилъ этотъ, по его мнѣнію, пророческій сонъ. «Помнишь мой сынъ» — сказалъ отецъ, «пустое безграничное поле, это — жизнь, которую ты получилъ отъ меня, двери въ первый залъ, это — домашнее воспитаніе, второй залъ — гимназическое ученіе; — то и другое получилъ ты отъ меня; въ третьи двери мнѣ уже за тобой не слѣдовать, — ступай съ Богомъ, пусть Онъ тебя проведетъ по этимъ пышнымъ палатамъ». И предвѣщанное во снѣ сбылось. Молодой Іосифъ кончивъ гимназію въ Немировѣ, по ходатайству брата его дяди по матери Кирилла Сѣроцинскаго (бывшаго послѣ епископомъ), былъ принятъ въ главную семинарію въ Вильнѣ при университетѣ, въ 1816 году, гдѣ было 34 римско-католическихъ и 16 греко-уніатскихъ воспитанниковъ. Живя въ главной семинаріи среди латинянъ, не могъ онъ не поддаться вліянію товарищей и начальства, пропитанныхъ насквозь польскимъ и католическимъ духомъ. Но случайно попали тамъ въ его руки сочиненія, изданныя въ Австріи подъ вліяніемъ духа царствованія императора Іосифа II, въ которыхъ много писано было противъ злоупотребленій папской власти. И профессоръ Клоневичъ и италіянецъ Капелли смѣло поддерживали въ своихъ преподаваніяхъ авторовъ сихъ книгъ. Такъ случилось, что Іосифъ вышелъ

изъ семинаріи безъ предубѣжденій противъ православной церкви и съ сильными предубѣжденіями противъ римской.

Тогда было такое время, что Вильна и вообще Литва считались уже чисто польскими, и каждый полякъ не хотѣлъ ничего и слышать о какой нибудь русской книгѣ или рѣчи. Поляки въ этомъ отношеніи очень строги и считаютъ всякаго уніата, читающаго русскія книги, просто преступникомъ. Когда Іосифъ былъ еще въ семинаріи, товарищъ его Антоній Зубко (послѣ епископъ) досталъ какъ то номеръ стариннаго журнала *Улей*. Они пересматривали его въ ботаническомъ классѣ до прихода профессора. Какой сдѣлался тогда шумъ среди свѣтской молодежи? «Развѣ такіе намъ нужны священники»!... кричали они, «которые забываютъ мать Польшу... которые сочувствуютъ Россіи»... И они должны были скоро спрятать журналецъ.—Нынче, слава Богу, иначе....

Кончивши университетъ, 22 лѣтній Іосифъ отправился изъ Вильны въ Жидичинь, въ семи верстахъ отъ Луцка, гдѣ жилъ тогда его мѣстный преосвященный Яковъ Мартусевичъ. Онъ рукоположилъ его, не женатаго, немедленно въ иподіакона, а вскорѣ въ діакона, и сдѣлалъ засѣдателемъ Луцкой консисторіи, гдѣ Іосифъ хорошо познакомился съ консисторскими дѣлами, при оффиціалѣ Гачевскомъ; но когда тотъ вскорѣ умеръ, то всѣ консисторскія дѣла долженъ былъ вести І. Сѣмашко. На 23 году жизни былъ онъ, съ разрѣшенія митрополита, (по римскимъ законамъ требуется 24-лѣтній возрастъ), рукоположенъ епископомъ Яковомъ во іерея. Такъ какъ консисторія вела переписку съ гражданскими властями только по русски, то это побудило Іосифа изучить русскій литературный языкъ. Но еще большая польза вышла для І. Сѣмашки отъ того, что онъ познакомился съ нуждами и бѣдственнымъ положеніемъ уніатовъ между православною и латинскою церквами. Православные нападали на нихъ, тѣсня ихъ по разнымъ дѣламъ, часто явно несправедливо; римляне же брали съ нихъ все подъ видомъ дружбы. Это заставляло Іосифа часто призадумываться и извинять больше православныхъ, чѣмъ римлянъ. И самъ преосвященный, человекъ предобрый и достойный во всѣхъ отношеніяхъ, но воспитанникъ іезуитовъ, противъ своей воли вооружалъ его противъ римлянъ, а не противъ православныхъ, потому что преувеличивалъ свои понятія о папствѣ и Римѣ.

1822 г., на 24 году жизни, назначенъ былъ молодой іерей І. Сѣмашко засѣдателемъ коллегіи по римско-католическимъ и уніатскимъ дѣламъ въ Петербургѣ на три года на мѣсто Кирилла

Сѣроцинскаго. Тамъ почувствовалъ онъ еще больше силу римскаго католицизма, потому что видѣлъ многія его злоупотребленія. Особенно сильно подѣйствовало на него дѣло о присоединеніи къ римско-католической церкви 20,000 униатовъ. Соображая такіе печальные факты съ лекціями своихъ виленскихъ профессоровъ Клончевича и Капелли и съ австрійскими іосифовскими изданіями, онъ убѣдился, что борьба съ такою властью, какъ Римъ съ іезуитами, немислима, что Римъ никогда не сдерживаетъ принятыхъ на себя обязанностей, имѣя на все коварныя извиненія, и что напрасно ожидать отъ него справедливости. Въ коллегіи всѣ удивлялись необыкновенно твердому его характеру. Когда тамъ всѣ дѣла рѣшались обыкновенно по предложеніямъ римско-католическихъ засѣдателей, онъ первый имѣлъ смѣлость противорѣчить во всемъ, что не сходно было съ его убѣжденіемъ, обставлялъ свои мнѣнія пространными доказательствами, и побѣждалъ. Это очень огорчало польскихъ прелатовъ, они ненавидѣли его и боялись его непобѣдимаго характера и его способностей въ защитѣ правды.

Пребывая въ Петербургѣ, онъ имѣлъ случай читать разныя богословскія и историческія книги и убѣдился въ истинѣ восточной православной церкви, яко апостольской и католической. Онъ часто посѣщалъ, переодѣтый въ мірское платье, православныя церкви, наслаждался чуднымъ богослуженіемъ и пѣніемъ и сравнивалъ это все съ страшнымъ запустѣніемъ въ униатской церкви. Еще на пути въ Петербургъ въ Псковской губерніи онъ видѣлъ уже по деревнямъ хорошія каменные церкви, жестью покрытыя, съ колокольнями, съ хорошими оградами, и сравнивалъ ихъ съ разваливающимися униатскими церквами, о которыхъ, есть ли онѣ или нѣтъ, никто не заботится, да и разрушеніе ихъ многимъ было желательно. И вотъ родилась у него мысль: зачѣмъ же намъ униатамъ, гонимымъ самими тѣми, которые завели унию, которая стоила столько крови, держаться гонителей пламенно желающихъ нашего уничтоженія? Гдѣ же древняя наша, нѣкогда православная Русь, которая, пребывая въ единеніи со всею апостольскою церковью, отличалась истинно христіанскимъ благочестіемъ? Гдѣ храмы ея, въ которыхъ она спасалась? Они или разрушены въ униі безъ слѣда, и на ихъ мѣстѣ построены великолѣпные костелы, въ которыхъ проклиняется вѣра нашихъ отцевъ, или стоятъ еще, но почти въ развалинахъ, потому что погибло ихъ стадо, или борется еще теперь, спрашивая себя: быть или не быть? и не находитъ человѣка, кто далъ бы ему искрен-

ній совѣтъ. Сравнивая велелѣпіе православнаго богослуженія и чудный смыслъ его обрядности, онъ спрашивалъ себя: что же наша унія и зачѣмъ же намъ распинаться за нее? Уніатская обрядность дошла съ своимъ приближеніемъ къ латинству до нелѣпостей. Устранили царскія врата, а поютъ «двери, двери», когда нѣтъ уже дверей. Переносятъ служебникъ съ одной стороны на другую. Зачѣмъ? Да, потому, чтобы народъ зналъ, что будетъ чтеніе евангелія. Въ латинской мессѣ это допускается потому, что тамъ непонятный латинскій языкъ и только такимъ знакомъ можетъ народъ узнать, что будетъ читаться евангеліе, а у насъ священникъ или діаконъ возглашаетъ громко: *услышимъ* святаго евангелія тако-го-то евангелиста. Но уніаты переносятъ служебникъ потому, чтобы *рабски подрожать латинскому ксендзу*. Что значитъ читанная шопотомъ обѣдня? Для кого она? Самое же возмутительное, это уніатскіе праздники, такъ называемые «отпусты», на которые съѣзжается много священниковъ «съ мшами». Тогда одному или тремъ соборнѣ назначается пѣть обѣдню (спѣвати сумму), а прочіе читаютъ «мши» при алтарикахъ, часто и такихъ, на которыхъ и антиминсовъ нѣтъ, и уніатъ этого и не спрашиваетъ (антиминсъ, если есть, находится прикрытъ скатертями или платками и трудно и добраться до него, развѣ раскрыть весь алтарикъ); такъ часто служитъ уніатъ и *безъ антиминса*, гдѣ нибудь, гдѣ только передъ иконой есть мѣстечко и есть служебникъ, который по примѣру латинскаго «missale» долженъ быть большаго формата. Тогда въ такіе праздники въ церкви невыразимый хаосъ. Одновременно служатъ четыре или больше обѣднѣ. При великомъ алтарѣ служатъ сумму, и дьячки поютъ, каждый стараясь перекричать другаго, при малыхъ алтарикахъ читаютъ, здѣсь «премудрость прости» и читается евангеліе, тутъ: «со страхомъ Божиимъ», и колокольники заглушаютъ слова евангелія, а третій благословляетъ народъ: «Благословеніе Господне на васъ» и пр. Никто не разберетъ, что это такое: богослуженіе ли это, или насмѣшка надъ богослуженіемъ? Отъ того и неудивительно, что православный, видя такой хаосъ, такое служеніе, неимѣющее никакого смысла, не можетъ терпѣть унии и уніатовъ за ихъ безуміе, что они могли принять такую безтолковщину отъ Рима, и неудивительно, что православные говорятъ уніатамъ: вы считаете уже папу богомъ, не хотите отлучиться отъ него, пусть такъ; но, ради Бога, оставьте уже и православную обрядность, не дѣлайте изъ нея предмета поруганія и насмѣшекъ! Неудивительно, что и самъ народъ, видя такіа

безобразія, думаетъ, что это все не такъ должно быть, и недоумѣваетъ, что дѣлать съ собой, куда обратиться? Отречься папы? Но за это, учать его іезуиты, *неизбѣжно попадешь въ адъ*, такъ лучше уже отречься отъ уніатскаго обряда, и отрицается. Какой же выходъ изъ такой уніи? Да другаго выхода нѣтъ, говорилъ о. Іосифу голосъ совѣсти, какъ *возвратиться къ источнику вѣры*, къ православной католической церкви, къ краеугольному ея камню и главѣ—Христу.

Такія мысли приходили Іосифу Сѣмашкѣ, когда онъ засѣдалъ въ римско-католической коллегіи, которая съ уніатами обращалась совершенно безцеремонно. Его душа болѣла за свою церковь, за свой народъ, преданный въ рабство чужимъ пришельцамъ; но онъ поставленъ уніатскимъ священникомъ, онъ долженъ былъ при рукоположеніи читать присягу на вѣрность римскому престолу, составленную папою Урбаномъ VIII, тѣмъ самымъ, который поощрялъ короля польскаго обратиться къ огню и мечу, чтобы истреблять православныхъ. Страшно ему было выступить съ этими мыслями предъ своими единовѣрцами и земляками, которые тогда въ темнотѣ своей не поняли бы его, возмутились бы, возбуждаемые поляками и самими *уніатами*, воспитанниками іезуитовъ. Чтобы такое святое дѣло ввести въ жизнь, нужна была большая осторожность, и зналъ это Іосифъ Сѣмашко превосходно. Потому хранилъ онъ тѣ мысли въ своемъ сердцѣ, объявляя ихъ только близкимъ друзьямъ своимъ. Но Господь послалъ ему случай, которымъ онъ воспользовался, чтобы довести до свѣдѣнія государственныхъ властей истинное положеніе уніатской церкви, положеніе совершенно безвыходное, грозившее общимъ совращеніемъ оставшагося еще при ней народа въ латинство, и потерю его для Руси, такъ какъ уніаты, принявшіе уже разъ латинство, дѣлались тѣмъ самымъ и поляками, т. е. врагами Россіи. Вступившій тогда не давно на всероссійскій престолъ незабвенный Императоръ Николай Павловичъ глубокимъ своимъ умомъ и зоркимъ глазомъ вникнулъ въ суть уніатства, и душевно жалѣлъ, что пропадаетъ въ немъ русскій народъ, предки котораго такъ крѣпко защищали отъ вражійхъ нашествій свою прародительскую церковь. Зоркій глазъ его усмотрѣлъ корень зла въ томъ, что въ уніатское монашество вступали по хорошо обдуманному плану коварныхъ іезуитовъ, съ разрѣшенія папъ, люди римскаго вѣроисповѣданія дворянскихъ польскихъ родовъ, разумѣется, не съ намѣреніемъ утверждать унію и беречь въ ней папами утвержденныя права восточной обрядности, а, напротивъ, съ намѣреніемъ извратить

уніатство такъ, чтобы народъ самъ бросалъ унію и поголовно переходилъ въ латинство и увеличивалъ въ русскихъ земляхъ число костеловъ и латинскихъ душъ во славу папъ и Польши.

Императоръ Николай Павловичъ проникъ это все своимъ глубокимъ умомъ, и Высочайшимъ указомъ отъ 9 октября 1827 года воспретилъ принимать римлянъ въ уніатское монашество, и велѣлъ учредить училища и семинаріи для уніатскаго духовнаго юношества, чего прежде уніаты не могли добиться потому, что іезуиты старались нарочно удерживать уніатское духовенство въ крайнемъ невѣжествѣ, чтобы оно ничего не знало о прошломъ православной церкви, о ея догматахъ, соборахъ и пр., а было только слѣпыми исполнителями ихъ воли. Іезуиты старались о томъ, чтобы польскіе и ополченные паны именно на самыя вліятельныя мѣста, напр. по городамъ, давали епископамъ рукополагать своихъ обыкновенно плохой нравственности лакеевъ, поваровъ, конюховъ и пр., которые обирали народъ и безобразною жизнью были позоромъ уніатскаго духовенства, и тѣмъ содѣйствовали переходу уніатовъ въ латинство. Разумѣется, польскіе «шляхтичи», сдѣлавшись монахами, а послѣ епископами, были одного духа съ панами и никогда не старались просвѣщать духовенство, наоборотъ старались держать его въ темнотѣ, рабствѣ и зависимости.

Душевно возрадовался о. Іосифъ изданію такого указа и душа его желала раздѣлить съ кѣмъ либо такую радость. Къ этому самъ собою представился случай. Того же 1827 года въ ноябрѣ мѣсяцѣ пришелъ о. Іосифъ, по порученію епископа Сѣроцинскаго, по частному его дѣлу, къ директору департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ вѣроисповѣданій Григорію Ивановичу Карташевскому. Послѣ частнаго дѣла, Григорій Ивановичъ, которому молодой о. Іосифъ очень понравился, вступилъ съ нимъ въ разговоръ по дѣламъ уніатской церкви. Сначала не смѣло, но послѣ смѣлѣе высказалъ о. Іосифъ ему все, что давило его сердце. Карташевскій пожелалъ, чтобы о. Іосифъ составилъ о сказанномъ ему записку. Возвратившись домой, онъ сѣлъ и въ одну ночь составилъ пространную записку, начиная ее благодареніемъ за Высочайшій указъ объ устраненіи польской шляхты отъ уніатскаго монашества и при томъ изложилъ всю исторію уніи и всѣ коварные поступки Рима и іезуитовъ, которыми они просто уничтожаютъ уніатскую церковь, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ и средства, какими можно бы освободить уніатское населеніе отъ вліянія его враговъ.

Директоръ департамента Карташевскій, получивъ эту знаменитую записку, представилъ ее министру Шишкову, а тотъ Государю Николаю Павловичу. Какой восторгъ вызвало въ Иосифъ сообщеніе Карташевскаго, что Государь на его записку изволилъ обратить вниманіе и написать карандашемъ свое о томъ мнѣніе, изъ котораго остались въ памяти о. Иосифа слѣдующія драгоцѣнныя слова: «*Я съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ записку, представленную мнѣ вами.... я радъ, что мы имѣемъ такое орудіе.... объявите ему все это, и мое удовольствіе.....*» Объ этихъ словахъ пишетъ о. Иосифъ, что они доставили ему гораздо больше удовольствія, чѣмъ всѣ послѣ полученныя награды. Но еще большее было утѣшеніе о. Иосифу, когда онъ два года спустя съ митрополитомъ Булгакомъ и епископомъ Мартусевичемъ представлялся Государю въ царскомъ кабинетѣ, и былъ удивленъ самымъ пріятнымъ образомъ, когда Государь Императоръ, излагая имъ положеніе униатской церкви, почти слово въ слово повторялъ цѣлыя мѣста изъ его записки. И дѣйствительно покойный Государь принималъ къ сердцу дѣло униатовъ и занимался имъ, какъ отецъ своего русскаго народа, безъ вины, а теченіемъ несчастной исторіи, совращеннаго въ униатство. Имѣя въ самомъ Государѣ крѣпкую опору для своихъ святыхъ намѣреній, о. Иосифъ сдѣлалъ задачей своей жизни воссоединеніе заблуждшихъ братьевъ и считалъ себя орудіемъ Божиимъ, избраннымъ на такой великій подвигъ еще изъ дѣтства.

Но не смотря на то, что Государь Императоръ Николай Павловичъ такъ сочувственно относился къ этому дѣлу, очень важному для церкви и государства, осуществленіе его было чрезвычайно трудно. Слишкомъ глубоко вкоренилось зло и разрослось подъ краткимъ правленіемъ Александра I, при которомъ подъ вліяніемъ князя Чарторійскаго поляки успѣли хорошо обдѣлать всѣ свои дѣла и укрѣпились особенно въ Литвѣ, которая переполнена была учениками іезуитовъ; не лучше было и въ Луцкой епархіи. Достаточно упомянуть о фактѣ, что въ 1807—1808 годахъ совратилось 50,000 униатовъ въ латинство, переходя въ него *цѣлыми громадными приходами*. Видя такой вредъ для государства, такое усиленіе польской народности на русскои землѣ, правительство старалось прекратить такіе переходы, но это было не легкое дѣло, такъ какъ польская шляхта, научаемая іезуитами, дѣлала все, чтобы поставить униатскую церковь просто въ безвыходное положеніе. Во главѣ же униатской церкви стояли, послѣ давно уже тогда почившаго митрополита Ираклія Лисовскаго и его преемника на Плоцкой кафедрѣ, епи-

скопа Іоанна Красовскаго, подведеннаго теперь уніатскими монахами и латинянами подъ судъ; архіереи слабыхъ характеровъ или польско-католическіе фанатики.

Въ такомъ положеніи засталъ Іосифъ Сѣмашко уніатскую церковь въ началѣ своей многополезной дѣятельности. Скоро оказались послѣдствія упомянутой его записки, которую читалъ Государь. Не только нельзя было уже принимать въ римское католичество уніатовъ и въ уніатскіе монастыри римскихъ католиковъ, но послѣдовали и другія важныя мѣры въ пользу уніатской церкви, которыя сильно встревожили іезуитовъ и поляковъ. Тщетными оказались ихъ надежды окончательно завладѣть уніатской церковью.

Не помогли имъ и остававшіеся въ уніи епископы, вышедшіе изъ ихъ среды, для которыхъ переходъ уніатовъ въ латинство не только не представлялся зломъ, напротивъ, желателенъ былъ ихъ польскому сердцу, потому они и не противились такимъ громаднымъ совращеніямъ русскихъ душъ въ латинство. Такимъ архіереемъ былъ тогдашній митрополитъ Іосафатъ Булгакъ, католикъ польской дворянской фамиліи, а другіе хотя и были сыновьями священниковъ, но, по своему воспитанію, близки были къ полякамъ. Государь Николай Павловичъ, какъ мы видѣли, положилъ преграду окатоличенію и ополяченію запрещеніемъ принимать католиковъ-поляковъ въ уніатскіе монастыри. Этотъ указъ былъ началомъ дальнѣйшаго движенія уніатскаго дѣла, и сильно опечалилъ Польшу и Римъ, тѣмъ болѣе, что послѣдствіемъ записки о Іосифа было то, что уніаты, совращенные въ латинство, должны были возвращаться въ унію. Хотя въ дѣйствительности только не большая часть ихъ возвратилась, но все таки ободрено было уніатское духовенство къ борьбѣ съ латинянами, а латинскіе ксендзы, видя, что Государь защищаетъ уніатовъ, не поднимали уже такъ смѣло своихъ рукъ на похищеніе уніатскихъ душъ. О. Іосифъ Сѣмашко, хотя былъ тогда только протоіереемъ, но не ослабѣвалъ въ усердіи спасать уніатское стадо и часто боролся не только съ врагами его, но и съ податливостью добраго русскаго правительства, доказывая вредъ, происходящій отъ такой податливости.

Удивительная была дѣятельность протоіерея І. Сѣмашки, можно сказать даже невѣроятная, превосходящая повидимому человѣческія силы. Онъ пишетъ самъ о себѣ, что во время двухъ лѣтъ 1828 и 1829 такъ исхудалъ при постоянномъ трудѣ, что высматривалъ до того больнымъ, что всѣ видѣвшіе его, когда онъ произведенъ

былъ въ епископы, говорили: «напрасно его посвящаютъ, ему жить не долго». Но въ продолженіи тѣхъ двухъ лѣтъ вышло изъ подъ его пера и его неутомимыми заботами 20 распоряженій очень полезныхъ для несчастной, прежде всѣми гонимой, уніатской церкви.

Заботами его исполненіе всѣхъ такихъ распоряженій шло быстро, старый митрополитъ Булгакъ не могъ противудѣйствовать, душою возрожденія уніи къ православію въ Петербургѣ былъ одинъ протоіерей Іосифъ. Епископъ Мартусевичъ хитро маневрировалъ, но не успѣвалъ въ противодѣйствіи. Бѣлое духовенство ободрилось и загорѣло ревностью, базилиане враждовали, но безъ успѣха, нѣкоторые переходили въ латинство.

Между бумагами переведеннаго въ Петербургъ митрополичьяго архива найдена подлинная булла папы Климента VIII о принятіи подъ свою власть уніатовъ. Какія тамъ были въ ней обѣщанія, а какая ужасная была дѣйствительность! Отъ уніи остались только развалины, ее поглотило ненасытимое папство. Булла вручена была министромъ Блудовымъ Государю.

Въ Римѣ находилась церковь св. Сергія и Вакха на глазахъ же римскихъ папъ, гдѣ пребывалъ прокураторъ т. е. повѣренный базилианъ съ нѣсколькими монахами. По случаю смерти прокуратора долженъ былъ быть избранъ ему преемникъ, но протоіерей Сѣмашко не допустилъ этого вреднаго для уніатовъ замѣщенія.

Онъ перевелъ сочиненіе митрополита Московскаго Филарета «*Разговоры между испытующимъ и усърднымъ о Православіи греко-россійскія восточныя церкви*», которое произвело самое лучшее впечатлѣніе на уніатское духовенство и народъ. Но книжка та издана была не подъ его именемъ, чтобы не вызвала вражды, потому что протоіерей Сѣмашко все таки еще считался уніатомъ.

Въ Августѣ 1827 года умеръ архіепископъ Красовскій, а митрополитъ Булгакъ былъ уже 70 лѣтъ. Прочіе епископы были тоже старые, слабаго здоровья и мало способны. Въ 1829 г. назначилъ Государь Императоръ протоіерея Іосифа Сѣмашку викарнымъ епископомъ и предсѣдателемъ консисторіи гр. уніатской бѣлорусской епархіи съ наименованіемъ епископомъ Мстиславскимъ и съ правомъ присутствованія въ коллегіи въ Петербургѣ. Посвященіе послѣдовало 8-го Августа того же года митрополитомъ Булгакомъ, епископомъ Мартусевичемъ и катол. епископомъ Гедройцемъ въ римско-католической церкви св. Екатерины. Это было для посвящаемаго ужасно тягостно, за то онъ принесъ присягу вѣрности папѣ съ пропускомъ *нecessariumъ съ его совѣстью* мѣсть. Послѣ по-

священія онъ представился съ посвятившими его Государю, который пожаловалъ ему облаченіе по формѣ православныхъ и митру такую же, какъ для митрополита. Іосифъ завѣщалъ положить его въ томъ облаченіи въ гробъ, что и исполнено. Ему пожаловалъ Государь, смотря на большія его заслуги, и нѣсколько высокихъ орденовъ. Но не ради наградъ, которыя онъ принималъ съ благодарностью, а по совѣсти своей онъ продолжалъ свой полезный трудъ вмѣстѣ съ неусыпающею дѣятельностью, не отступая ни передъ какимъ препятствіемъ какъ со стороны враговъ, такъ и со стороны своихъ русскихъ, не понимавшихъ всей важности его спасительныхъ мѣропріятій и трудовъ.

Въ 1833 г. апрѣля 2 дня онъ назначенъ былъ Государемъ Императоромъ литовскимъ епископомъ. Тогда желалъ онъ присоединиться къ православной церкви, писалъ просьбу объ этомъ въ Святѣйшій Синодъ, но по важнымъ причинамъ желаніе его не сбылось. За то получилъ онъ увѣреніе отъ министра Блудова, что есть полная надежда на лучшее устройство уніатскаго дѣла.

Вскорѣ онъ отправился по Высочайшему повелѣнію въ Бѣлоруссію для осмотра Литовской епархіи, семинарій и училищъ Литовской и Полоцкой епархій. Осмотръ продолжался съ іюня мѣсяца по октябрь и произвелъ на духовенство и народъ самое плодотворное дѣйствіе.

Епископъ Іосифъ желалъ обезпечить хотя медленное, но вѣрное обращеніе уніатовъ въ православіе и задумалъ поставить уніатское дѣло и коллегію подъ власть Святѣйшаго Синода, но это тогда не нашло надлежащей поддержки. Рѣшено было вмѣсто того обновить высшую уніатскую іерархію, — назначены были, по указанію Іосифа, три епископа, именно: Василій Лужинскій бѣлорусскимъ, а Антоній Зубко и Жарскій литовскими викарными епископами. Посвященіе ихъ совершилось въ 1834 г.; посвящали же ихъ въ Петербургѣ престарѣлый митрополитъ Булгакъ, еп. Іосифъ Сѣмашко и латинскій епископъ Павловскій.

Тогда же всѣ уніатскіе епископы составили соборъ и на немъ, по предложенію Іосифа, принята была очень важная мѣра для возстановленія греко-восточной обрядности. Для этого прежде всего нужно было издать новый кругъ церковныхъ книгъ. Но такъ какъ это требовало большихъ средствъ и много времени, то Іосифъ предложилъ принять въ руководство на первый разъ служебникъ, книгу молебныхъ пѣній и, гдѣ можно, приобрѣсть евангеліе московской печати. Въ то же время онъ испросилъ по 5000 руб.

пособія на каждую епархію для постройки иконостасовъ въ бѣднѣйшихъ приходехъ и вообще предложилъ заняться повсемѣстнымъ ихъ введеніемъ. Святѣйшій Синодъ назначилъ для уніатскихъ церквей 1500 служебниковъ и другихъ книгъ.

Въ томъ же 1834 г. объѣхалъ еп. Іосифъ опять уніатскія епархіи и увидѣлъ, что все идетъ къ лучшему. Духовенство начало уже дѣйствовать въ хорошемъ направленіи, оживилась любовь къ православнои обрядности, многіе служили уже усердно по новымъ московскимъ литургиконамъ и другимъ книгамъ, прежде строго запрещеннымъ и огню предаваемымъ, оживилась и борьба съ латинствомъ. Все это доставило ему не мало радости, но не мало было и противодѣйствія со стороны латинянъ. Были недоразумѣнія и со стороны православныхъ. Многіе предпочитали частное обращеніе общему присоединенію. Возсоединеніе замедлялось и затруднялось.

Такое положеніе уніатской церкви было для епископа Іосифа очень тяжелымъ. Затрудненія на каждомъ шагу утомили его бодрый духъ до того, что онъ рѣшился самъ присоединиться къ православнои церкви, а все прочее оставить Божьему промыслу. Онъ написалъ прошеніе въ Святѣйшій Синодъ о присоединеніи его. Въ то время Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода былъ графъ Протасовъ. Онъ потребовалъ именемъ Государя изложенія причинъ рѣшимости епископа Іосифа отойти отъ дѣла, которыя онъ изложилъ въ запискѣ. Записка имѣла полный успѣхъ. Дѣла уніатской церкви вслѣдствіе Высочайшаго указа перешли въ вѣдѣніе Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода и съ началомъ 1837 года эта важная мѣра совершилась.

Такъ приближалось дѣло къ развязкѣ.

Но самое трудное дѣло было въ недостаткѣ хорошихъ священниковъ. Въ прежнее время большинство ихъ были люди необразованные; не мало было и дурныхъ.

Для устраненія послѣднихъ священниковъ отъ дѣлъ, епископъ сократилъ маленькіе приходы, священники которыхъ причислены были за штатъ, за то большіе приходы замѣщаемы были хорошими духовными. Изъ 800 приходовъ закрыто было больше 130. Такимъ же способомъ упразднялъ онъ и меньшіе монастыри и принималъ въ большіе монаховъ изъ южно-русскихъ губерній, у которыхъ была и лучшая дисциплина и русскій православный духъ, не такъ, какъ въ Литвѣ, гдѣ монастыри издавна кишѣли монахами изъ латинянъ. Южно-русскіе монахи принесли боль-

шую пользу и тѣмъ, что отлично понимали православную обрядность и были способны обучать ей другихъ.

Какъ глубоко пала восточная обрядность въ униі, видно изъ того, что въ числѣ 800 церквей литовской епархіи было только 80 съ иконостасами, значить $\frac{1}{10}$. Это все нужно было устроить до воссоединенія. Дѣло пошло не безъ затрудненій, но пошло, и постепенно всѣ церкви снабжены были иконостасами. Тогдашнее униатское духовенство почти не знало восточной обрядности; до того было все искажено латинствомъ. Когда разосланы были московскіе служебники, многіе священники отказывались служить по нимъ, по большей части потому, что имъ еще нужно было учиться и вводить что-то новое. Преосвященный Іосифъ при осмотрѣ епархіи поучалъ самъ священниковъ и поощрялъ къ изученію истиннаго восточнаго Богослуженія. Задача та была не легкая, такъ какъ епископъ убѣдился, что нѣкоторые униатскіе священники плохо читаютъ славянскую грамоту, а о правильномъ произношеніи словъ нечего и говорить.

Но все побѣдила энергія святителя, и московскіе служебники пошли въ ходъ повсемѣстно.

Удивлялись враги православія, какъ преобразовалось духовенство изъ крайне фанатическихъ, крайне невѣжественныхъ по части обрядности униатовъ въ такихъ, которые начинали уже понимать, гдѣ истина, гдѣ ложь, гдѣ порядокъ, гдѣ нестроеніе, гдѣ свѣтъ, гдѣ тьма. Епископъ Іосифъ умѣлымъ своимъ обращеніемъ съ такими людьми и желѣзною справедливостью во всѣхъ своихъ словахъ и дѣлахъ вызывалъ любовь и высокое уваженіе—въ однихъ, у другихъ страхъ. Онъ не любилъ несправедливыхъ доносовъ, но каждый могъ къ нему обращаться, какъ къ отцу. Строгій къ неисполняющимъ своихъ должностей, онъ былъ кротокъ и доброжелателенъ ко всѣмъ своимъ подчиненнымъ, требующимъ у него совѣта или поддержки. Обладалъ онъ необычайнымъ мужествомъ въ самыя трудныя минуты своей жизни. Самъ онъ взялъ на себя все бремя ненависти могущественныхъ тогда поляковъ и не уступалъ ни на шагъ, не входилъ съ ними ни въ какія сдѣлки. Всѣ удивлялись его смѣлости, съ которой онъ развѣзжалъ по епархіи, когда нельзя было положиться и на иныхъ священниковъ, такъ какъ они проникнуты были польскою враждой; но онъ вездѣ являлся неустрашимымъ и безъ всякихъ предосторожностей. Разсѣвались по Вильнѣ слухи, что всѣхъ православныхъ поляки перерѣжутъ во время ихъ праздниковъ, но онъ не обращалъ на

нихъ даже вниманія. Другой разъ угрожали взорвать на воздухъ кафедральный соборъ при посвященіи его. Всѣ, даже жандармскій генераль, со страхомъ шли въ соборъ; но епископъ Сѣмашко спокойно совершилъ богослуженіе, какъ будто ничего не было. Такъ глубоко онъ вѣрилъ въ Божій Промыслъ, что безъ Его воли ничего ему неприятнаго сдѣлаться не можетъ, такъ какъ считалъ себя орудіемъ въ рукахъ Божіаго Промысла для совершенія начатаго святаго дѣла. Иногда и темный народъ съ духовенствомъ роптали и возставали на него, наприм. при устраненіи органовъ изъ церквей, но не смотря на всякіе препятствія дѣло кончилось тѣмъ, что въ 1836 г. не было уже въ цѣлой епархіи ни одного органа. Въмѣсто того заведено въ Жировицахъ при семинаріи училище для образованія дьячковъ; въ семинаріяхъ тоже усилено обученіе церковному пѣнію. Онъ давалъ новопосвященнымъ священникамъ грамоты не на польскомъ или латинскомъ языкахъ, какъ прежде было, а на церковно-славянскомъ, и принималъ отъ нихъ присягу не на вѣрность папѣ, а на вѣрность Государю. Все дѣлопроизводство въ консисторіи онъ устроилъ на русскомъ языкѣ, а въ 1836 году приказано было вести на русскомъ языкѣ и метрическія книги.

Сколько при всемъ этомъ было заботъ, какую массу дѣлъ приходилось писать, какимъ бдительнымъ духомъ надобно было владѣть, чтобы посѣянное доброе сѣмя не попало на камень или въ терніе, а прозябло и росло, о томъ свидѣлствуютъ записки покойнаго великаго Литовскаго святителя со всѣми приложеніями, возбуждающими въ читающихъ ихъ не малое удивленіе.

Дѣло униатской церкви укрѣплялось и возрастало. Старые священники обучались служить по московскому служебнику, молодые, вышедшіе изъ семинаріи, являлись уже хорошими дѣятелями въ вертоградѣ Господнемъ, церкви снабжались книгами, облаченіями, перестраивались и строились новыя уже по образцу восточному, словомъ, все было подготовлено, все дожидалось рѣшительнаго слова, къ произнесенію котораго близилось время.

Въ 1838 г. умеръ въ Петербургѣ митрополитъ Булгакъ на 80 году жизни. Тѣло его похоронено недалеко отъ Петербурга въ Сергіевской пустыни, а не на католическомъ кладбищѣ. Погребеніе совершалъ преосв. Лужинскій, бывшій тогда въ Петербургѣ. Скоро скончался и Юсафатъ Жарскій, викарный Бѣлорусскій епископъ, который пропитанъ былъ польщиной и латинствомъ, и

послѣ смерти котораго найдена была на столѣ бумага, что онъ не причастенъ всѣмъ дѣйствіямъ по уніатской церкви.

Такъ устранило само время два бывшихъ препятствія къ воссоединенію. Остались надежные дѣятели Антоній Зубко и Василій Лужинскій, преданные епископу Іосифу и дѣлу православія.

Латиняне предчувствовали приближающуюся для нихъ катастрофу. Всѣми силами лихорадочно они совращали уніатовъ, гдѣ и какъ могли, и устраивали миссіи, ловя рыбу въ мутной водѣ. Папы не жалѣли денегъ на постройку часовень и церквей, чтобы только обратить сердца народа къ себѣ. Имъ помогали отпущенные изъ монастырей базилиане польскаго происхожденія, которые дозволяли себѣ разныя дерзости, и не щадили лжи. Такъ управляющій Виленской епархіей Микуцкій пустилъ письменную публикацію, что Государь повелѣлъ уніатамъ, принявшимъ латинство, въ немъ оставаться. Противъ всего этого нужно было предпринимать дѣйствительныя мѣры, и на святителя Іосифа свалилось огромное бремя труда и заботъ, подрывавшее его физическія силы, и хотя въ Петербургѣ была поддержка благимъ намѣреніямъ святителя, но успѣвали и враги пробираться туда съ жалобами на притѣсненіе совѣсти уніатовъ и съ выраженіемъ по этому поводу опасеній. Преосвященный Іосифъ не замедлил пояснить все дѣло. Правительство наконецъ рѣшилось кончить дѣло уніи для пользы церкви, имперіи и уніатскаго народа.

Насталъ 1839 годъ, приснопамятный, вѣнчавшій всѣ труды великаго святителя желаннымъ успѣхомъ. 12 Февраля, въ недѣлю православія, подписанъ въ Полоцкѣ актъ воссоединенія уніатовъ съ православною церковью, вмѣстѣ съ двумя просьбами на имя Государя Императора. Вотъ что писалъ тогда епископъ Іосифъ, отъ 26 Февраля, Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода Графу Протасову:

«Слава во вышнихъ Богу! Благое дѣло довершается. Въ 12 день настоящаго Февраля мѣсяца, въ недѣлю православія, подписанъ окончательно всѣми Греко-Уніатскими епископами и начальствующимъ духовенствомъ соборный актъ о восприсоединеніи Уніатовъ къ Православной Греко-Восточной Каѳолической Церкви. Въ сей день служилъ я торжественно въ Полоцкомъ Софійскомъ каѳедральномъ соборѣ и причастилъ лично какъ наставниковъ и воспитанниковъ семинаріи, такъ и довольно значительное число прихожанъ. Во время служенія, вмѣсто папы, поминалъ я: всѣхъ Православныхъ патріарховъ, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ.

Послѣ литургіи, отслуженъ мною, вмѣстѣ съ Преосвященными Василиемъ и Антоніемъ, благодарственный молебенъ о здравіи и благоденствіи Государя Императора и всей Августѣйшей Фамиліи (Записки Іосифа Митрополита Литовскаго т. I стр. 117).

Государь повелѣлъ Святѣйшему Синоду положить сообразное съ правилами св. Православной Церкви постановленіе. Постановленіе сдѣлано Святѣйшимъ Синодомъ въ 23 день Марта, а въ 25 день въ праздникъ Благовѣщенія Господня, послѣдовало Высочайшее онаго утвержденіе словами: «*Благодарю Бога и принимаю*». 30 Марта преосвященный Іосифъ возведенъ былъ въ санъ архіепископа, Святѣйшимъ Синодомъ вручена ему была особая синодальная грамота возсоединнымъ епископамъ съ паствою, дано братское лобзаніе всѣхъ синодальныхъ членовъ, и совершено въ синодальной церкви благодарственное молебствіе, тамъ же принесена Высокопреосвященнымъ и архіепископская присяга.

Въ вѣчную память возсоединенія униатовъ выбита была особая медаль. На одной сторонѣ ея ликъ Спасителя на убрусѣ съ надписью сверху: «Такова имама первосвященника» Евр. VIII, 1., а внизу: отторженные насиліемъ (1595), возсоединены любовію (1839); на обратной сторонѣ: восьмиконечный крестъ въ лучахъ съ надписью сверху: «Торжество Православія» и внизу: «25 Марта 1839».

Вотъ и прошло съ тѣхъ поръ 50 лѣтъ. По милости Божіей православіе утвердилось, и многіе не по своей винѣ заблудшіе обратились на путь истины.

Высокопреосвященный Іосифъ, совершивъ такое великое дѣло, стоившее ему такихъ неимоверныхъ трудовъ и заботъ, просился на покой. Ему не нужно уже было больше заслугъ, чѣмъ положенныя имъ во славу Божію и православія, онъ желалъ видѣть на своемъ мѣстѣ младшія, свѣжія еще силы, чтобы продолжать начатое имъ зданіе, самъ же онъ мечталъ о домикѣ съ садикомъ, гдѣ бы онъ беззаботно могъ заниматься любимымъ своимъ занятіемъ во время отдыха, своими книгами и святыми молитвами; но не пришлось ему отдохнуть. Дѣло совершенное было еще слишкомъ свѣжее, враги не дремали, а усугубили свою дѣятельность. Много еще нужно было положить трудовъ, и только постепенно успокоились возбужденные умы и многіе изъ заблудшихъ возвратились съ раскаяніемъ.

Желаніе архіепископа жить на старости лѣтъ сельскою жизнью исполнилось отчасти только въ 1846 г. Ему отведенъ былъ бывший,

62 года уже закрытый, латинскій монастырь тринитаріевъ съ прилежащими угодіями, занятыми казною. На постройку его назначено было двадцать четыре тысячи рублей, и Владыка великолѣпно все отстроилъ и украсилъ, и засадилъ садъ, въ которомъ было двѣ тысячи однихъ плодовыхъ деревьевъ. Наслаждаясь природой, онъ не забывалъ о своей паствѣ и устроилъ все такъ, чтобы православіе было обезпечено отъ волковъ въ овчихъ кожахъ и отъ всякаго вѣтра лжеученія.

Празднуя пятидесятилѣтіе воссоединенія литовско-русскаго народа съ праотеческою его церковью, нельзя не прославлять памяти сего великаго святителя, тѣло котораго почиваетъ въ Вильнѣ въ Св. Духовскомъ монастырѣ при мощахъ свв. виленскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія.

Молимся Богу, просвѣтившему насъ свѣтомъ истинной апостольской православной вѣры, чтобы открылъ этотъ свѣтъ и тѣмъ нашимъ братьямъ, которые пребываютъ еще въ рабствѣ лжеученія и упорствуютъ въ немъ, слушаясь незваныхъ пропагандистовъ, какъ это дѣется въ нѣкоторыхъ еще приходсахъ Подлясья, и далъ бы крѣпость духа тѣмъ нашимъ братьямъ, которые живутъ за предѣлами нашей Имперіи униатами по неволѣ и пламенно желаютъ увидѣть день воссоединенія, подобный дню 25 Марта 1839 года въ предѣлахъ русскаго края на ея окраинахъ.

Слава во вышнихъ Богу! Этими словами началъ великій святитель Іосифъ Сѣмашко свой докладъ о совершившемся уже при готовленіи литовско-русскаго края къ воссоединенію униатовъ съ восточно-православной церковью. Эти святые слова вырываются изъ глубины сердца каждаго благочестиваго русскаго человѣка по случаю настоящаго праздника.

Вы, не многіе старые люди, бывшіе до 1839 года еще униатами, опутанными лестью латинской пропаганды, и вы дѣти и внуки воссоединившихся тогда вашихъ покойныхъ уже большею частію отцевъ и матерей, восхвалите во вышнихъ Бога, и возблагодарите Его отъ всего сердца вашего, что послалъ вамъ святителя Іосифа, мужа свѣтлаго и праведнаго, снялъ съ васъ наложенное на вашу землю иго латинскаго рабства, подъ которымъ стонала ваша церковь, ограбленная и опозоренная, приведенная къ крайнему униженію и нищетѣ, служившая безсознательно только средствомъ для возвеличенія и укрѣпленія зашедшихъ на нашу родину иноплеменниковъ, стремившихся къ совершенному уничтоженію нашей русскаго церкви.

И вы, отцы которых прельщенные врагами истины въ темнотѣ своей не знали, что дѣлають, которые, отрицаясь родной своей матери, пошли въ службу чужой, гордой госпожи, прочтите все это, что здѣсь написано, и раздумайте: лучше ли быть вамъ врагами прародительской вашей церкви, или вѣрными ея дѣтьми? Лучше ли вамъ служить рабами чужихъ, чѣмъ быть хозяевами въ своемъ собственномъ домѣ? Лучше ли вамъ слушаться всякаго вѣтра лжеученія нахальныхъ лжеучителей, стремящихся къ пагубнымъ для васъ политическимъ цѣлямъ, или быть членами той самой святой апостольской церкви, въ которую крестились ваши предки 900 лѣтъ тому назадъ при равноапостольномъ князѣ Владимірѣ, и исповѣдывать вѣру, которую исповѣдуетъ русскій Царь, вмѣстѣ съ 80 милліонами русскихъ людей? Подумайте, не пора ли вамъ, теперь свободнымъ отъ стараго ига барщины, сбросить и духовное иго чужой вѣры и возвратиться къ своимъ братьямъ, отъ которыхъ отстали ваши предки, прельщенные или измученные гоненіями? Возвращаясь къ вѣрѣ вашихъ отцовъ, за которую они страдали и даже кровь проливали, вы исполнили бы тѣмъ долгъ къ ихъ священной памяти и души ихъ возрадовалисьбы, видя васъ, плоть и кровь ихъ, соединенными съ ними вѣрою и любовью. Пойдите на ихъ могилы, на кладбища, на эти старыя могилы, гдѣ почивають ихъ кости, и помните, что они были православными, и въ правой вѣрѣ и благочестіи спасались въ животѣ своемъ, яко вѣрныя чада восточной истинно католической, т. е. соборной, церкви, и помолитесь о нихъ и скажите: не хотимъ служить лжи, не можемъ проклинать васъ, какъ схизматиковъ, по ученію тѣхъ, которые васъ проклинають и злословятъ вашу память.

И должны вы знать, дорогіе братья, что вѣра отцевъ вашихъ, православная, дѣйствительно *правая* вѣра, вѣра насажденная апостолами и утвержденная святыми отцами первыхъ семи вселенскихъ соборовъ. Это такая вѣра, которая была тогда, въ первыя вѣка, единою вездѣ, и на востокѣ и на западѣ, которую мы исповѣдуемъ въ символѣ вѣры. При ней остались мы, православные, не измѣнивъ ей ни въ чемъ. Поэтому и исповѣдуемъ мы, что вѣруемъ: «во едину святую, соборную и апостольскую церковь».

Но не такъ учили тѣ, которые намъ навязывали унию. По ихъ ученію истинною Христовою церковью есть только *римская* церковь. Она будто солнце, и отъ ней только, а не отъ Христа, Основателя и Главы ея, нашъ востокъ долженъ получать свѣтъ и теплоту, какъ земля и луна отъ солнца.

Такъ ли училъ Христосъ? Такъ ли учили апостолы? Такъ ли учили святые отцы? Написано ли въ евангеліи, что Божественный Спаситель нашъ привязалъ спасеніе рода человѣческаго къ одному городу Риму, къ одному святителю этого города? Написано ли это въ посланіяхъ святыхъ апостоловъ, и прежде всего въ посланіи Апостола Павла къ Римлянамъ, что именно ихъ городъ долженъ быть средоточіемъ всего христіанскаго міра и епископъ его имѣть власть надъ епископами всего міра? Нѣтъ! Объ этомъ не написано ни слова. И послѣ апостоловъ прошло восемь столѣтій, и церковь Христова собиралась на семи вселенскихъ соборахъ, и ни на одномъ изъ нихъ не опредѣлили святые отцы, что только *одинъ* патріархъ западной Римской церкви есть *Глава* ея, и имѣетъ власть надъ всеми другими патріархами и епископами. Они и не могли ничего подобнаго опредѣлить, потому что этого не установили апостолы въ своихъ писаніяхъ и правилахъ вѣры и *главенства* римскихъ епископовъ въ первоначальной церкви Христовой никогда не было. Они, святые отцы, разъ на всегда установили на второмъ вселенскомъ соборѣ, что церковь святая апостольская есть *соборная*, которой управляютъ соборы, а патріархи и епископы суть только исполнители опредѣленій соборовъ. Если бы такъ не было, а дѣйствительно первоначальная церковь признавала бы главенство римскихъ папъ, то святые отцы это ученіе непременно выразили бы въ символѣ вѣры, и непременно такъ: «во единую святую соборную и апостольскую церковь *подъ главенствомъ римскаго папы*». Тогда не было бы никакого сомнѣнія, никакихъ споровъ, всё должны бы такъ, а не иначе вѣрить. Но вы знаете, что въ символѣ ни о Римѣ, ни о римскомъ папѣ, ни объ его главенствѣ нѣтъ ни слова; значитъ: святые отцы всѣхъ семи вселенскихъ соборовъ не вѣрили въ главенство римскаго папы, не вѣрила въ него наша восточная церковь никогда, не вѣрила даже и западная до половины девятаго столѣтія, пока папа Николай I въ гордости своей не навязалъ насиліемъ западной церкви своего главенства, какъ намъ навязали іезуиты и ополяченная наша «шляхта» унию; папа навязалъ это главенство для утвержденія своей власти надъ церквами запада, а іезуиты и шляхта навязали нашимъ отцамъ унию для утвержденія въ русско-литовскихъ краяхъ польскаго духа, чтобы упрочить бывшую польскую такъ называемую республику.

Но чтобы неученымъ, а лишь вѣрующимъ всему доказывать главенство папы, неизвѣстное въ старину, проповѣдники рим-

ской вѣры пустились на разныя хитрости. Они такъ учили и учать:

1) Въ 10-той главѣ евангелія Матѳея ст. 2. написано: «Дванадцатыхъ же апостоловъ имена суть сія: *первый* Симонъ, иже нарицается Петръ, и Андрей братъ его, Іаковъ Заведеевъ» и пр. Вотъ говорятъ они: евангелистъ назвалъ Петра *первымъ*, а такъ какъ Петръ умеръ въ Римѣ, то и преемникъ его, римскій папа, есть *первый* между преемниками апостоловъ, т. е. онъ старшій надъ всѣми епископами; слѣдовательно, онъ имѣетъ власть надъ другими епископами и надъ всею церковью.

На это мы отвѣчаемъ: ежели евангелистъ Матѳеи пишетъ имена всѣхъ 12-ти апостоловъ, то въ его перечисленіи непременно долженъ былъ быть одинъ первый и одинъ послѣдній. Мы почитаемъ апостола Петра *верховнымъ* апостоломъ за его твердую вѣру и его заслуги для церкви Христовой, но церковь святая, почитающая его память, празднуетъ ее *вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ*, а не отдѣльно, потому что признаетъ вѣру и заслуги Павла, не бывшаго даже въ числѣ двоюнадцати апостоловъ, *не менѣе великими*, какъ и Петра, и называетъ ихъ двоицею и *равную* похвалу имъ воздаетъ. О власти же Петра надъ другими апостолами нѣтъ и помину въ священномъ писаніи, а Христосъ училъ апостоловъ не только не искать власти, но напротивъ, когда ученики вопрошали его, кто есть большій въ царствѣ небесномъ, Онъ поставилъ имъ въ примѣръ дитя и сказалъ, что тотъ, *«кто смирится яко отроча сіе, той есть болій въ царствѣи небесномъ»* (Матѳ. 18, 1—4). И апостоль Петръ во всю свою жизнь никогда не присвоилъ себѣ никакой власти надъ другими апостолами, не давалъ имъ никакихъ повелѣній, а напротивъ принималъ даже и укоризну отъ другихъ апостоловъ въ духѣ братской любви. Читайте его оба посланія. Если бы онъ считалъ себя *главою апостоловъ* по повелѣнію Господнему, онъ бы смѣло это написалъ, да это и нужно было бы, чтобы всѣ христіане знали, что у него дѣйствительно самая большая власть, что онъ дѣйствительно глава церкви. Но объ этомъ онъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ, а считаетъ себя равнымъ всѣмъ другимъ апостоламъ, да еще онъ и превозноситъ Павла, не бывшаго, какъ уже выше сказано, въ числѣ двоюнадцати апостоловъ и обратившагося изъ фарисейства уже позже. Вотъ такъ начинается апостоль Петръ свои посланія:

Первое: *«Петръ Апостоль Іисусъ Христовъ, избраннымъ пришельцамъ разсѣляя Понта, Галатіи, Каппадокіи, Асіи и Вивиніи.»*

Онъ не пишетъ, что онъ «первый», «старѣйшій» всѣхъ, что онъ «глава»; онъ не пишетъ даже о Римѣ ни слова, а только къ христіанамъ, крестившимся въ Азіи изъ іудеевъ (пришельцевъ).

Второе посланіе: «*Симонъ Петръ рабъ и посланникъ Іисусъ Христовъ, равночестную съ нами получившимъ вѣру въ правду Бога и Спаса Іисуса Христа*» и пр.

Опять ни слова о первенствѣ, главенствѣ и пр. А въ концѣ 3-й главы (ст. 15, 16) онъ превозноситъ премудрость возлюбленнаго брата Павла, указывая на его посланія. Онъ не назначаетъ себѣ преемника, хотя предсказываетъ свою близкую кончину. Апостоль Петръ не только не пользовался никакою властью надъ другими апостолами, но еще и повиновался имъ. Такъ собранные въ Іерусалимѣ апостолы, услышавъ, что въ Самаріи принимаютъ Христово ученіе, послали туда Петра и Іоанна, помолившись надъ ними «*яко да приимутъ Духа Святаго*» (Дѣянія 8, 14). Апостоль Петръ давалъ предъ другими апостолами отчетъ о своихъ дѣянiяхъ и оправдывался, какъ напр. въ томъ, что онъ обращалъ не только іудеевъ, но и язычниковъ, и съ ними ѣлъ (Дѣянія 11, 3. 4). Онъ даже принималъ укоризну отъ апостола Павла въ Антиохіи (Галат. 2. 11, 16); а этого быть не могло, если бы онъ былъ главою, повелителемъ и распорядителемъ, которому не могли бы другіе апостолы давать распоряженій или наставленій, посылать его на проповѣдь и требовать отъ него отчета, и дѣлать объ его дѣйствіяхъ замѣчанія. Слѣдовательно, главенство папы не можетъ быть доказано изъ священнаго писанія, ученіе о немъ не извѣстно было христіанамъ первыхъ вѣковъ, а выдуманно позже, и отъ него вышло ужасное зло для церкви Христовой: оно стало причиной ненависти, гоненій христіанъ христіанами и соблазномъ для жидовъ и язычниковъ.

2) Но самое главное, на чемъ основываютъ римскіе католики главенство папы, это текстъ изъ евангелія отъ Матѳея гл. 16, ст. 17—20. Этотъ текстъ мы разберемъ подробно и пояснимъ его смыслъ, потому что онъ служитъ будто самымъ сильнымъ оружіемъ папистовъ.

Іисусъ Христъ, пришедши съ учениками въ страну Кесаріи Филипповой, спрашивалъ апостоловъ: «*кого мя глаголютъ человецы быти сына человеческого?*» Они сказали: «*Ови убо Іоанна Крестителя, инии же Ілію, друзіи же Іеремію или единаго отъ пророкъ*». Іисусъ спросилъ ихъ: «*вы же кого мя глаголете быти?*» На это отвѣщаль Петръ: «*Ты еси Христъ, Сынъ Бога живаго*». Іисусъ отвѣщаль ему: «*Блаженъ еси Симоне варъ Іона (сынъ Іоны), яко плоть и кровь не яви тебѣ (того что ты сказалъ, что Іисусъ есть*

Христосъ, Сынъ Бога живаго), *но Отецъ Мой, иже на небесѣхъ. И азъ же тебѣ глаголю, яко ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей. И дамъ ти ключи царства небснаго, и еже аще свяжешь на земли, будетъ связано на небесѣхъ, и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ*. Этотъ текстъ читали первые христiане, читали святые отцы вселенскихъ соборовъ, но не признавали они ни главенства папы, ни его власти надъ вселенскою церковью. А это потому, что они право понимали смыслъ этихъ словъ, какъ понимаетъ ихъ до сихъ поръ восточная православная церковь. Святые отцы знали, что эти слова сказаны Иисусомъ Петру за твердость его вѣры, выраженную словами: *«Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго»*; Иисусъ за то назвалъ Сумона *Петромъ*, т. е. *камнемъ*, значить: камнемъ вѣры. Но такая вѣра была не только у Петра; она была и у другихъ апостоловъ, потому Христосъ сказалъ такія же слова и всѣмъ апостоламъ, всѣмъ имъ сказалъ: *аминь бо глаголю вамъ, елика аще свяжете на земли, будутъ связаны на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшены на небесѣхъ*. (Матѣ. 18, 18). Святые отцы объясняютъ, какой это камень, именно, что это тотъ камень вѣры, который Петръ исповѣдалъ, т. е. Самъ Иисусъ Христосъ, что на Немъ стоитъ церковь, или: на вѣрѣ въ Него, Спасителя нашего, а не на плоти и крови Петра, на которыхъ не могъ Христосъ строить церкви, въ которой Онъ обѣщаль быть *«до скончанiя вѣка»*, которая по словамъ св. Апостола Павла *«иного основанiя»* имѣть не можетъ, *«паче лежащаго, еже есть Иисусъ»* (1 Кор. 3. 11.) и всѣ апостолы, какъ мы и читаемъ въ посланiи къ Ефесеемъ (2, 20), что вѣрующiе во Христа *«наздани—на основанiи Апостолъ и пророкъ, сушу краеугольну (камню) самому Иисусу Христу»* (а не самому апостолу Петру и его преемникамъ въ Римѣ). Если же были и такiе святые отцы, которые слово «камень» относили къ апостолу Петру, что же изъ этого слѣдуетъ? Ничто другое, кромѣ того, что пишетъ св. Амвросiй, что *«на Петръ такъ основана церковь, какъ и на другихъ»*, а блаженный Иеронимъ пишетъ: *«Ты говоришь, что на Петръ основана церковь, но тоже само въ другомъ мѣстѣ говорится и о другихъ апостолахъ: сей домъ построенъ на основанiи Апостоловъ и пророковъ»*. Такъ и о *«ключахъ»* пишетъ блаженный Августинъ: *«Развѣ только Апостолъ Петръ получилъ ключи, а Павелъ не получилъ? Петръ получилъ, а Иаковъ, Иоаннъ и другiе Апостолы не получили? Гдѣ же эти ключи? Не въ церкви ли, гдѣ ежедневно отпускаются грѣхи?»*

Если бы было вѣрно, что только одинъ Петръ и его преемники, римскіе папы, получили такую власть отъ Христа, то какъ могло бы случиться, что христіанскій міръ не вѣрилъ въ эту власть въ продолженіе восьми вѣковъ, которую только въ 9-мъ столѣтіи присвоилъ себѣ папа Николай I, а за нимъ его преемники, и что споръ этотъ продолжается до сихъ поръ, и разрѣшить его такъ трудно? Если бы одни римскіе папы имѣли ключи «*вязати и рѣшати*», какъ могла бы существовать восточная церковь, не признавшая этой власти? А она существуетъ! И если вѣрно, что на римской церкви должны исполниться слова Спасителя, что «*врата адова не одолѣютъ ей*», зачѣмъ же нужно было столько орудій мученія, столько горящихъ костровъ, столько кровопролитныхъ воинъ изъ-за папства, если оно неодолимо внутренней своей духовной силой? Какъ могло протестанство завладѣть цѣлыми большими державами, какъ могла сама Италія отнять у *своего* папы его мірское владѣніе и привести его къ такому печальному положенію, что онъ считаетъ себя въ настоящее время «*узникомъ*» итальянскаго, *имъ же самимъ, проклятаго* короля, и думаетъ о томъ, не оставитъ ли ему Рима? Отъ чего же происходятъ эти всѣ жалобы папъ на притѣсненія, — кѣмъ? — не врагами, а самими католиками?

Все священное писаніе и исторія церкви доказываютъ, что приведенные нами тексты другое имѣютъ значеніе, и что римскіе папы должны были пускать въ ходъ другія средства и весьма непохвальныя, чтобы утвердиться въ своей власти. Если бы тѣ тексты были такъ ясны и неопровержимы, зачѣмъ бы папѣ Николаю I прибѣгать еще къ «*ложнымъ декреталиямъ Исидора*», къ книгѣ несомнѣнно подложной? А именно на эту книгу сослался папа и на ней основалъ свою власть, хотя самые папы не въ состояніи доказать, что это была книга подлинная, а не сочиненная нарочно для обмана всего міра въ такое время, когда наука доступна была только не многимъ.

3) Защитники всемірной власти папъ ссылаются еще на другіе тексты, но кромѣ ложныхъ выводовъ ничего изъ нихъ не выводятъ. Такъ приводятъ они слова Іисуса: «*Симоне Ионинъ, любиши ли Мя паче сихъ? Глагола ему: ей Господи, Ты вси яко люблю Тя. Глагола ему: паси агнцы моя. Глагола ему паки второе: Симоне Ионинъ, любиши ли Мя? Глагола ему: ей Господи, Ты вси, яко люблю Тя. Глагола ему: паси овцы моя. Глагола ему третіе: Симоне Ионинъ, любиши ли Мя? Оскорбъ же Петръ, яко рече ему третіе: любиши ли Мя, и глагола ему: Господи, Ты вся вси, Ты вси, яко люблю*

Тя. Глагола ему Иисусъ: *паци овцы моя*» Изъ этого текста они выводятъ, что разница между агнцами и овцами въ томъ состоитъ, что агнцы составляютъ стадо христіанское, а овцы пастырей, епископовъ, надъ которыми поставленъ Петръ, какъ верховный Пастырь, т. е. имѣющій пасту и стадо и пастырей. Но всякому легко понятно, что и агнцы и овцы составляютъ стадо, что подъ овцами Христосъ не могъ разумѣть пастырей епископовъ, и что между епископами и паствою не мыслима такая разница, какъ между овцею и человѣкомъ! Это уже верхъ гордости, къ которой не способенъ былъ ни Петръ, ни другіе апостолы, которые всё, не исключая и Петра, не иначе себя звали, какъ рабами Иисуса Христовыми, апостолами или посланниками, а вѣрующихъ называли братіею, стадомъ, но нигдѣ не называлъ апостоль Петръ другихъ апостоловъ овцами *своего* стада, ни себя княземъ апостоловъ, какъ называютъ его паписты (princeps apostolorum).

Къ чему всё такія мудрствованія? Развѣ Иисусъ, если бы хотѣлъ дать Петру власть надъ всеми апостолами, не сказалъ бы ясно: тебѣ Петръ должны покоряться всё, и другимъ апостоламъ сказалъ бы: слушайте его всё. Иисусъ же сказалъ всемъ апостоламъ вмѣстѣ: *«слушай васъ, Мене слушаетъ»* (Луки 10, 16), т. е. васъ *всѣхъ* вмѣстѣ и каждаго отдѣльно. Всё вы равны.

Но зачѣмъ же, говорятъ паписты, Иисусъ трижды сказалъ Петру, что онъ долженъ пасту его агнцевъ и овецъ? На это даетъ отвѣтъ св. Іоаннъ Златоустый. *«Трижды»* говоритъ онъ *«вопросиаетъ Господь Петра и трижды даетъ ту же заповѣдь, чтобы показать, какъ много должно заботиться о спасеніи овецъ»*. Прекрасно поясняетъ эти слова св. Григорій Богословъ къ еретику Новату: *«не пріемлешь того великаго Петра, съ которымъ случилось во время спасительной страсти нѣчто человѣческое? Но принявъ его Самъ Иисусъ и трикратнымъ вопрошеніемъ и исповданіемъ не исцѣмился ли онъ отъ трикратнаго отреченія?»* Это естественно: послѣ троекратнаго отреченія, которое предсказалъ ему Иисусъ, идя на смерть, Петръ палъ духомъ, плакался горько, не смѣлъ даже быть при распятіи Іисуса; послѣ воскресенія Іисуса нужны были эти вопросы Петру и *возстановленіе Спасителемъ его апостольства*, но это никакъ не было признаніемъ *яко бы царской власти Петра въ церкви*.

На такихъ и другихъ подобныхъ шаткихъ основаніяхъ построено было съ 9-го столѣтія папство, благодаря темнотѣ тогдашнихъ временъ и содѣйствию мірской власти. Въ то самое время ясніли на востокѣ свѣтлыя звѣзды, — патріархъ Фотій въ

Царьградъ и Солунскіе братья просвѣтители Славянъ Кириллъ и Меѳодій. Заботами перваго проникнулъ свѣтъ Христовъ въ предѣлы нашей русской земли. Солунскимъ братьямъ обязанъ весь славянскій востокъ своимъ духовнымъ возрожденіемъ, которое окончательно совершилось и на Руси при равноапостольномъ князѣ Владимірѣ. Исторія Руси не упоминаетъ ничего о кровавомъ введеніи у насъ ученія Спасителя. Лѣтописи упоминаютъ только о двухъ мученикахъ, Θεодорѣ и Іоаннѣ тогда, когда на западѣ отъ имени римскихъ папъ дѣйствовали военные католическіе ордена, обращавшіе язычниковъ въ Пруссіи и въ прибалтійскихъ странахъ мечемъ и огнемъ, истребляя еретиковъ истинно адскими мученіями. Христіанство водворилось у насъ мирно. Нельзя не удивляться, что такой многочисленный народъ крестился безъ сопротивленія; нельзя не вѣрить, что дѣйствовала при томъ сила свыше. *Русь и восточная церковь сплотились въ одно цѣлое.* Вѣра русская прославилась своимъ духомъ мира, кротости и смиренія. Ее уважали даже невѣрные, и въ томъ числѣ и татары, покорившіе нашу землю и грабившіе ее. Они не дерзали обижать нашей церкви и нашего духовенства, оставляя его въ покоѣ. Русь сбросила съ Божіей помощью татарское иго, но на западныхъ ея окраинахъ со временемъ пришлось ей отражать *другое*, духовное иго. О томъ читали вы уже выше и узнали, какое опустошеніе осталось послѣ введенія церковной уніи 1596 года. Древле-русскіе края превратились въ польскіе много мятежные лагеря; русскія церкви опустѣли и разрушились, чужина просвоила себѣ господство надъ умами и душами нашихъ людей, и они не разбирая, гдѣ истина, и гдѣ лѣсть, шли туда, гдѣ болѣе блеска и шума!

Но всему есть свое время. Польша пала не столько отъ рукъ враговъ, сколько отъ собственной неурядицы и вражды противъ всего, что было русскаго и православнаго. Зло, посѣянное ею, осталось и дожидалось рукъ, которыя должны были его искоренить. Явился мужъ, великій святитель Іосифъ, положившій начало добродѣлю возвращенія прельщенныхъ уніатовъ на лоно родной ихъ матери, православной церкви. Прошло 50 лѣтъ, и видны уже богатые плоды его неутомимыхъ трудовъ и въ другихъ странахъ. Уже и Холмъ воссоединился въ 1875 году, а Червонная Русь дожидается дня свободы, когда скажетъ свое громкое слово, и не далеко уже то время, когда вся Русь восхвалитъ Бога едиными усты и единымъ сердцемъ!
